

CONTENTS

GENRE UNIQUENESS OF THE "FINAL" BOOK OF POEMS BY E. EUTUSHENKO. YEVTUSHENKO "I DON'T KNOW HOW TO SAY GOODBYE. VERSES. POEMS" (2013)	Gudkova Svetlana Petrovna / Khozyaikina Anastasia Vladimirovna	11
MODERN SLANG AND TEACHING RUSSIAN TO IRANIAN STUDENTS	Kamelova Saniya Ibragimovna	25
IMAGE OF THE EAST IN "LETTERS OF A RUSSIAN FROM PERSIA" BY N. F. MASALSKY	Maltseva Tatiana Vladimirovna	43
REPRESENTATION OF THE PHENOMENON OF CHILDHOOD IN THE «PEDAGOGICAL POEM» BY A. MAKARENKO	Osmukhina Olga Yurievna / Chekasheva Nadezhda Vladimirovna	59
FINDING THE MOTHERLAND IN ISOLATION FROM IT (BASED ON THE MATERIAL OF FATE AND CREATIVITY OF I.A. BUNIN)	Prashcheruk Natalia Viktorovna	75
TACTICS OF CHARACTERIZATION OF LEO TOLSTOY IN THE DIARIES OF SOPHIA TOLSTAYA	Tokarev Grigoriy Valeriyevich / Yahyapour Marzieh	93
ADDRESSES IN THE SOLEMN ODES OF M.V. LOMONOSOV AS ORATORICAL FORMS OF SPEECH	Burtsev Vladimir Anatolyevich	107
THE LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT "MOTHERLAND" IN THE TEXT OF A LULLABY AS A GENRE OF PEDAGOGICAL DISCOURSE	Komleva Elena Valerievna	129
COLOUR OF VIOLET IN THE RUSSIAN COLOUR CONCEPTOSPHERE	Sivova Tatyana Viktorovna	147
LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF THE TEXT "THE TALE OF THE FISHERMAN AND FISH" AND "THE LITTLE BLACK FISH"	Kalashi Nahideh	169
THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF D. DANILOV (THE NOVELS "DESCRIPTION OF THE CITY" AND "SASHA, HELLO!")	Kuryaev Ilgam Ryasimovich	185
COMPARISON OF CRITICAL VIEWS OF V.G. BELINSKY ON PUSHKIN, GOGOL AND LERMONTOV	Sadeghi Sahlabad Zeinab	201

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ИТОГОВОЙ» КНИГИ СТИХОВ Е. ЕВТУШЕНКО «НЕ УМЕЮ ПРОЩАТЬСЯ. СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ» (2013)	
Гудкова Светлана Петровна / Хозяйкина Анастасия Владимировна	11
СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ И ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ	
Камелова Сания Ибрагимовна	25
ОБРАЗ ВОСТОКА В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ИЗ ПЕРСИИ» Н.Ф. МАСАЛЬСКОГО	
Мальцева Татьяна Владимировна	43
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА В «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ» А. МАКАРЕНКО	
Осьмухина Ольга Юрьевна / Чекашева Надежда Владимировна	59
ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ В ИЗОЛЯЦИИ ОТ НЕЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА)	
Пращерук Наталья Викторовна	75
ТАКТИКИ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ Л.Н. ТОЛСТОГО В ДНЕВНИКАХ С.А. ТОЛСТОЙ	
Токарев Григорий Валериевич / Яхьяпур Марзие	93
ОБРАЩЕНИЯ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА КАК ОРАТОРСКИЕ ФОРМЫ РЕЧИ	
Бурцев Владимир Анатольевич	107
ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ТЕКСТЕ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ КАК ЖАНРЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
Комлева Елена Валерьевна	129
ЦВЕТ ФИАЛКИ В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	
Сивова Татьяна Викторовна	147
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА «СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» И «ЧЕРНАЯ РЫБКА»	
Калаши Нахидех	169
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДА В ПРОЗЕ Д. ДАНИЛОВА (РОМАНЫ «ОПИСАНИЕ ГОРОДА», «САША, ПРИВЕТ!»)	
Куряев Ильгам Рясимович	185
СРАВНЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В.Г. БЕЛИНСКОГО НА ПУШКИНА, ГОГОЛЯ И ЛЕРМОНТОВА	
Садеги Сахлабад Зейнаб	201

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

GENRE UNIQUENESS OF THE "FINAL" BOOK OF POEMS BY E. EUTUSHENKO. YEVTUSHENKO "I DON'T KNOW HOW TO SAY GOODBYE. VERSES. POEMS" (2013)

Gudkova Svetlana Petrovna^{1*}

Professor at National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia.

Khozyaikina Anastasia Vladimirovna²

Graduate Student at National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia.

(date of receiving: November 2023; date of acceptance January 2024)

Abstract

The article deals with the genre and problem-thematic features of the "final" book of poems by E. Yevtushenko "I Don't Know How to Say Goodbye. Verses and Poems". In the course of the analysis it is established that two genre-species forms of the "final" book of poems are developing in contemporary Russian poetry: a boundary or stage book of poems and a "testament book", built on the genre model of the "final" book of poems of the last third of the XIX century. The paper concludes that E. Yevtushenko's book of poems belongs to the second genre-species form, where an important ideological and semantic role is played by the complicated architectonics, plot-forming motifs, polygraphic means, and metaphorical title. The distinctive features of E. Yevtushenko's poetics become declarative, epatastic, strongly pronounced subjectivity of the poetic voice of the lyrical hero, closely merged with the image of the poet himself. The book demonstrates the author's view of his own fate and the fate of Russia. It actualizes the motifs of forgiveness and farewell, loss, the desire to share the most intimate things, to remember the best moments of his life, to thank his loved ones; biography is combined with a dialogical appeal to the "other".

Keywords: E. Yevtushenko; "Final" Book of Poems; Meta-Genre Formation; Composition; Lyrical Hero.

---

1. E-mail: sveta_gud@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347> * Corresponding author

2. Email: nastushka2030@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8059-5996>

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ИТОГОВОЙ» КНИГИ СТИХОВ Е. ЕВТУШЕНКО «НЕ УМЕЮ ПРОЩАТЬСЯ. СТИХОТВОРЕНИЯ. ПОЭМЫ» (2013)

Гудкова Светлана Петровна^{1*}

Профессор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия.

Хозяйкина Анастасия Владимировна²

Аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия.

(дата получения: ноябрь 2023 г., дата принятия: январь 2024 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются жанровые и проблемно-тематические особенности «итоговой» книги стихов Е. Евтушенко «Не умею прощаться. Стихотворения и поэмы». В ходе анализа установлено, что в современной отечественной поэзии находят развитие две жанрово-видовые формы «итоговой» книги стихов: рубежная или этапная и «книга-завещание», построенная по жанровому образцу «итоговой» книги стихов последней трети XIX в. В работе делается вывод о принадлежности книги стихов Е. Евтушенко ко второй жанрово-видовой форме, где важную идейно-смысловую роль играют усложнённая архитекtonика, сюжетообразующие мотивы, полиграфические средства, метафорическое название. Отличительными чертами поэтики Е. Евтушенко становятся декларативность, эпатажность, ярко выраженная субъективность поэтического голоса лирического героя, тесно слитого с обликом самого поэта. Книга демонстрирует авторский взгляд на собственную судьбу и судьбу России. В ней актуализируются мотивы прощения-прощания, утраты, желание поделиться самым сокровенным, вспомнить о лучших минутах своей жизни, поблагодарить близких; биографизм сочетается с диалогической обращённостью к «другому».

Ключевые слова: Е. Евтушенко; «Итоговая» Книга Стихов; Метажанровое Образование; Композиция; Лирический Герой.

1. E-mail: sveta_gud@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347> * Ответственный автор

2. Email: nastushka2030@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8059-5996>

Введение

Актуальность заявленной темы объясняется, с одной стороны, необходимостью осмысления книги стихов как одной из ведущих крупных жанровых форм в современной отечественной поэзии, взявшей на себя на рубеже XX–XXI вв. функцию «анализа социокультурной ситуации, проблематизации новой (постсоветской) идентичности, опровержения/восстановления традиций, проработки исторических травм» (Книга стихов как феном культуры России и Беларуси 2016. 19). С другой стороны, значимой проблемой становится активно возрастающее внимание исследователей к такой жанрово-видовой разности книги стихов как «итоговая», метажанровая структура которой наиболее репрезентативно демонстрирует авторское мировидение как целостную художественную систему, итоги личной и творческой биографии её создателя. Изучение жанрового и проблемно-тематического своеобразия «итоговой» книги стихов в контексте индивидуально-авторских поэтик, развивающихся на фоне динамических изменений жанровой системы конкретных историко-литературных периодов, позволит не только выявить специфику творческого метода того или автора, особенности художественной картины мира, но и проследить характер развития современной отечественной поэзии в целом.

Основная часть

«Итоговая» книга стихов, получившая развитие в поэзии последней трети XIX в. (Мирошникова 2004. 5), становится одной из значимых крупных жанровых форм в поэзии рубежа XX–XXI вв., отражающих основные тенденции современного поэтического процесса. Под влиянием динамических преобразований в социокультурном пространстве современной России она усиливает внимание к «монолитности» мотивного комплекса, визуальному ряду, полиграфическому оформлению, заголовочному комплексу,

поэтическим экспериментам с литературной традицией, языковым смещениям. С одной стороны, она всесторонне демонстрирует новую постсоветскую идентичность, с другой, – представляет авторское мировидение как целостную художественную систему (Верина 2016; Гудкова 2019).

В творчестве современных поэтов «итоговая» книга представляет собой метажанровое образование. Ее отличительными особенностями становятся: авторская продуманность композиции, биографизм, жанровая поливалентность, контекстное единство (наличие поэтического сюжета), мортальная символика, мотив подведения итогов творческой деятельности; большую роль в ней играет заголовочный комплекс, обязательно наличие вступительной статьи (послесловия), разного рода авторских комментариев, привлечение полиграфических средств.

«Итоговая» книга стихов в творчестве поэтов «старшего» поколения имеет особые отличительные признаки. В ней нашёл отражение богатый жизненный опыт авторов, ставших очевидцами эпохальных событий второй половины XX столетия. Многие из них пришли в литературный процесс в 1960-х гг. и продолжают активно работать в XXI в. В их творчестве, во-первых, можно выделить «итоговую» или рубежную/этапную книгу стихов, подводящую черту определённому этапу жизненного и творческого пути автора; во-вторых, – «итоговую» книгу стихов, построенную по жанровому принципу поэтов-классиков второй половины XIX в., где доминируют мотивы прощания, ухода, ностальгических воспоминаний о прошлом; присутствует желание подвести итог всей творческой биографии. Архитектоника таких книг даёт возможность проследить эволюцию творчества поэтов, актуализирует изменения картины авторского мировидения (от раннего творчества к позднему). В первой жанрово-видовой разновидности итоговый характер чаще всего связан с переосмыслением рубежного периода, который наложил отпечаток как на социокультурный облик России, так и на мировоззрение русского человека.

Показательным примером рубежной книги стихов, в которой поднимаются важные вопросы времени («Каково будущее России?», «Что её ждёт?», «Какова роль поэта в обществе?» и т.п.), являются книги стихов «Граждане, послушайте меня...» (1989) Е. Евтушенко и «СтиХХI» (2006) А. Вознесенского. Издания сближаются поэтическими размышлениями о судьбе России, её легендарном историческом прошлом, об особой роли поэта в обществе (Хозяйкина 2022).

«Итоговой» книгой стихов, построенной по классическому образцу, созданному поэтами второй половины XIX в., может являться книга стихов Е. Евтушенко «Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы» (2013). В данное издание, вышедшее в составе серии «Библиотека всемирной литературы», вошли «самые лучшие, скрупулезно отобранные вместе с автором стихотворения и поэмы, написанные за долгие годы его творческого пути, в том числе и совсем новые» (Евтушенко 2013. 4). Действительно, книга «Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы» – последняя в творчестве культовой фигуры 1960-х гг. Она создавалась в период тяжёлой болезни автора, который на тот момент уже несколько лет боролся с раком, однако принимал активное участие в формировании сборника лирических текстов.

Примечательным и символичным является название книги – «Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы». В развёрнутом предисловии к изданию Е. Евтушенко делает попытку раскрыть истинный смысл фразы, ставшей заглавием. Обращая внимание на ключевую роль в его жизни воспоминаний, покинувших этот мир людей, пережитых событий, поэт замечает: «Одну из моих книг я предварил предисловием с таким названием: “Прощание с двадцатым веком”. А между тем я не умею прощаться. Все, что со мной случилось, во мне и остается. Я до сих пор люблю всех женщин, которых когда-то любил, даже хотя бы на мгновение, и не могу их забыть <...>. Не умею прощаться с друзьями, когда они умирают, потому что они становятся

населением моей совести и никуда от их вопрошающих взглядов не денешься. Не умею прощаться с книгами, любимыми с детства, – до сих пор моим героем остается Тиль Уленшпигель. Не умею прощаться с песнями детства, особенно с теми, какие пела мама солдатам на фронте...» (Там же. 17).

Предисловие представляет собой откровенный и искренний рассказ поэта о тяготах XX в., выпавших на его долю, среди которых: Великая Отечественная война, «первые глотки воздуха Победы», события августа 1968-го г. (ввод войск в Чехословакию) и др. Однако несмотря на большое количество горестей, пережитых Е. Евтушенко, он признаёт, что именно это время стало для него временем обретения человечности. Так, уже во вступительной части книги поэт обнаруживает ключевые мотивы издания – мотив старости и связанный с ним мотив прощания. Указывая на необходимость обращения современного поколения к опыту предшественников, поэт с грустью замечает: «Нас становится все меньше и меньше, хотя кажется, что мы нужны новому поколению все больше и больше, ибо столькое ему недосказали» (Там же. 18). Мотив прощания, подчеркнутый в названии книги стихов, на первый взгляд выражен в свойственной поэту-шестидесятнику манере – ярко, эгоцентрично и эпатажно – однако даже эта броская фраза («Не умею прощаться») не может скрыть глубокого драматизма поэта, который переживает за судьбу России и её будущих поколений.

Обращает на себя внимание и обложка издания, в оформлении которой использованы фрагменты работ известных художников XX столетия: постимпрессиониста Марка Шагала и основателя кубизма Жоржа Брака. Рисунок Марка Шагала с автографом художника «Для Евтушенко на память», размещённый на обложке книги стихов, приобретает, на наш взгляд, особое символическое значение. Дом со створчатыми окнами; машущий двумя руками и мягко улыбающийся кудрявый юноша в головном уборе, имеющем черты берета; лошадь, вставшая на дыбы, – именно это видит читатель,

взявший в руки книгу «Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы». Образы, на первый взгляд не связанные с личностью поэта-шестидесятника, при детальном рассмотрении становятся значимыми и понятными. Так, лошади занимают особое место в творчестве яркого представителя постимпрессионизма. По мнению исследователей, в работах М. Шагала они символизируют свободу и силу. Эти качества были свойственны и Е. Евтушенко. Створчатые окна – «глаза дома» – олицетворяют связь с прошлым, воспоминания, потому что позволяют творцу не только наблюдать за тем, что происходит вокруг, но и погружаться в пережитые мгновения, перемещаться между значимыми топосами. За юношей с яркой внешностью и привлекающей внимание позой, возможно, скрывается личность самого Е. Евтушенко, которому свойственна эпатажность, эгоцентризм, желание находиться в эпицентре событий и быть услышанным.

Книга «Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы» не обладает усложнённой архитектурой: в ней отсутствует деление на главы, разделы и подразделы, произведения расположены в соответствии с хронологическим принципом размещения. В этой связи заметим, что дата создания поэтических текстов указывается тремя способами: большая часть произведений сопровождается годом их написания; ряд текстов обладает расширенной характеристикой, включающей число, месяц и конкретную локацию (например, 13–14 июня 1963, Гульриш); ранние поэтические тексты завершает указание периода, временных рамок (например, 1948–1958). Подобное построение книги, соответствующее классическим образцам, созданным поэтами второй половины XIX в., на наш взгляд, способствует созданию единого поэтического контекста, заставляет читателей воспринимать написанное как непрерывный и трансформирующийся лирический текст. Большая часть стихотворений, вошедших в книгу, написана на протяжении XX столетия и является отражением творческого периода поэта с 1937 по 2001

гг. Примечательно, что многие произведения сопровождаются авторским комментарием, раскрывающим некоторые факты из его биографии и содержащим своеобразное пояснение к написанному поэтическому тексту. Так, о первой строке стихотворения «Я проснулся рано-рано», созданного в 1937 г., Е. Евтушенко замечает: «Это была моя первая, самолично написанная карандашом фраза – и получилось что-то, похожее на стихи. Бабушка, Анна Васильевна Плотникова, мама моего отца, шутливо ужаснулась: “Ну и наклонности!”» (Там же. 27).

Важно заметить, что хронологический принцип расположения поэтических текстов сознательно нарушается поэтом дважды: открывают и завершают книгу стихов произведения, созданные в 2013 г., на них, на наш взгляд, стоит обратить особое внимание.

Начинается издание философским стихотворением «Как забыть мне про счастья...», в котором отражены размышления Е. Евтушенко о XX столетии, имеющем ключевое значение в жизни и творчестве поэта-шестидесятника. Вероятно, именно поэтому думы об ушедшем времени продолжают занимать автора и в новом веке. Неслучайно он сравнивает XX в. с образом главного пророка иудаизма – Моисеем: «Нет мне чуждого века, / но в истории всей, / век двадцатый-калека, / ты был мой Моисей. / Ты собой искалечен. / Нас на муки обрек, / но спасительно вечен, / словно страшный урок. / Души нам чуть не вынул / тем, что так истерзал, / но куда-то нас вывел, / а куда – не сказал» (Там же. 26). Пережитое столетие в тексте Е. Евтушенко одухотворяется, в нём угадываются черты учителя, проводника во внешний мир, который, чтобы закалить характер своего подопечного, вынужден подвергать его каждодневным испытаниям.

Завершается поэтический текст обращением лирического героя, приближенного к образу автора, к проблеме чуждости человеческой души. Е. Евтушенко приходит к выводу – чтобы «оттаять», достаточно взгляда или

улыбки другого: «Как нам нужен автобус, / чтобы вам или мне / чья-нибудь чистолобость / улыбнулась в окне. / Лишь дожждаться бы взгляда, / что оттаял бы нас. / Нам немного надо – человеческих глаз» (Там же. 26). Стоит обратить внимание на наличие в этом стихотворении автобиографических мотивов. Книга стихов «Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы» проиллюстрирована фотографиями из личного архива автора и картинами из Музея-галереи Е. Евтушенко, что также подчёркивает её исповедальный характер. С одного из снимков, сделанных поэтом, сквозь заиндевевшее окно иркутского автобуса на читателей смотрят женщина и ребёнок. Это мгновение – Иркутск, автобус, взгляд незнакомки – писатель, используя поэтические строки, сохраняет навсегда: «...Такой хороший взгляд что-то оттаял во мне, и надеюсь, что навсегда» (Там же. 17).

Завершает книгу стихотворение «Не умею прощаться...». В нём мотив прощания трансформируется в мотив прощения. Лирический герой вновь заявляет о неумении расставаться с собственными воспоминаниями, близкими когда-то людьми и одновременно с этим подчёркивает, что прожитые годы, приобретённый жизненный опыт научили его отпускать то, что дорого сердцу, прощать тех, кто «заблудился»: «Тех, кто вдруг стал нечисто / жить лишь сам для себя, / я прощать научился, / правда, их разлюбя. / Но прощаю заблудших / не со зла – впопыхах, / в ком есть все-таки лучик / покаянья в грехах. / <...> Я прощаю всех слабых – / милых пьяниц, нерях, / но кому не был сладок / чей-то крах, чей-то страх. / Лучше, чем беспощадство, / сердце к сердцу прижать. Не умею прощаться. / Научился прощать» (Там же. 763). Используемая Е. Евтушенко игра слов, основанная на близости в звучании глагольных форм («прощаться – прощать»), употребление неологизма («беспощадство») существенно обытовляют авторские размышления о важном, придают им тональность несерьёзного разговора. В финале поэтического текста звучит идея любви к ближнему, которая, по мнению поэта, способна прийти на смену

чёрствости и жестокости, процветающим в человеческой душе. Так, стихотворения «Как забыть мне про счастья...» и «Не умею прощаться», связанные мотивом прощания-прощения и рассуждениями о спасении внутреннего мира человека, образуют кольцевую структуру издания: открывают, а затем замыкают «круг» размышлений Е. Евтушенко о случившемся в XX в.

Заключение

Таким образом, сюжетобразующей основой «итоговой» книги стихов Е. Евтушенко становятся поэтические размышления о судьбе России, её легендарном историческом прошлом, об особой роли поэта в обществе. В данной книге представлен яркий, эпатажный облик лирического героя, тесно слитый с обликом самого автора. Отличительные черты поэтики – метафоричность, эгоцентризм, насыщенная образность, риторичность, экспериментальный характер стиха – направлены прежде всего на отражение противоречивой эпохи рубежа XX – XXI столетий. Книга построена по хронологическому принципу, важное значение в осмыслении её идейно-художественного своеобразия играют полиграфическое оформление, метафорическое название, сквозные мотивы и образы. Е. Евтушенко, оставаясь и на рубеже XX–XXI вв. «громким» поэтом эпохи, не только поднимает «болезненные» проблемы действительности, но и указывает возможные пути спасения современного мира. При этом автор не отделяет себя от эпохи, считая поэта частью описываемого им мира, способной влиять на ход событий. Рассказ о «времени и о себе», обращение к современному поколению, желание быть услышанным – главные отличительные особенности «итоговой» книги стихов Е. Евтушенко.

Литература

- 1- Верина У. Ю. (2017). *Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв.* Минск: БГУ.
- 2- Вознесенский А. (2006). *СтиХХI*. Москва, Время.
- 3- Гудкова С. П. (2019). *Характер развития «итоговой» книги стихов как крупной жанровой формы в современной русской поэзии Мордовии*. Вестник угроведения. №1. С. 19–29.
- 4- Евтушенко Е. (1989). *Граждане, послушайте меня*. Москва: Художественная литература.
- 5- Евтушенко Е. (2013). *Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы*. Москва, Эксмо.
- 6- *Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси*. (2016). / Под ред. Н. В. Барковской [и др.]. Москва; Екатеринбург, Кабинетный ученый.
- 7- Мирошникова О. В. (2004). *Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика*: дис. ... докт. филол. наук. Омск.
- 8- Хозяйкина А. В. (2022). *Особенности визуального и вербального в книге стихов А. Вознесенского «СтиХХI»*. Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства: коллективная монография / отв. ред. д. филол. н., проф. Т. А. Шарыпина, д. филол. н., проф. М. К. Меньщикова. Нижний Новгород, Издатель А. В. Щепинский. С. 436–442.

Bibliography

- 1- Verina U. Ju. (2017). *Obnovlenie zhanrovoj sistemy russkoj poezii rubezha HH–HHI vv.* Minsk: BGU.
- 2- Voznesenskij A. (2006). *StiHHI*. Moskva, Vremja.
- 3- Gudkova S. P. (2019). *Harakter razvitija «itogovoj» knigi stihov kak krupnoj zhanrovoj formy v sovremennoj russkoj poezii Mordovii*. Vestnik ugrovedenija. №1. S. 19–29.
- 4- Evtushenko E. (1989). *Grazhdane, poslushajte menja*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
- 5- Evtushenko E. (2013). *Ne umeju proshhat'sja. Stihotvorenija. Pojemy*. Moskva, Jeksmo.
- 6- *Kniga stihov kak fenomen kul'tury Rossii i Belarusi*. (2016). / Pod red. N. V. Barkovskoj [i dr.]. Moskva; Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj.

- 7- Miroshnikova O. V. (2004). *Itogovaja kniga v poezii poslednej treti XIX veka: arhitektonika i zhanrovaja dinamika*: dis. ... dokt. filol. nauk. Omsk.
- 8- Hozjajkina A. V. (2022). *Osobennosti vizual'nogo i verbal'nogo v knige stihov A. Voznesenskogo «StiXXI»*. Nacional'no-kul'turnye kody mirovoj literatury v kontekste audiovizual'nyh praktik iskusstva: kollektivnaja monografija / otv. red. d. filol. n., prof. T. A. Sharypina, d. filol. n., prof. M. K. Men'shhikova. Nizhnii Novgorod, Izdatel' A. V. Shhepinskiy. S. 436–442.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Gudkova Svetlana Petrovna, Khozyaikina Anastasia Vladimirovna (2024). GENRE UNIQUENESS OF THE "FINAL" BOOK OF POEMS BY E. EUTUSHENKO. YEVTUSHENKO "I DON'T KNOW HOW TO SAY GOODBYE. VERSES. POEMS" (2013). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 11-23.

DOI: 10.61186/iarll.23.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/311>

ویژگی‌های منحصر به فرد ژانر کتاب شعر نهایی یفتوشنکا
«نمی‌دانم چگونه خداحافظی کنم. اشعار. منظومه‌ها» (۲۰۱۳)

سوتلانا پترونا گودکووا^{۱*}

استاد، دانشگاه دولتی آگارویف موردوویا،
سارانسک، روسیه.

آناستاسیا ولادیمیرونا خازیاکینا^۲

دانشجوی دکترا، دانشگاه دولتی آگارویف موردوویا،
سارانسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۴)

چکیده

این مقاله به بررسی ژانر و ویژگی‌های موضوعی کتاب نهایی شعر «نمی‌دانم چگونه خداحافظی کنم. اشعار. منظومه‌ها» یفتوشنکا می‌پردازد. در طول تجزیه و تحلیل، مشخص شد که در شعر مدرن روسیه دو شکل خاص ژانر از کتاب شعر نهایی مرسوم شده است: مقطعی یا مرحله‌ای و «وصیت‌نامه‌ای» که بر اساس مدل ژانر نهایی کتاب‌های شعر ثلث آخر سده نوزدهم تدوین می‌شود. در این مقاله نشان داده شده است که کتاب اشعار یفتوشنکا متعلق به شکل دوم ژانر خاص است که در آن معماری پیچیده اثر، نقوش شکل‌دهنده طرح، ابزار چاپ و عنوان استعاری، نقش ایدئولوژیک و معنایی مهمی دارند. ویژگی‌های متمایز شعر یفتوشنکا عبارتند از: بیانی بودن، تکان‌دهنده بودن و ذهنیت بارز صدای شاعرانه قهرمان غنایی که به صورت تنگاتنگی با چهره شاعر ترکیب شده است. این کتاب دیدگاه نویسنده را نسبت به سرنوشت خود و روسیه نشان می‌دهد. در این اثر انگیزه‌های بخشش-خداحافظی، از دست دادن، میل به اشتراک‌گذاری شخصی‌ترین چیزها، به یاد آوردن بهترین لحظات زندگی خود، تشکر از نزدیکان به تصویر کشیده می‌شوند؛ در واقع بیوگرافی با مخاطب قراردادادن دیالوگی «دیگری» ترکیب شده است.

واژگان کلیدی: یفتوشنکا، کتاب اشعار نهایی، شکل‌گیری بین ژانری، ساختار، قهرمان غنایی.

1. E-mail: sveta_gud@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

2. Email: nastushka2030@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8059-5996>

MODERN SLANG AND TEACHING RUSSIAN TO IRANIAN STUDENTS

Kamelova Saniya Ibragimovna^{1*}

Professor, Atyrau University named after H.Dosmukhamedov
Atyrau, Kazakhstan.

(date of receiving: November 2023; date of acceptance December 2023)

Abstract

The article examines the concept of “slang” and analyzes the features of youth slang in the Iranian and Russian languages. Slang is a youth jargon that forms a layer of colloquial vocabulary, reflecting a rudely familiar, sometimes humorous attitude towards the subject of speech, words that live a full life in the modern language, but are considered undesirable for use in a literary language. The concept of “slang” is increasingly gaining attention in modern philology. Currently, there are a large number of definitions that often contradict each other. The fact remains indisputable that in the modern Russian language slang is the most mobile layer of vocabulary, which is an accurate reflection of the linguistic picture of the world of representatives of a certain culture. Currently, languages are changing significantly right before our eyes. The relevance of the problem lies in the fact that youth slang is one of the components of the process of language development, its replenishment, and its diversity. Without knowing this layer of vocabulary, it is impossible to have a complete understanding of language as a developing phenomenon, which is necessary when teaching Russian to Iranian students. It is shown that slang is an integral part of many languages. It reflects the specificity of modern unique life.

Keywords: Language, Speech, Slang, Jargon, Communication, Colloquial Speech, Vocabulary.

---

1. E-mail: kamelova.saniya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3007-8899>

* Corresponding author.

СОВРЕМЕННЫЙ СЛЕНГ И ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ

Камелова Сания Ибрагимовна^{1*}

Профессор, Атырауский университет им. Х. Досмухамедова,
Атырау, Казахстан.

(дата получения: ноябрь 2023 г., дата принятия декабрь 2023 г.)

Аннотация

В статье рассматривается понятие «сленг» и анализируются особенности молодежного сленга в иранском и русском языках. Сленг – молодежный жаргонизм, образующий пласт разговорной лексики, отражающий грубо-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи, слова, живущие полноценной жизнью в современном языке, но считающиеся нежелательными для употребления в литературном языке. Понятие «сленг» все больше завоевывает внимание в современной филологии. В настоящее время существует большое количество определений, которые зачастую противоречат друг другу. Неоспоримым остается факт, что в современном русском языке сленг является наиболее подвижным пластом лексики, который является точным отражением языковой картины мира представителей определенной культуры. В настоящее время языки существенно меняются прямо на наших глазах. Актуальность проблемы заключается в том, что молодежный сленг является одной из составляющих процесса развития языка, его пополнения, разнообразия. Без знания этого пласта лексики невозможно иметь полное представление о языке как развивающемся явлении, что необходимо при обучении русскому языку иранских студентов. Показано, что сленг является неотъемлемой частью многих языков. Он отражает специфику современной уникальной жизни.

Ключевые слова: Язык, Речь, Сленг, Жаргон, Просторечие, Общение, Словарь.

---

1. E-mail: kamelova.saniya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3007-8899>

* Ответственный автор.

Введение

Сегодня сленг – это неотъемлемая часть многих языков. Он отражает специфичность современной уникальной жизни. Существует нечто, что притягивает людей к сленговым и фразеологическим выражениям. Они могут использовать сленг в самых разных ситуациях – и для шутки, и для того, чтобы высказать свое дружелюбие и лояльность к собеседнику. Сленг может привлекать или вызывать отвращение. Он может быть популярным, и его могут игнорировать. Но его действительно используют так, что это должно пробудить определённый интерес.

Сленг (от английского слова «slang») обозначает набор слов или значений существующих слов сугубо разговорного типа, считающийся более низким уровнем речи по сравнению со стандартной литературной и содержащей либо новые, либо обычные слова, используемые в некоем другом смысле (Снегирёв, 2018).

Большой вклад в изучение сленга внесли такие видные учёные, как Л.П. Крысин, И.В. Арнольд, Е.Е. Матюшенко, А.Д. Швейцер, Р.Т. Валеева, В.В. Химик, С.В. Вахитов, работы которых послужили теоретической базой для многих исследований по данной теме.

Как отмечает, Л.П. Крысин: «Сленг – это слова, которые несут на себе следы породившей их социальной среды, то есть это бывшие какие-то элементы уголовного жаргона, студенческого и так далее, но которые сейчас уже общеизвестны и употребляются даже носителями литературного языка. Какое-нибудь слово «крутой», или «тусовка», или «наезжать» (См. 2).

И.В. Арнольд даёт следующее определение: «Сленг называется грубыми или комическими чисто разговорными словами и выражениями, которые требуют новизны и оригинальности» (Арнольд 2010. 85)

Понятие «сленг» смешивается с такими понятиями, как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие».

Среди современных обозначений молодёжной речи сленг является самым поздним понятием. Начиная с XIX в. в русском языке появились термины, заимствованные из французской социологической школы, «жаргон» и «арго». Понятие «сленг» вошло в русский лингвистический оборот в 1960-е гг. XX в. Несмотря на тот факт, что первые исследования сленга как языкового явления в русской лексикологии относятся к столь позднему времени, важно обратиться и к его историческим истокам, так как «каждое синхронное состояние языка обусловлено предшествующим ему диахронным состоянием» (Джахангири Азар 2006. 381). Многие слова и обороты, начавшие своё существование как сленговые, в настоящее время прочно вошли в литературный язык. Примерами в русском языке могут быть слова «шпаргалка», «шумиха», «провалиться» (в значении «потерпеть неудачу»).

Основная часть

В наше время высоких скоростей язык тоже подвергается стремительному изменению. Слова и выражения упрощаются, сокращаются, им придумывают другие названия, те, которые сокращают время. Поэтому сленг получил в наше время такое преимущество, и начинает развиваться большими темпами. Из-за своей точности, краткости, ёмкости и содержательности, он становится более предпочтительным в разговоре. Очень трудно отбросить или игнорировать какое-либо сленговое выражение, если оно как нельзя полно и точно отражает идею, мысль, состояние на этот момент речи.

Парадокс сленга заключается в том, что люди смотрят на сленг свысока, с пренебрежением, но не могут без него обойтись.

Под категорию сленга попадает молодёжный язык, который всё время меняется, но он всё равно не остается без внимания. Кроме того, изучение именно молодёжного сленга приобретает возрастающую актуальность в условиях расширяющихся международных контактов, а это прослушивание

современных песен на казахском, русском, английском языках (в Казахстане, в Атырау), стажировка, турпоездка, преподавание ряда предметов казахскими, русскими и английскими специалистами, просмотр видеофильмов и так далее.

В плане по совершенствованию кредитной технологии в университетах большая роль отведена развитию академической мобильности студентов и преподавателей кафедры. В апреле 2018 года по программе международной академической мобильности мне посчастливилось поработать в Мазандаранском университете (Исламская Республика Иран) со студентами гуманитарного факультета, изучающими русский язык. При общении с иранскими студентами наблюдалось употребление сленга.

В течение двух недель были прочитаны лекции и проведены практические занятия для студентов 1, 2, 3, 4 курсов специальности «Русский язык», которые показали хорошие знания по теории современного русского языка и большое стремление изучать русский язык как язык международного общения. Важно отметить, что студентам очень нравится русский язык. И они понимают, что это язык не только русского народа, но и один из активных рабочих языков ООН, это язык дружбы, братства и взаимопонимания, которые необходимы в современном мире.

Большое внимание было обращено на практику живой русской речи. Студенты заучивали стихи и песни на русском языке, много читали и писали. Полное погружение в русский язык осуществлялось в течение всего периода работы с иранскими студентами в аудиторное и внеаудиторное время.

Из истории известно, что русско-персидские отношения сложились ещё со времён торговли по Великому шёлковому пути. Ведь обмен шёл не только персидскими товарами, но и словами. Нам хорошо знакомы слова, которые заимствованы из персидского. Народы мира взаимодействуют и незаметно обмениваются словами. Такое перемещение – процесс неизбежный.

Особо важной частью жизни нынешнего молодого поколения является общение в сети Интернет. В связи с этим в речь юношей и девушек попадают всё новые и новые слова («универ» – университет, «мемы» – смешные картинки, «постить» – выкладывать фото или тексты, «личка» – личные сообщения, «стримить» – проводить видеотрансляции и т.п.) С целью сэкономить время и речевые усилия в смс применяются сокращённые (пжл (пожалуйста), спс (спасибо), ДР (день рождения), ЗП (зарплата), МЧ (молодой человек), ЧЮ (чувство юмора) и т.п.) и усеченные формы слова (игнор, неадекват, неформат, корпорат и т.п.).

Благодаря «умной» технике появляются новые слова и в сфере новых технологий постоянно («мамка», «мать» – материнская плата, «глюк» – неполадки в компьютере, «кодить» – программировать, «троить» – сбиваться, путаться и т.п.).

Необходимо ещё раз отметить, что студенты были хорошо подготовлены теоретически, но им не хватало разговорной практики русского языка, которая включает сленг. И эти слова студенты должны знать.

Рассмотрим разговорную лексику иранского языка (а также просторечную и даже жаргонную). Она составляет значительную долю общей лексики иранского языка. Разговорная речь используется в развлекательных программах, кино- и телефильмах, театральных сценах и инсценировках; в спортивных репортажах и интервью; в детских и молодёжных передачах и др.

Разговорная речь включает многие фольклорные элементы, такие как анекдоты, шутки, остроты, афоризмы, крылатые слова, меткие выражения, игру слов и др. Для неё характерны импровизация и экспромт.

Среди социально-стилистических пластов лексики, необходимо учитывать жаргонные элементы. В частности, молодёжный жаргон присутствует в развлекательных телепрограммах, в кино- и телефильмах, театральных сценах и инсценировках, наряду с разговорной речью и просторечием. Он довольно тесно связан с просторечием.

Иранский речевой этикет – явление традиционное, его эквиваленты отсутствуют в других языках и поэтому он труден для понимания. Между тем он, безусловно, представляет интерес для различных областей науки и культуры: лексикологии, социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, этнографии, культурологии и др.

С точки зрения содержания в молодёжном жаргоне или сленге представлены следующие тематические группы: обозначения частей тела; названия денег, автомобилей; оценочные характеристики людей (в том числе девушек) по внешнему виду, по личностным признакам, по обычным (часто негативным) занятиям; названия карательных органов и инстанций, от которых можно ожидать неприятностей; полиции и других стражей порядка; названия различных аксессуаров; наименования разнообразных действий (Джахангири Азар 2006. 47).

По форме эта лексика представляет собой либо оригинальную персидскую, ассоциативно переосмысленную (например, 'висящий' > 'назойливый, надоедливый, привязчивый'; 'клещ' – с тем же значением); реже лексику из диалектов или родственных иранских языков – в соответствующей фонетической аранжировке. В большей степени используются интернационализмы. Рассмотрение лексики иранского языка свидетельствует о достаточно активных контактах персидского языка – преимущественно с европейскими (английским, французским) и арабским. В разговорной лексике много иноязычных заимствований и калек. Засвидетельствовано переосмысление заимствований. В частности, персидский неологизм лексема [derbi] означает повторные игры двух команд из одного и того же города в официальных соревнованиях по футболу, баскетболу и другим командным играм; тогда как оригинальный термин – англ. derby, по имени английского лорда Дерби, – означал лишь конные соревнования (Джахангири Азар 2003. 14).

Сегодня сленг является неотъемлемой частью любого языка, представляет собой одну из наиболее актуальных и противоречивых проблем современной лексикологии. При обучении современному русскому языку необходимо учитывать содержание живой русской речи, которая не может употребляться без сленгов.

Каковы особенности сленга?

1. Изменение значения слов. В сленге слова могут приобретать новое значение или использоваться в нестандартном контексте. Например, слово "крутой" может означать не только что-то классное или модное, но и быть синонимом слова "хороший".

2. Использование аббревиатур и сокращений. Молодежный сленг часто включает в себя аббревиатуры и сокращения, которые упрощают и ускоряют коммуникацию. Например, "LOL" означает "смешно" или "смеюсь вслух".

3. Влияние иностранных языков. Молодёжная субкультура активно заимствует слова и выражения из других языков, особенно английского. Это связано с популярностью западной культуры среди молодежи. Например, слово "крутой" может быть заменено на "cool".

4. Создание новых слов и выражений. Молодежный сленг постоянно развивается, и молодые люди активно создают новые слова и выражения, чтобы выразить свою индивидуальность и принадлежность к определённой субкультуре.

Сленг оказывает значительное влияние на современную речь. Он влияет на лексику, грамматику и произношение. Многие слова и выражения из сленга становятся популярными и входят в общий словарный запас. Например, слова "круто", "универ" и "отпад" изначально были сленговыми выражениями, но сейчас они широко используются в повседневной речи.

Сленг также помогает создавать новые выражения и образы. Он позволяет людям выразить свою индивидуальность и принадлежность к определенной

социальной группе. Например, молодежный сленг может быть использован для создания своего собственного стиля и образа.

Однако сленг может быть источником недопонимания и проблем в коммуникации. Некоторые выражения и термины из сленга могут быть непонятными для людей, не принадлежащих к определенной социальной группе. Это может привести к недопониманию и конфликтам.

Сленг имеет долгую историю развития и оказывает значительное влияние на современную речь. Он помогает людям выражать свою индивидуальность и принадлежность к определенной социальной группе. Однако сленг может быть источником недопонимания и проблем в коммуникации. Поэтому важно учитывать контекст и адаптировать свою речь в зависимости от ситуации.

В наше время в любом языке сленг используется во многих сферах общества, между разными людьми. Наиболее популярен сленг среди подростков и молодёжи, но это не значит, что другие им совсем не пользуются.

Выделяют следующие типы сленгов:

молодежный (школьный и студенческий),
профессиональный,
компьютерный,
уголовный (феня),
связанный с хобби и другие.

Таким образом, сам по себе сленг является вариацией «тайного языка» и синонимом таких слов, как жаргон или аргю.

С точки зрения лексикологии сленг рассматривается как нарушение норм стандартного языка. Это очень выразительные, ироничные слова, служащие для обозначения предметов, о которых говорят в повседневной жизни (см. 6, 7, 8). Покажем это на примерах русского языка:

Имена существительные

а) Слова, называющие людей:

Кореш, братан – друг, приятель.

Кент – модный парень.

Чебурашка – человек с большими ушами.

Чувак – парень.

б) Оскорбительные наименования человека:

Козёл, кошёлка, редиска, свинья. Сюда же относятся: Жмот – жадина. Лох – человек, которого легко обмануть. Стукач – доносчик. Трепло, трепач – болтун, врун. Тормоз – плохо понимающий человек или человек с замедленной реакцией. До потери пульса — интенсивно и долго.

в) Пренебрежительные именованья младших:

Салага, щегол, мелюзга.

г) Слова, называющие части тела:

Ласты – ноги.

Локаторы – уши.

Зенки – глаза.

Пасть, хавка – рот.

д) Существительные, которые трудно объединить в какую-либо группу:

Базар – разговор, болтовня.

Видосы – видеоролики

Глюк – галлюцинация.

Гон – вранье.

Децил – мало, немножко.

Облом – неожиданно плохой результат.

Отпад – нечто выдающееся.

Прикол – шутка.

Трёп – болтовня, вранье.

Угар, коры – веселье.

Фигня – ерунда.

Бабки, бабло, капуста – деньги.

Хавчик – еда.

Шмон – обыск.

Глаголы и глагольные формы

Балдеть – веселиться.

Вали – уходи.

Влипнуть – попасться.

Встрял – попал в неприятное положение.

Двигай, дёргай – иди отсюда.

Достать – надоест.

Дрейфить – трусить.

Запарить – сильно надоест.

Кинуть – обмануть, подставить.

Не катит – не подойдет.

Оборзеть – обнаглеть.

Отрываться – развлекаться, минуя все условности.

Офигеть – удивиться.

Офонареть – обнаглеть; сильно удивиться, быть в шоке.

Пригорать, угорать – веселиться, радоваться.

Прикинь – представь себе.

Приколоться – подшутить, посмеяться.

Смойся – уйди.

Стучать – доносить.

Торчать – быть в полном восторге.

Точить – кушать, есть.

Тыркаться – болтаться без дела.

Уткнись – замолчи.

Хипповать – модничать.

Шифроваться – скрывать что-либо.

Слова, близкие к наречию

Класс, классно, клёво, круто, ништяк, потрясно, прикольно, улёт.

Зашибись – лучше некуда.

Мраки – тяжело, ужасно.

По-любому – точно, обязательно.

Стрём, стрёмно – плохо.

Угарно – выражение высокой степени качества, высокой оценки чего-либо.

Имена прилагательные

Беспонтовый – нехороший.

Крутой, классный, клёвый – высокая степень качества чего-либо.

Стрёмный – плохой, нехороший, некрасивый.

Фразеологизмы, бытующие в студенческом сленге:

Без базара – не подлежит сомнению.

В натуре – по правде, в самом деле.

Туши свет – полный кошмар.

(У каждого) в голове свои тараканы – (у каждого) собственное мнение.

Фильтруй базар – следи за речью.

Флаг в руки, барабан на шею – одобрение действия.

Шевели помидорами (или булками, костылями, колготками) – иди быстрее.

Я чё, лысый? – я не хуже других.

Заключение

Таким образом, и в иранском, и в русском языках есть не только, так скажем, «причесанные и аккуратные» слова, пригодные для делового общения, но и такие слова, которые в языке есть, а в словарь вписать либо не

успевают, либо стесняются. В последнее время издаются специальные словари, например, словарь обиходно-разговорной лексики Химика В.В. Знание такой лексики необходимо для погружения в русский язык и успешного общения на нём.

Сленг как таковой — это не бескультурие, а составная часть любого языка. Молодое поколение — это обособленные группы, которые используют свои словечки, понятные только им, по нескольким причинам:

- 1) Это возможность вписаться в компанию, сойти за «своего».
- 2) Это часть подросткового бунта, неприятие старых норм, в том числе в языке.
- 3) Это противопоставление родителям и более старшему поколению.
- 4) Это желание переделать мир под себя, сделать его менее скучным и однобоким.
- 5) Это способ самовыражения, творческая изюминка, своеобразный юмор.
- 6) Это возможность называть явления, для которых в русском и иранском нет аналогов.

Лингвистика как наука всё же признаёт огромное значение сленга в культуре речи несмотря на то, что это нарушение норм стандартного языка. Сленг обогащает живой язык. Жаргонизмы появляются в обиходе тремя путями:

- а) из иностранного языка напрямую или через игры (геймерский сленг);
- б) через словотворчество (изобретения словоформ);
- в) посредством сокращения и создания аббревиатуры.

Сленг постоянно меняется. Взрослому человеку кажется, что меняется даже слишком быстро. Так часто появляются новые слова, что их невозможно запомнить! Но это всего лишь разница в восприятии течения времени у подростка и взрослого.

Понятие «сленг» смешивается с такими понятиями, как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие». Сленг отличается от разговорных и жаргонных терминов из-за его специфического социального контекста. В отличие от просторечных выражений, сленг активно используют в своей речи и образованные люди, представители определённой возрастной или профессиональной группы. Часто этим как раз и подчёркивается принадлежность к определённой группе людей.

Хотя разговорные выражения и жаргонизм могут показаться сленгом, потому что они относятся к определённой группе, они не обязательно соответствуют одному и тому же определению, поскольку не представляют собой особой попытки заменить общий лексикон стандартного языка. Разговорные выражения считаются более приемлемыми и более ожидаемыми в стандартном использовании, чем сленг, а жаргон часто создаётся для обсуждения аспектов конкретной области, которые не учитываются в общем лексиконе.

Однако эта дифференциация не всегда применяется лингвистами; термины «сленг» и «жаргон» иногда рассматриваются как синонимы, а сфера применения «жаргона» иногда расширяется.

Часто бывает трудно отличить сленг от разговорной лексики и даже лексики литературного уровня, потому что сленг со временем обычно становится общепринятым и включается в словари.

Многие слова и обороты, начавшие своё существование как сленговые, в настоящее время прочно вошли в литературный язык (например, в русском языке: «шпаргалка», «шумиха» и пр.)

На самом деле молодёжные словечки входят в жизнь чрезвычайно органично и своевременно — с возникновением нового явления или раскрепощения общества. Особо процесс убыстряется за счёт Интернета.

И такие знания необходимы в процессе обучения русскому языку иранских студентов.

Литература

- 1- Снегирёв, Ф.В. (2018). К вопросу об определении понятия «сленг» / *Журнал «Молодой ученый»*, №9 (195), С. 199-202. URL: <https://moluch.ru/archive/195/48587>. (дата обращения: 28.09.2023)
- 2- Правмир: <https://www.pravmir.ru/myasko-i-fotka-meshhanskie-krutoy-i-naezzhattyuremnyie-zhargonizmyi-intervyu-s-leonidom-kryisinyim/?ysclid=lcp3efxp20689609499> (дата обращения: 25.09.2023)
- 3- Арнольд И.В. (2010). *Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз»*, 3-е изд. —М.: Просвещение, — 300 с.
- 4- Джахангири Азар Х.А. (2006). *Лингвокультурологические основы изучения русской безэквивалентной лексики (с позиций носителя персидского языка)*. Дисс. —М.
- 5- Джахангири Азар, Х.А. (2003). *Национально-языковая картина мира в русском и персидском языках*. Дисс. —М.
- 6- Ожегов С.И. (1999). *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. —М.: Азбуковник, — 944 с.
- 7- Крысин Л.П. (1998). *Толковый словарь иноязычных слов*, —М.: Русский язык.
- 8- Химик В.В. (2017). *Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи*, — Санкт-Петербург: Златоуст.

Bibliography

- 1- Snegirjov, F.V. (2018). K voprosu ob opredelenii ponjatija «sleng» / *Zhurnal «Molodoj uchenyj»*, №9 (195), S. 199-202. — URL: <https://moluch.ru/archive/195/48587>. (data obrashhenija: 28.09.2023)
- 2- Pravmir: <https://www.pravmir.ru/myasko-i-fotka-meshhanskie-krutoy-i-naezzhattyuremnyie-zhargonizmyi-intervyu-s-leonidom-kryisinyim/?ysclid=lcp3efxp20689609499> (data obrashhenija: 25.09.2023)
- 3- Arnol'd I.V. (2010). *Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka: (Stilistika dekodirovanija): Ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spec. «Inostr. jaz»*, 3-e izd. —М.: Prosveshhenie, — 300 s.
- 4- Dzhahangiri Azar H.A. (2006). *Lingvokul'turologicheskie osnovy izuchenija russkoj bezjektivnovalentnoj leksiki (s pozicij nositelja persidskogo jazyka)*. Diss. —М.
- 5- Dzhahangiri Azar, X.A. (2003). *Nacional'no-jazykovaja kartina mira v russkom i persidskom jazykah*. Diss. —М.

- 6- Ozhegov S.I. (1999). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* / S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. —M.: Azbukovnik, — 944 s.
- 7- Krysin L.P. (1998). *Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov*, —M.: Russkij jazyk.
- 8- Himik V.V. (2017). *Tolkovyj slovar' russkoj razgovorno-obihodnoj rechi*, —Sankt-Peterburg: Zlatoust.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kamelova Saniya Ibragimovna (2024). MODERN SLANG AND TEACHING RUSSIAN TO IRANIAN STUDENTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 25-41.

DOI: 10.61186/iarll.23.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/306>

گوش عامیانه امروزی و آموزش زبان روسی به دانشجویان ایرانی

سانیا ابراهیمونا کاملوا^{۱*}

استاد، دانشگاه دوس محمداف آتیرا،
آتیرا، قزاقستان.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

این مقاله به بررسی مفهوم «گوش عامیانه» و تحلیل ویژگی‌های زبان عامیانه جوانان در زبان فارسی و روسی می‌پردازد. «گوش عامیانه» زبان مخصوص جوانان است و لایه‌ای از واژگان محاوره‌ای را تشکیل می‌دهد که منعکس‌کننده نگرش گاه طنزآمیز نسبت به موضوع گفتار است. اینها واژگانی هستند که در زندگی روزمره کاملاً کاربرد دارند، اما برای استفاده در زبان ادبی نامطلوب تلقی می‌شوند. در زبان‌شناسی معاصر به مفهوم «گوش عامیانه» به طور فزاینده‌ای توجه شده است. در حال حاضر تعاریف زیادی از آن وجود دارد که اغلب با یکدیگر در تناقض هستند. این واقعیت غیرقابل انکار است که در زبان روسی امروزی، «گوش عامیانه» فعال‌ترین لایه واژگان است که بازتابی دقیق از تصویر زبانی نمایندگان یک فرهنگ خاص در صحنه جهانی است. در حال حاضر، زبان‌ها به طور قابل توجهی مستقیماً و در مقابل چشمان ما در حال تغییر هستند. ضرورت پرداختن به موضوع در این واقعیت نهفته است که گوش عامیانه جوانان یکی از مؤلفه‌های فرآیند رشد زبان، تکمیل و ایجاد تنوع در آن است. بدون آگاهی از این لایه از واژگان، نمی‌توان درک کاملی از زبان به عنوان یک پدیده در حال توسعه داشت و لازم است هنگام آموزش زبان روسی به دانشجویان ایرانی این امر مهم را در نظر بگیریم. ثابت شده که گوش عامیانه بخش جدایی‌ناپذیر بسیاری از زبان‌ها است و ویژگی‌های زندگی منحصر به فرد انسان امروزی را منعکس می‌کند.

واژگان کلیدی: زبان، کلام، «گوش عامیانه»، زبان مخصوص، کلام ساده، ارتباط، فرهنگ لغت.

* نویسنده مسئول 1. E-mail: kamelova.saniya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3007-8899>

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

IMAGE OF THE EAST IN “LETTERS OF A RUSSIAN FROM PERSIA” BY N. F. MASALSKY

Maltseva Tatiana Vladimirovna^{1*}

Professor at Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: October 2023; date of acceptance: December 2023)

Abstract

The article examines one of the works of documentary literature, which contains information about Persia in the mid-19th century. This kind of literature includes notes, letters and travel journals of Russian diplomats, military officers and travelers who visited Persia in the 18th – 19th centuries. This layer of literature has been practically unexplored. The article analyzes “Letters of a Russian from Persia” by Nikolai Fedorovich Masalsky, a professional military man and artilleryman. In 1839 he was sent to Persia to organize technical artillery institutions and train artillery officers. “Letters of a Russian from Persia” represent a reliable and valuable source of information about Persia. The “Letters” comprehensively describe the natural realities, religious, social, cultural and everyday aspects of the life of the Persians. Thematically “Letters” are included in the eastern text of Russian literature. They have signs of ambassadorial discourse. “Letters of a Russian from Persia” is in the form of an epistolary. From this point of view, the genre features of the text are analyzed: the structure of the epistolary, artistic means, style. The analysis establishes that descriptions of an unfamiliar geographical, social and cultural space and numerous Persian realities form the core of the travel narrative and have the properties of a guide to the country. The author’s innovation in the formation of new functional properties of a travelogue – the properties of a guidebook – is noted.

Keywords: Oriental Text; Embassy Travelogue; Guidebook; Epistolary; Image of the East; Persia.

---

1. E-mail: kafilit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

* Corresponding author

ОБРАЗ ВОСТОКА В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ИЗ ПЕРСИИ» Н.Ф. МАСАЛЬСКОГО

Мальцева Татьяна Владимировна^{1*}

Профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: октябрь 2023 г.; дата принятия: декабрь 2023 г.)

Аннотация

В статье рассматривается одно из произведений документально-беллетристической литературы, которое содержит сведения о Персии XIX века. Эта литература включает в себя записки, письма, путевые журналы русских дипломатов, военных и путешественников, посещавших Персию в XVIII–XIX веках. Этот пласт литературы практически не изучен. В данной статье анализируются «Письма русского из Персии» Николая Федоровича Масальского, профессионального военного-артиллериста, который в 1839 году по высочайшему повелению был командирован в Персию. «Письма» имеют форму эпистолярия, поэтому с этой точки зрения анализируются жанровые особенности текста: структура эпистолярия и художественные средства. Тематически «Письма» входят в восточный текст русской литературы. Они имеют признаки посольского дискурса. В «Письмах» всесторонне описывается маршрут передвижения, натурные реалии, церемониал встреч с шахом и высокопоставленными чиновниками, религиозные, социальные, культурные, бытовые стороны жизни персиян. В ходе анализа устанавливается, что описания незнакомого географического, социального и культурного пространства и многочисленных персидских реалий составляют ядро путевого нарратива и имеют свойства путеводителя по стране. Определяется, что выбор способов описания дескрипций травелога является формой проявления авторского начала в документальном тексте. Отмечается новаторство автора в формировании новых функциональных свойств травелога-путеводителя.

Ключевые слова: Восточный Текст; Посольский Травелог; Путеводитель; Эпистолярный; Образ Востока; Персия.

1. E-mail: kafplit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

* Ответственный автор

Введение

«Письма русского из Персии» продолжают традицию восточного травелога и посольского дискурса. В таких текстах «сформировались особые элементы наррации для передачи констант посольского текста: натурные описания, описания социального и культурного пространства, авторские комментарии, способы освоения иноязычных названий и слов» (Мальцева 2022. 112–113).

«Письма русского из Персии» опубликованы в 1844 году под инициальным псевдонимом «Н.М.». Псевдоним был расшифрован авторами «Опыта словаря псевдонимов русских писателей» (Карцов, Мазаев 1891. 92). По их мнению, автором «Писем русского из Персии» был Николай Федорович Масальский. «Письма русского из Персии» Масальского рассматривались историками в диссертациях Ларина А.Б. (Ларин 2010), Ларионовой А.Ю. (Ларионова 2012), Бугаевой А.Г. (Бугаева 2009), статье А.Б. Ларина (Ларин 2009). С литературоведческой точки зрения произведение Н.Ф. Масальского «Письма русского из Персии» исследуется впервые.

Источников биографических сведений о генерале артиллерии князе Н.Ф. Масальском нами обнаружено немного (Редакция. 204. Список генералам. 355–356; Масальский. 218). Известно, что он был командирован в Персию царским правительством в 1839 году, проживал в Тегеране в посольской миссии, много путешествовал по стране. Кандидатура Н.Ф. Масальского для командировки в Персию выбрана была не случайно – он владел персидским языком, о чем неоднократно упоминал в «Письмах». В силу профессии и не афишируемой цели путешествия «Письма русского из Персии» Н.Ф. Масальского имеют некоторое отличие от текстов предшественников (см.: Мальцева 2019). Сам автор указал на причину особенностей своего произведения так: «Мой военный глаз совершенно не сходен с гражданским». Наша задача – выявить ядро посольского дискурса в «Письмах» и объяснить причину появления новых компонентов восточного травелога.

Основная часть

Материал и методы

Материалом для анализа является путевой травелог «Письма русского из Персии» в двух томах Н.Ф. Масальского ([Масальский Н.Ф.] Н.М. 1841; цитаты в статье приводятся по этому изданию и далее в тексте «Письма». – Т.М.). Мы рассматриваем этот текст как авторский субтекст посольского дискурса, входящего в текстовое единство восточный текст русской литературы, поэтому в статье применен контекстный анализ текста в границах посольского дискурса. Текст исследуется в рамках методики, описанной нами в статье «Образ Востока в посольском дискурсе» (Мальцева 2022), где устанавливается тематическое ядро посольского текста. С целью уточнения отбора и принципов натуральных описаний и восточных дескрипций, а также определения авторской позиции в их оценке и способе описания применяется жанровый анализ текста.

Результаты

Н.Ф. Масальский пробыл в Персии почти полтора года – с мая 1839 по октябрь 1840 года. Впечатления от поездки записывались по ходу путешествия и составили несколько тетрадей. Автор уточняет, что описывает только то, что видел сам: «Праздники, наиболее торжественные, я опишу, когда **уввижу их сам**» (письмо XVI; подчеркнуто нами. – Т.М.); «Я говорю по убеждению, а не по предубеждению; смотрю на все своими глазами, – и рассказываю, что вижу» (письмо IX).

Фактически текст имеет форму эпистолярная: в нем имеется адресат (автор называет его «любезный друг»), текст состоит из писем (всего писем 32), в некоторых письмах присутствуют этикетные формы приветствия и прощания. В самом тексте Масальский называет свои записи по-разному: журнал («... пока лошади едят ячмень, записываю кое-что в своем журнале»), дневник

(«Теперь я расскажу о городе без помощи своего дневника, в который я не успел еще записать об нем ни слова»), письма («в следующем письме скажу тебе о нем (о Тавризе. – Т.М.) хоть что-нибудь»).

В целом, «Письма» представляют собой автодокументальный текст полижанровой природы, который имеет признаки всех упомянутых автором жанров: от журнала в нем – маршрутизация как основа сюжета, датировка маршрута и описание дестинаций маршрута; от дневника – авторские размышления, описания природы, многочисленные стихотворные и прозаические цитаты (например, из Плутарха, «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона, Монтескье, Вольтера, Фирдоуси, Шатобриана, Жуковского и др.); от эпистолярия – композиция текста и свободный стиль. Форма письма предоставляет автору свободу в выборе объектов описания, их оценке и открытом проявлении эмоций. Адресата писем и сам факт его наличия пока установить не удалось. Тем не менее считаем, что письмо здесь является литературным приемом. Об этом свидетельствует тот факт, что каждое письмо имеет тематическую направленность, указанную в оглавлении письма. «Письма» поражают объемом и научным подходом к описанию путешествия. Если часть писем – ознакомительные, маршрутные (например, «Письмо I. Въезд в Персию. Дорога до Тавриза»), то последующие письма указывают на тщательную подготовку, сбор и систематизацию тематического материала (например, «Письмо XX. Весна. Архитектура. Мебель. Фабрики. Образование. Воспитание. Науки. Учение. Типография. Школы. Мушкетеры. Язык. Письмо. Литература» и др.). В таких письмах обильно присутствуют ссылки на труды прошлых и современных исследователей Персии и цитаты из них. Так, он ссылается на «Дневник путешествия...» Ж. Шардена, описывая историю города Казбина (письмо IV), денежную систему Персии, подати и откупы в казну (письмо XIV). Делает отсылку к «Истории Персии» Д. Малькольма, описывая историю музыкальной культуры Персии (письмо

XXIII). Описывая удивительный таврический мрамор, который добывают вблизи Урмийского озера, Масальский в авторском переводе с французского языка цитирует фрагмент путешествия по Персии Д.Д. Мориера (письмо IV) и т.д. Также цитирует Коран во французском переводе переводчика французского посольства в Персии Альбера (Альбина) де Биберштейна, опубликованный в 1840 году, и даже в письме XXIV дает собственный перевод 1 главы Корана с французского издания Биберштейна. Кроме того, автор часто использует латинские термины. Эти примеры доказывают, что «Письма» были тщательно подготовлены к изданию. «Письма» являются не спонтанным личным свободным откликом на увиденное, не эмоциональной рефлексией очевидца или участника на отдельные факты и события. Это скрупулезно подготовленный, оснащенный фактами и личными впечатлениями композиционно организованный документально-беллетристический полижанровый текст. Не случайно «Письма» были напечатаны 4 года спустя после путешествия.

Предполагаем, что «Письма» являются первым русскоязычным восточным травелогом-путеводителем по Персии, так как содержат всестороннюю информацию об этой стране (география, климат, история, политический строй, религия, культура, нравы и обычаи). Автор стремился к достоверности, исторической точности, научности и одновременно к занимательности текста, оснащая его устными преданиями и этнографическими подробностями.

В произведении присутствуют все черты восточного травелога. Рассмотрим их.

1. Картографирование чужого пространства

Перед Масальским стояла задача уточнения карты Персии, как и в других текстах посольского дискурса (см. статью «Стратегия топонимической

номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе»: Мальцева 2023), тем более что автор справедливо отмечал: «Географические карты здешних мест вообще не верны, сколько я мог видеть на деле; а карта <...>, которую руководствуюсь, кажется уже и очень не верна: на ней встречаешь горы, которых зачастую на дороге вовсе нет, и видишь степи там, где большие горы!» (письмо XXVI). Н.Ф. Масальский подробно описал свой маршрут от Тавриза до Тегерана: населенные пункты, ландшафтные объекты, караван-сарай. Но при этом обычные сведения о географических объектах автор дополняет подробными природными характеристиками. Приведем показательный пример. Так, описывая дорогу из Тавриза, автор дает, по его словам, «географический очерк» гор Кафлан-Ку, которые «дики, безлесны и пустынно; в геологическом отношении они очень любопытны: часто на них можно видеть целую классическую постепенность слоев, начиная от потопных (diluvians) и кончая известковым песчаником (liais) или даже мергелем, рухляком (terrain Keurlique). Слои идут иногда чрезвычайно горизонтально и постепенно переходят в направлении почти перпендикулярное! Встречается много угольной обманки, слюды и мелу» (письмо III). Это очень ценные практические наблюдения о природных ресурсах Персии.

В традициях восточного травелога автор дает незнакомые названия и их варианты курсивом, сопровождает переводом и комментариями: «река, которая называется *Сефид-руд*, т. е. белая река»; «*Адербеиджан* или *Азербиджан* (пегливийское слово, означающее *дом огня*)»; «Джульфа с одной стороны примыкала к *Зендеруту* (настоящее персидское название этой реки есть Зоенде-рут, т. е. рождающая река). В «Письмах» много новых топонимов, которые русскому читателю были не знакомы, так как маршрут Масальского и личные поездки не совпадали с маршрутами посольских миссий, поэтому топонимическую карту Персии Масальский значительно обогатил.

2. Натурные описания

Натурные описания составляют многочисленные характеристики объектов географического ландшафта, архитектуры и строительства, рукотворных садов, исторических памятников, городских достопримечательностей, этнографических объектов. Эти описания отличаются авторскими особенностями. Как и другие путешественники, Масальский отмечал богатство природы Персии: «...бесчисленное множество роз, разбросанных кустами и аллеями, везде, где только есть праздный клочок земли; <...> множества плодовых деревьев: тут и персики, и абрикосы, и айва, и гранаты, и груши, и винные ягоды, и финиковые деревья, словом все, что только может нежить вкус <...> Вот природа Востока» (письмо X). Но такой райский топоним не повсеместен. Чтобы показать климатические, географические и физические контрасты такой большой территории, автор активно использует прием дихотомии: жара/холод, пышность/скудость, богатство/бедность, слава/забвение, новое/старое: «Надобно сказать, что климат здесь удивительно разнообразен; на трех-четырех верстах, можно встретить сады, где прозябание чрезвычайно различно: в одном, розы уже отцветают, а в другом только что распустились; в одном плакучая ива развила уже свои длинные зеленые локоны, платан раздвинул уже широкие листья, а в другом все это едва лишь пробуждается – от зимнего сна!»; «Гавриз цветет под благодатным небом, а Миана сжигается под палящим солнцем, а между ними не более 160 верст!» и т.д.

При описании архитектуры городов подчеркивается общее ощущение новизны: «Как однако любопытно для европейца въехать в первый раз в восточный город! Все так необыкновенно в своей пестроты, все так занимательно в своем разнообразии, что глаз не знает, на чем остановиться!» Новаторством Масальского при описании поселений является его стремление дать историческую справку о происхождении городов, правителях, памятных событиях.

3. Описания социально-экономического и культурного пространства

Н.Ф. Масальский свободно передвигался по стране, осматривал достопримечательности, активно посещал массовые мероприятия, поэтому в письмах он представил живые зарисовки социальной, культурной и – впервые в восточном травелоге – религиозной жизни персиян. Главные топосы социально-культурной жизни персиян в описании Масальского – базар и мечеть. Много места в них отведено описанию ремесел и производств, которые определяют экономическую и торговую жизнь Персии. По мнению автора, Персия изобилует «всеми богатствами природы, и многими такими, которым позавидуют и европейцы: гилянский шелк, керманские шали, кошанские ткани, иранская хлопчатая бумага, ширазский табак, кошениль, и проч. А чего бы Персия не могла доставлять нам из Средней Азии? Кашемирские шали, драгоценные камни, красильные вещества, пряности, и множество других предметов роскоши и необходимости...» (письмо II). Любое поселение представляет собой восточный базар, на котором торгуют изделиями местных ремесел и сельского хозяйства.

Масальский отмечает, что базар – один из главных восточных топосов и культурных знаков Персии:

«Базар есть место сборища <...>; туда идут курить кальян, пить кофе, рассказывать свои новости, узнавать чужие, и покупать товары. Базары вообще великолепны на Востоке <...>. А разнообразие здесь истинно образцовое: под одним и тем же сводом найдешь кузнеца подковать лошадь, портного сшить платье, повара накормить чем хочешь, купца удовлетворить изысканный вкус твой всеми восточными редкостями, шаями, шелковыми тканями, коврами, и проч., словом, тут все вместе, и роскошь, и нужда!» (письмо III).

Важнейший культурно-духовный топос Персии – мечеть. Описанию религии и ее атрибутов Масальский посвятил несколько писем. При этом он не

делает различия между религиями, они для него равны, о чем свидетельствует следующий фрагмент: «...в городе раздавалось множество голосов муэзинов, призывающих на молитву. Этот имеет свою прелесть; однообразный, несколько печальный напев их погружает в какую-то задумчивость, как вечерний звон нашего колокола! ... Входишь в самого себя и как будто вызываешь молитвы из души!» (письмо VI). «Молитва из души» объединяет все конфессии. Автор отмечает даже сходство ритуалов двух религий: «Замечательно, что в день нового года у персиян также красят яйца – как и у нас в Светлое Воскресение; а с ними являются и те же игры, что у нас! Я не мог узнать откуда взялся этот обычай; "так водится исстари", отвечали одни; "про то знает Бог", – отвечали другие»; «Есть также у персиян праздник, когда они целуются, – как мы в Светлое Воскресение: это в память того дня, когда Магомет при собрании целого народа обнял зятя своего Али и провозгласил своим преемником» (письмо XIX).

Масальский подробно описывает мусульманские ритуалы: праздник жертвы (Эйде-Курбан), когда в память жертвоприношения Авраама приносят в жертву верблюда (письмо XVIII), праздник Эйде-Катль в магаррем («первый месяц персидского года»), посвященный памяти имама Гусейна (письмо XIX); описывает институт муштеидов (священный сан) (письмо XX); пятничное богомолье (Джума) (письмо XXI).

Масальский делает краткий обзор домашней жизни, развлечений, обычаев персиян: охота, борьба, ристалища на лошадях, шахматы, музыка, танцы, одежда и обувь, увеселения, песни. Таким образом, жизнь персиян была узнана и описана автором со всех сторон.

4. Посольский церемониал

Общая оценка восточного этикета, данная Масальским, достаточно иронична, но правдива: «Что шаг, то поздравление, поклон, или визит; что

день, то посол с осведомлением о здоровье, или приветственное письмо; словом, этикету столько, приличий такая куча, что все вместе составляет самый узорчатый персидский ковер церемоний, на котором покоится вся жизнь персиянина» (письмо VI). Н.Ф. Масальский несколько раз встречался с Магомед Шахом, много раз с первым министром Хаджи Мирзой Агаси, другими высокопоставленными лицами, поэтому достаточно подробно описал посольский церемониал приема (письмо VIII. Летний лагерь Аргования. Хребет Эльбурс. Шахский лагерь. Представление первому Министру. Хаджи-Мирза-Агаси. Представление Шаху). Здесь описан состав свиты, формулы приветствия, прощания, угощение, правила беседы. Но при этом даны и живые подробности жизни летней шахской резиденции. Так, «сотни слуг и просителей толпятся у дверей», «дверь министерской палатки осаждается чуть не целым Тегераном»; даны живые портреты шаха и первого министра, дословно приведена беседа с министром и шахом.

В целом, отмечая разницу характеров, менталитета, быта и обычаев как разных народов, населяющих саму Персию, так и персов и иностранцев, Н. Ф. Масальский делает вывод о необходимости добрососедства: «...каждый клочок земли нашего света составляет часть целого, от которого он в совершенной зависимости; все государства так связаны между собою общими выгодами, что нельзя отделить одно, не произведя потрясений в другом! Во всем мире есть одна общая мысль – благосостояние, но эта мысль может осуществиться только с общего согласия, только общим усилием...» (письмо XI).

Заключение

Мы рассмотрели восточный травелог «Письма русского из Персии» (1844) Николая Федоровича Масальского. Включенность автора в повествование и его присутствие во всех описываемых событиях позволило установить, что

«Письма» являются произведением автодокументальной прозы сложной жанровой природы: формально являясь эпистолярием, произведение имеет свойства путевого журнала и дневника. Полижанровость позволяет включать в текст исторические и статистические сведения, цитаты из научно-исторических источников, личные рассуждения, описания природы, климата, ремесел, военного дела, реалий культуры, социальной жизни, религии, образования, воспитания и т.д. Установлены источники, на которые опирался Масальский в описании истории Персии. Универсальность этих сведений позволяет считать «Письма русского из Персии» первым русскоязычным тревелогом-путеводителем. Автор стремился к достоверности, исторической точности, научности и одновременно к занимательности текста, оснащая его устными преданиями и этнографическими подробностями.

В ходе анализа было выявлено, что маршрут является нарративной основой текста; тексту присущи функции посольского дискурса, что включает картографирование чужого пространства, описание посольского церемониала, описание социально-культурного пространства и натурные описания. Описание социально-экономического и культурного пространств включает характеристику менталитета и социальной стратификации, ремесел, обзор домашней жизни, развлечений, обычаев персиян. Установлено, что главные топосы социально-культурной жизни персиян в описании Масальского – базар и мечеть. Отмечено новаторство Масальского в подробном описании религии мусульман и ее обрядности.

Литература

- 1- Бугаева А.Г. (2009). *Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века*: дис. ... канд. ист. наук. Иваново. 229 с. URL: <https://www.disscat.com/content/rossiisko-iranskie-torgovye-i-diplomaticheskie-otnosheniya-pervoi-poloviny-xix-veka> (дата обращения: 10.09.2023)

- 2- Карцов В.С., Мазаев М.Н. (1891). *Опыт словаря псевдонимов русских писателей*. — Санкт-Петербург: Типо-литография И. А. Ефрона. 158 с.
- 3- Ларин А.Б. (2009). *Николай Федорович Масальский и русские артиллеристы в Персии в 1839–1840 гг.* // *Онтология кризиса в пространстве и времени человека: сб. материалов междисциплинарной научной конференции молодых ученых и специалистов*. — Самара: Порто-принт. С. 135–138.
- 4- Ларин А.Б. (2010). *Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века*: дис... канд. ист. наук. Самара, 283 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/rossiiskaya-politika-v-irane-v-30-e-seredine-50-kh-gg-xix-veka> (дата обращения: 10.09.2023)
- 5- Ларионова А.Ю. (2012). *Формирование образа Персии и персов в России и СССР в 1800–1971 гг.*: дис. ... канд. ист. наук. Москва. 172 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-obraza-persii-i-persov-v-rossii-i-sssr-v-1800-1971-gg>. (дата обращения: 10.09.2023)
- 6- Мальцева Т.В. (2019). *Изображение Персии в русской документальной прозе XIX века («Путешествие в Персию» А. Д. Салтыкова)* // *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42828075/> (дата обращения: 10.09.2023) EDN: FHNXPA. DOI: 10.29252/iarll.13.2.81
- 7- Мальцева Т.В. (2022). *Образ Востока в посольском дискурсе (введение в тему)* // *Исследовательский журнал русского языка и литературы*. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49544526> (дата обращения: 10.09.2023) EDN: WBLJAR. DOI: 10.61186/iarll.20.97
- 8- Мальцева Т.В. (2023). *Стратегия топонимической номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе* // *Art Logos*. № 3(24). С. 79–95. DOI 10.35231/25419803_2023_3_79. EDN KPJBDE.
- 9- *Масальский Николай Федорович* (1911–1915). *Военная энциклопедия* / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. СПб.: Изд-во «Товарищество И. В. Сытина». Т. 15. С. 218.
- 10- [Масальский Н.Ф.] Н.Ф. (1844). *Письма русского из Персии*. В 2 частях. Санкт-Петербург: Изд-во «Типография Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи». 352 с.
- 11- [Редакция] (1877). *Генерал-адъютант, князь Н. Ф. Масальский, начальник артиллерии действующей армии* // *Всемирная иллюстрация*. Т. 17, № 427. С. 204.
- 12- *Список генералам по старшинству* (1872). Исправлено по 1-е августа. СПб.: Военная типография. С. 355–356. URL: http://militera.lib.ru/enc/spisok_gen1872/index.html (дата обращения: 10.09.2023)

Bibliography

- 1- Bugaeva A.G. (2009). *Rossijsko-iranske torgovye i diplomaticheskie otnosheniya pervoj poloviny XIX veka*: dis. ... kand. ist. nauk. Ivanovo. 229 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/rossiisko-iranske-torgovye-i-diplomaticheskie-otnosheniya-pervoi-poloviny-xix-veka> (data obrashhenija: 10.09.2023)
- 2- Karcov V.S., Mazaev M.N. (1891). *Opyt slovarja psevdonimov russkih pisatelej*. —Sankt-Peterburg: Tipografija I. A. Efrona. 158 s.
- 3- Larin A.B. (2009). *Nikolaj Fedorovich Masal'skij i russkie artilleristy v Persii v 1839–1840 gg.* // Ontologija krizisa v prostranstve i vremeni cheloveka: sb. materialov mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i specialistov. —Samara: Porto-print. S. 135–138.
- 4- Larin A.B. (2010). *Rossijskaja politika v Irane v 30-e – seredine 50-h gg. XIX veka*: dis... kand. ist. nauk. Samara, 283 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/rossiiskaya-politika-v-irane-v-30-e-seredine-50-kh-gg-xix-veka> (data obrashhenija: 10.09.2023)
- 5- Larionova A.Ju. (2012). *Formirovanie obraza Persii i persov v Rossii i SSSR v 1800–1971 gg.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moskva. 172 s. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-obraza-persii-i-persov-v-rossii-i-sssr-v-1800-1971-gg>. (data obrashhenija: 10.09.2023)
- 6- Mal'ceva T.V. (2019). *Izobrazhenie Persii v russkoj dokumental'noj proze XIX veka («Puteshestvie v Persiju» A. D. Saltykova)* // Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42828075/> (data obrashhenija: 10.09.2023) EDN: FHNXPA. DOI: 10.29252/iarll.13.2.81
- 7- Mal'ceva T.V. (2022). *Obraz Vostoka v posol'skom diskurse (vvedenie v temu)* // Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49544526> (data obrashhenija: 10.09.2023) EDN: WBLJAR. DOI: 10.61186/iarll.20.97
- 8- Mal'ceva T.V. (2023). *Strategija toponimicheskoj nominacii chuzhogo prostranstva v vostochnom posol'skom diskurse* // Art Logos. № 3(24). S. 79–95. DOI 10.35231/25419803_2023_3_79. EDN KPJBDE.
- 9- *Masal'skij Nikolaj Fedorovich* (1911–1915). Voennaja jenciklopedija / Pod red. V. F. Novickogo i dr. SPb.: Izd-vo «Tovarishhestvo I. V. Sytina». T. 15. S. 218.
- 10- [Masal'skij N.F.] N.F. (1844). *Pis'ma russkogo iz Persii*. V 2 chastjah. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Tipografija Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi». 352 s.
- 11- [Redakcija] (1877). *General-ad#jutant, knjaz' N. F. Masal'skij, nachal'nik artillerii dejstvujushhej armii* // Vsemirnaja illjustracija. T. 17, № 427. S. 204.

- 12- *Spisok generalam po starshinstvu* (1872). Ispravleno po 1-e avgusta. SPb.: Voennaja tipografija. S. 355–356. URL: http://militera.lib.ru/enc/spisok_gen1872/index.html (data obrashhenija: 10.09.2023)

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Maltseva Tatiana Vladimirovna (2024). IMAGE OF THE EAST IN “LETTERS OF A RUSSIAN FROM PERSIA” BY N. F. MASALSKY. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 12(1), 43-58.

DOI: 10.61186/iarll.23.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/304>

تصویر شرق در «نامه‌های یک روس از ایران» اثر ن.ف. ماسالسکی

تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا*

استاد دانشگاه دولتی آ.س. پوشکین لنینگراد،
سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

این مقاله به بررسی یکی از آثار ادبیات مستند می‌پردازد که حاوی اطلاعاتی درباره ایران در سده نوزدهم است. این اثر شامل یادداشت‌ها، نامه‌ها، سفرنامه‌های دیپلمات‌های روسی، افسران نظامی و مسافرانی است که در سده‌های ۱۸ تا ۱۹ از ایران دیدن کرده‌اند. این لایه از ادبیات عملاً ناشناخته مانده است. این مقاله به تحلیل «نامه‌های یک روس از ایران» نوشته نیکالای فدوروویچ ماسالسکی، افسر تخصصی توپخانه می‌پردازد که در سال ۱۸۳۹ به دستور مقام‌های بالای حکومتی به ایران فرستاده شد. «نامه‌ها» به شکل ژانر نامه‌نگاری نوشته شده است. بنابراین، از این منظر، ویژگی‌های ژانری متن تجزیه و تحلیل می‌شود: ساختار ژانر نامه‌نگاری و ابزارهای ادبی به کار رفته در آن. از نظر موضوعی، «نامه‌ها» در زمره متون شرقی ادبیات روسیه جای می‌گیرد و به شکل گفتمان سفارتی هستند. «نامه‌ها» واقعیت‌های طبیعی، دیدارهای تشریفاتی با شاه و مقامات عالی‌رتبه، جنبه‌های مذهبی، اجتماعی، فرهنگی و روزمره زندگی ایرانیان را به طور جامع به تصویر می‌کشد. تحلیل نشان می‌دهد که توصیفات فضای جغرافیایی، اجتماعی و فرهنگی ناآشنا و کلمات و مفاهیم متعدد دارای بار فرهنگ ایرانی، هسته اصلی روایت سفر را تشکیل می‌دهد و می‌تواند یک راهنمای سفر باشند. مشخص شده است که انتخاب روش‌های توصیف شرح مطلب در سفرنامه، نوعی تجلی اصل نویسنده در متن مستند است. نوآوری نویسنده در شکل‌گیری ویژگی‌های عملکردی جدید سفرنامه-راهنمای سفر مورد توجه قرار گرفته است.

واژگان کلیدی: متن شرقی، سفرنامه سفارتی، کتاب راهنمای سفر، نامه‌نگاری، تصویر شرق، ایران.

1. E-mail: kafliit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

REPRESENTATION OF THE PHENOMENON OF CHILDHOOD IN THE «PEDAGOGICAL POEM» BY A. MAKARENKO

Osmukhina Olga Yurievna^{1*}

Professor at National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia

Chekasheva Nadezhda Vladimirovna²

Master of Philology, National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia

(date of receiving: November 2023; date of acceptance: December 2023)

Abstract

The article analyzes the phenomenon of childhood in A. Makarenko's "Pedagogical Poem". The comparative-historical method was used, as well as the method of holistic analysis of the artwork. It is established that, firstly, the theme of childhood is represented through the motifs of loneliness, poverty, hunger, wandering. Secondly, ideas about the new ideal world created after the revolution, where everyone finds his place, embodies the image of the house-commune. The commune house becomes a kind of emblem of socialist realist culture and utopian type of consciousness. On the other hand, the fate of the lost house-nest and its inhabitants are considered by the writer at a historical turning point and symbolize the destruction of the usual way of life, way of life. The consequences of the loss of home are social and metaphysical orphanhood, hopelessness, characteristic of the homeless heroes, who in the process of upbringing find themselves and their place in the world.

Keywords: Russian Literature of the Twentieth Century; "Pedagogical Poem"; The Phenomenon of Childhood; The Image of a Homeless Person; Tradition.

---

1. E-mail: osmukhina@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793> * Corresponding author.

2. E-mail: nadya.chekasheva@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-4428-9665>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕНОМЕНА ДЕТСТВА В «ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ» А. МАКАРЕНКО

Осьмухина Ольга Юрьевна^{1*}

Профессор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия.

Чекашева Надежда Владимировна²

Магистрант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия.

(дата получения: ноябрь 2023 г.; дата принятия: декабрь 2023 г.)

Аннотация

В статье анализируется феномен детства в «Педагогической поэме» А. Макаренко. Используются сравнительно-исторический метод, а также метод целостного анализа художественного произведения. Установлено, что, во-первых, тема детства репрезентована посредством мотивов одиночества, нищеты, голода, скитаний. Во-вторых, представления о новом идеальном мире, созданном после революции, где каждый находит свое место, воплощает образ дома-коммуны. Дом-коммуна становится своеобразной эмблемой соцреалистической культуры и утопического типа сознания. С другой стороны, судьбы утраченного дома-гнезда и его обитателей рассматриваются писателем на историческом переломе и символизируют разрушение привычного образа жизни, уклада. Последствиями утраты домашнего очага являются социальное и метафизическое сиротство, безысходность, характерные для героев-беспризорников, которые в процессе воспитания обретают себя и своё место в мире.

Ключевые слова: Русская Литература XX Века; «Педагогическая Поэма»; Феномен Детства; Образ Беспризорника; Традиция.

---

1. E-mail: osmukhina@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793> * Ответственный автор.

2. E-mail: nadya.chekasheva@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-4428-9665>

Введение

Общеизвестно, что устойчивый интерес к проблеме детства, осмыслению особенностей детского сознания, созданию целого комплекса представлений о закономерностях становления личности в системе социума возникает на стыке целого свода гуманитарных наук – от антропологии и философии, культурологии до психологии и литературоведения. В связи с этим актуальность настоящего исследования вытекает из необходимости углубленного изучения детской темы, способов ее воплощения в литературном дискурсе, где на протяжении достаточно длительного периода формируется концепция детства со специфическими способами осмысления сугубо детской проблематики.

Сразу оговоримся, что своеобразие преломления детской темы наиболее примечательным нам представляется в отечественной прозе 1920–1930-х гг. – именно в этот период, во-первых, формируется советская детская литература (от К.И. Чуковского и С.Я. Маршака до А.Л. Барто, А.М. Волкова, А.П. Гайдара и др.); во-вторых, по сравнению с осмыслением детства в классической русской словесности, мыслившей его как лучший, светлый период в жизни личности, видение мира ребенка расширяется и видится не только как «рай», но и как жестокая школа жизни, где утрачены ключевые первоосновы (дом, семья), сопрягается с проблемой сиротства и сложным комплексом нравственной проблематики (Голубков 2011; Ермолаев 2012; Маслова 2005). Как справедливо отмечает Г.Д. Гачев, положение ребенка в отечественной словесности «двойственное»: «Ребенок занимает место в ее (русской литературы) поле как чистое нравственное сознание, как мысль особой чистоты и прозрачности <...>. Другой аспект, попадает в русскую литературу, – это детская жертва и нравственные проблемы для взрослых, встающие в связи с ней» (Гачев 1988. 274). Значимым аспектом феномена детства в прозе XX в. становится тема беспризорников, воплощенная как в

западной («Книга нечестивых дел» Э. Ньюмарка, «Генералы песчаных карьеров» Ж.Л. Амаду), так и в отечественной словесности – от «Педагогической поэмы» А.С. Макаренко, «Странников» В.Я. Шишкова, «Республики ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, «Крещенных крестами» Э.С. Кочергина, «Сына полка» В. Катаева и др. (Головина 2010; Осьмухина, Чекашева 2023).

Основная часть

«Педагогическая поэма» – широко известный, значительный труд педагога и писателя А.С. Макаренко – представляет собой художественно-документальное описание истории создания детской колонии имени Горького под чутким руководством талантливейшего наставника и руководителя. «Педагогическая поэма» – пример успешного возвращения к полноценной социальной, культурной жизни беспризорных ребят и правонарушителей, образец титанического педагогического труда, благодаря которому сотни сбившихся с пути детей смогли нравственно возродиться, стать достойными представителями советского общества.

Традиционно «Педагогическая поэма», равно как и другие труды А.С. Макаренко, рассматривается в научном сообществе как поле для исследования в рамках таких дисциплин, как педагогика, психология, социология. «Педагогическая поэма» – описание своеобразного социально-педагогического эксперимента, который заключался в преодолении социальных отклонений личности и коллектива. Примечательна здесь тема детства: изображаются дети-сироты, беспризорники, прошедшие путь перевоспитания. Воспитанники колонии совершенно разные – ребята, оставшиеся без родителей, потерявшие во время эвакуации, сбежавшие из дома в поисках лучшей жизни, попавшие под чье-либо пагубное влияние: «Костя Ветковский, красивый мальчик, специальностью которого "на воле"

было производить обыски по подложным ордерам. Во время этих обысков он исполнял второстепенные роли, главные принадлежали взрослым. Сам Костя – это было установлено в его деле – никогда ничего не крал и увлекался исключительно эстетической стороной операции» (Макаренко 1986. 214). Были и закоренелые преступники, воры, налетчики: «Четверо имели по восемнадцати лет, были присланы за вооруженный квартирный грабеж, а двое были помоложе и обвинялись в кражах» (Там же. 63). А.С. Макаренко точно определяет главную причину появления «трудных» детей – неблагополучие, неполноценность окружающей их среды. Если говорить о беспризорниках, то это, прежде всего, дети, потерявшие семьи. Под неполноценной окружающей средой педагог понимает более свободную форму семьи, большую загруженность отца и матери работой, отход женщины от семейной ограниченности, материальные и прочие формы противоречий, смерть одного из родителей, измены, мачехи, болезни и инвалидность (Макаренко 1964).

Будучи одаренным педагогом, Макаренко не боится братья за самых непокорных, тяжелых детей. Его первые воспитанники были квалифицированными преступниками, уголовниками, поэтому долго и упорно сопротивлялись попытке педагогов установить дисциплину. Сам повествователь замечает: «Я не знаю, как с ними разговаривать... Говорю им: надо за водой ехать на озеро, а один там, такой – с прической, надевает сапоги и прямо мне в лицо сапогом: "Вы видите, сапожник пошил очень тесные сапоги!"» (Макаренко 1986. 48). Беспризорные дети, попавшие в колонию, продолжают жить по привычным принципам и законам: они не ограничивают себя в свободе, продолжают воровать: «...кто-то сбил замок в погребе и утащил несколько фунтов сала – все наше жировое богатство. Утащил и замок. Еще через день вырвали окно в кладовой – пропали конфеты, заготовленные к празднику Февральской революции, и несколько банок колесной мази, которой мы дорожили как валютой» (Макаренко 1986. 89). Практически

каждый месяц прибывают новые дети, и к любому из них требуется найти индивидуальный подход. У всякого брошенного на произвол судьбы беспризорного ребенка своя плачевная история. Нередко психологические травмы, полученные ребенком, были настолько сильны, что дитя замыкалось в себе, отторгая окружающий мир, не желая контактировать с обществом. Таким ребенком оказался Васька Полещук. Макаренко обнаружил его окруженным толпой народа в наробразе. Секция дефективных признала его душевнобольным и подыскивала для него специализированное учреждение. Антон Семенович Макаренко не проводил грани между беспризорными, не делил их на категории, поэтому, посмотрев на этого мальчика, сказал: «...ни одна блоха не плоха...» (Макаренко 1986. 102). «Разношерстными», разнохарактерными, но одинаково ранимыми, искалеченными судьбой, скитаниями, голодом, нищетой были воспитанники колонии.

Главной установкой педагогической методики Макаренко было отношение к своим подопечным: педагог утверждал, что дети-беспризорники – «это такие же обыкновенные, хорошие, нормальные дети, как и все» (Макаренко 1964. 132). На протяжении всей поэмы постоянно доказывается мысль о том, что детей-правонарушителей нет, есть ребята, попавшие в сложное положение. Абсолютно любой ребенок, оказавшись на их месте, будет себя так вести. Беспризорничество – не врожденная патология, а приобретенная «болезнь», поразившая наше государство в 20-30-е годы двадцатого столетия. Макаренко вслед за Л. Сейфуллиной, Г. Белых и Л. Пантелеевым утверждал, что беспризорники имеют такое же право на счастливую, достойную жизнь, как и все остальные люди. Макаренко также продолжает мысль о том, что воспитание полноценно развитой личности невозможно вне коллектива. Для того чтобы помочь беспризорнику научиться жить в обществе, наставник делает ставку именно на коллектив. Для создания комфортных условий он поощрял самоуправление: жизнь и досуг группы определялись голосованием

самых детей. Как считал педагог, отсутствие демократии на школьном этапе жизни могло изуродовать человека. В любой коллективной деятельности Макаренко важное место отводил поддержанию особого «духа» колонии: уважение и требовательность к себе и окружающим, чувство собственного достоинства, взаимопомощь. Эти понятия стали основополагающими для лозунга колонии: «Не пищать!» (Макаренко 1986. 97). Помимо этого, коллектив в лице наставников, товарищей из колонии должен был воссоздать модель семьи для ребят – еще одна цель Макаренко. Процесс приобщения, взаимной «притирки» шел тяжело: «В первый год нас особенно удручало их постоянное стремление к ссоре друг с другом, страшно слабые коллективные связи, разрушаемые на каждом шагу из-за первого пустяка. В значительной мере это проистекало даже не из вражды, а все из той же позы героизма, не скорректированной никаким политическим самочувствием» (Макаренко 1986. 307).

В коллективе были воспитанники разного возраста, что организационно напоминало строение семьи. Кроме того, подобие большой семьи обеспечивало ребятам чувство безопасности, защищенности от самодурства, издевательств со стороны, порождало в ребенке уверенность в ближнем, в том, что его никто не сможет обидеть и ранить. Если окружающие ребята были друг для друга «братьями» и «сестрами», то воспитатели играли роль родителей. Именно коллектив, близкие семейным взаимоотношения воспитывают в ребенке высоконравственные качества, формируют ценностную систему. Как справедливо отметил Э. Меттини, духовно нравственное воспитание играет у Макаренко главенствующую роль в «перековке» характера детей-беспризорников: «Человек реализует себя как личность, лишь развивая в себе душевную духовность: способность к состраданию и сопереживанию, чуткость и отзывчивость, совесть, готовность прийти на помощь другому человеку, ответственность за все, что

совершается вокруг него» (Меттини 2013. 96). Показательным примером духовного преображения является Александр Задоров – одним из первых шести воспитанников Макаренко, поступивших в колонию на перевоспитание за вооруженные квартирные грабежи. На педагога он производит следующее впечатление: «Задоров был из интеллигентной семьи – это было видно сразу. Он правильно говорил, его лицо отличалось той молодой холемостью, какая бывает только у хорошо кормленных детей» (Макаренко 1986. 199). Задоров вежливо общался с педагогами, однако при этом отлынивал от работы и не выполнял их просьбы. За внешней интеллигентностью скрывалась дерзость, неповиновение, наглость, резкость – таким был герой в начале поэмы. Среди своих товарищей он был несомненным лидером, направляющим группу в дурное русло. Макаренко, как истинный педагог, увидел за этой «негативной маской» потенциал юноши и решил помочь ему. Найти подход к герою было непросто. Однажды между педагогом и мальчиком произошел случай, который, как отмечал сам Макаренко, «достался мне дороже, чем самому Задорову» (Там же. 213). Ссора между наставником и воспитанником возникла из-за очередного отказа Задорова нарубить дров. Макаренко услышал в свой след от непокорного подростка: «Иди сам наруби». «В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаянья» (Там же.), Макаренко ударил мальчика. Задоров, будучи физически развитым и крупным парнем, все же испугался и притих. Такой случайно произошедший спор, решившийся кулаками, стал способом установления неоспоримого авторитета наставника среди группы Задорова. Александр не обиделся, напротив, со своими товарищами поспешил в лес за дровами, заливаясь смехом над случившимся: «В перерыве мы смущенно закурили из моего запаса махорки, и, пуская дым к верхушке сосен, Задоров вдруг разразился смехом: – А здорово! Ха-ха-ха-ха!.. как вы мне съездили!» (Там же. 215). Александр впервые задумался о том, что его давно могли бы вернуть в комиссию как неисправимого, а вместо этого он

получил доверие и уважение со стороны педагога, по-отечески переживавшего за него. Ведь только он получал «иногда револьвер и с гордостью нацеплял его поверх своих лохмотьев» (Там же. 204), вместе с ребятами патрулировал дорогу, уничтожал самогон у селян.

После этого случая Александр Задоров стал активно проявлять себя в жизни колонии, участвовал в театральных постановках. Герой был прекрасным актером: он был одарен яркой харизмой в сочетании с великолепной дикцией. К финалу «Педагогической поэмы» герой уже задорный, трудолюбивый, отважный. Даже заболев сыпным тифом, Александр не желает оставаться без работы и стремится в кузницу: «От Задорова несло страшным жаром, и было видно, что он еле держится на ногах. Я взял его за локоть и молча направил в спальню. В спальне уже лежали в кроватях Осадчий и Белухин. Осадчий страдал и был недоволен своим состоянием. Я давно заметил, что такие "боевые" парни всегда очень трудно переносят болезнь» (Там же. 435). Задоров трезво оценивает ситуацию, не драматизирует и даже пытается подбадривать других в это тяжелое для колонии время. Он продолжает общественную деятельность и ответственно командует вторым отрядом (работа в мастерских), выполняет обязанности комсомольца и командира седьмого сводного отряда рабфаковцев. Александр заканчивает рабфак, поступает в высшее учебное заведение и получает профессию инженера.

Анализируя взаимоотношения Макаренко и Задорова, Е.Н. Рязанова справедливо указывает на их тесную связь, подобно отцу и сыну: «Что касается взаимоотношений с Макаренко, то они у него были очень хорошими: он любил его как отца, поддерживал его, когда у педагога возникали сомнения...» (Рязанова 2013. 203). Так, примечательным примером проявления взаимопомощи служит ситуация с колонией в Куряже. Макаренко пишет: «Это большое удовольствие – в трудную, неразборчивую минуту

встретить всех рабфаковцев: и основательного тяжелого Буруна, и Семена Карабанова, на горячей черной страсти которого так приятно было различить тонкий орнамент, накладываемый наукой, и Антона Братченко, у которого и теперь широкая душа умела вместиться в узких рамках ветеринарного дела, и радостно-благородного Матвея Белухина, и серьезного Осадчего, пропитанного сталью, и Вершнева – интеллигента и искателя истины...и наконец, моего любимца и крестника, командира седьмого сводного Александра Задорова» (Макаренко 1986. 451). Педагог ласково называет бывшего вояку-беспризорника Александра «крестником», «любимым воспитанником», ибо он стал надежной опорой для Макаренко в трудовой деятельности и поддержании порядка. Покинув стены колонии, Задоров не забывает добра, которое сделал для него Макаренко, юноша готов помочь, успокоить и поддержать: «... глянул на Задорова. Он засмеялся в ответ на мое смущение и положил руку на мое плечо: –Ничего, Антон Семенович, это пройдет!» (Там же. 436).

Александр Задоров – образец того, как «постепенно через активную жизнь в коллективе <...> из «невоспитуемого» перерождается в социально значимую личность, способную повести за собой других воспитанников для решения общих целей» (Рязанова 2013. 203). В финале поэмы Макаренко пишет о воспитаннике: «прелестный, милый Задоров»; «он умел все делать, не растрчивая своей личности и не обращая в пепел ни одного грамма своего существа... Задоров может пойти на любой подвиг, если к подвигу его призовет жизнь» (Макаренко 1986. 562). Безусловно, фигура Александра Задорова и других воспитанников – новый образ положительного героя-борца, строителя коммунизма, который порождает литература и искусство социалистического реализма. Через него полнее раскрывается исторический оптимизм «официального» советского искусства: герой утверждает веру в победу коммунистических идей, несмотря на отдельные поражения и потери.

Непросто было директору колонии вырастить из асоциальных подростков достойных членов общества и сформировать коллектив, связанный идейно, усилиями которого было создано предприятие, где каждый получает радость от своего труда. Макаренко не только приобщает подростков к труду, но и дает возможность почувствовать себя по-настоящему взрослыми. Участие в производительном труде полностью меняет социальный статус и самосознание подростков, превращая их во взрослых граждан со своими правами и обязанностями. Честно оплачиваемый труд – действенная мотивация к трудовой деятельности. В колонии им. Горького Макаренко за два года создал прибыльную животноводческую ферму, где воспитанники получали за свой труд от двух до пяти рублей золотом в месяц. В коммуне им. Дзержинского – производственные мастерские, которые выпускали переносные электросверла и первый советский фотоаппарат – ФЭД. Из восьми лет коммуна только первый год была на бюджете, дальше на хозрасчете, который «окупал расходы не только по школе, на жалованье учителям, на содержание кабинетов и прочие, но и все расходы на содержание ребят. Кроме того, коммуна давала несколько миллионов чистой прибыли государству... хозрасчет замечательный педагог» (Там же. 537). В «Педагогической поэме» происходит полная социализация подростков-беспризорников: бывшие преступники не просто перевоспитываются в достойных советских граждан, они, получая денежное вознаграждение, обретают материальную самостоятельность, несут полную ответственность за свою жизнь.

«Педагогическую поэму» в жанровом отношении можно определить как мемуарный роман воспитания. Строчение «по канонам романа воспитания», «явную воспитательную направленность» произведения правомерно, на наш взгляд, отмечает О. С. Батова (Батова 2016. 12). Очевиден самоанализ героев, преодоление препятствий на пути к поставленной цели, мотив путешествия, наличие наставников, направляющих ребят в поисках своего места в мире и,

наконец, само духовное и нравственное совершенствование персонажей. Бывшие беспризорники обретают себя, становясь инженерами, актерами, врачами, историками, педагогами. Так, выпускник коммуны В. А. Руденко стал педагогом широкого профиля – воспитателем, учителем географии, черчения, рисования, руководителем оркестра, баянистом, фотографом, туристом; А.Г. Явлинский занимал должность начальника детской трудовой воспитательной колонии, руководил Детским приемником-распределителем для беспризорников; воспитанник, соратник и преемник А. С. Макаренко – С. А. Калабалин (в «Педагогической поэме» – Карабанов) начал свою педагогическую деятельность ещё в коммуне педагогом по физической культуре, а завершил написание совместно со своей женой педагогического труда.

Заключение

Итак, «Педагогическая поэма» А.С. Макаренко – это своего рода роман-исповедь директора колонии для несовершеннолетних, искренне раскрывающая педагогические успехи и неудачи автора, без прикрас изображающая судьбы десятков беспризорных ребят. Перевоспитание сирот осуществляется исключительно благодаря правильно подобранной методике и коллективному труду, благодаря которому «выправляются» жизни уличных детей, беспризорников, ставших впоследствии достойными людьми. Центральными при воплощении детской темы становятся образы Александра Задорова, Семена Карабанова, Кости Ветковского. Ребята пришли в детскую колонию трудными, агрессивными, неуправляемыми, а вышли – образцовыми комсомольцами, позже получили профессии, создали семьи, стали примерными родителями. Такое перевоплощение, «выправка» судьбы произошли благодаря правильно подобранной методике воспитания и таланту педагогов. Среди наставников выделяются яркие образы самого А.С. Макаренко – умелого руководителя, Ивана Денисовича – умного,

спокойного и особенно работоспособного воспитателя, а также добрых, мудрых, заботливых Екатерины Григорьевны и Лидии Петровны. Именно они не побоялись работы с трудными подростками, превратили коммуны в подлинный дом, увидели в своих подопечных прежде всего несчастных детей, окружили их вниманием, лаской и теплом – тем, чего беспризорники были лишены, и способствовали их личностному росту.

Литература

- 1- Батова О. С (2016). *Проблематика и поэтика произведений Л. Пантелеева о детстве*: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- 2- Гачев Г. (1988). *Национальные образы мира*. Москва: Академический проект.
- 3- Головина Л. Г. (2010). *Проблема беспризорности в русской литературе XX века: к вопросу о мифологемах «Дом» и «Семья» (на примере произведений А. Неверова, В. Шишкова, Л. Пантелеева и Г. Белых, А. Приставкина, В. Крапивина)*. Вестник Российского университета дружбы народов. № 3. С. 28–34.
- 4- Голубков С. А. (2011). *Об особенностях реконструкции детского сознания в литературе: специфика пространственных моделей*. Коды русской классики: «детство», «детское» как смысл, ценность и код: материалы IV Международной научно-практической конференции. Самара. С. 11–18.
- 5- Ермолаев П. Ю. (2012). *Феномен детства в отечественной культуре 20-40-х гг. XX века*: автореф. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- 6- Макаренко А. С. (1986). *Педагогическая поэма*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство.
- 7- Макаренко А. С. (1964). *Педагогические сочинения в 8-ми томах*. Москва: Педагогика.
- 8- Маслова О. О. (2005). *Концепт детства в научной и художественной традициях XX века*: дисс. ... канд. культурологии. Ярославль.
- 9- Метгини Э. (2013). *Духовно-нравственное воспитание у А. С. Макаренко*. Материалы 10-х Всероссийских Макаренковских студенческих педагогических чтений / под ред. В. С. Третьяковой. Екатеринбург. С. 94–98.
- 10- Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В. (2023). *Повесть А. Неверова «Ташкент – город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов*. Научный диалог. Т. 12. № 5. С. 310–327.
- 11- Рязанова Е. Н. (2013). *Становление личности воспитанника (Александра Задорова) в «Педагогической поэме» А. С. Макаренко*. Материалы 10-х Всероссийских Макаренковских студенческих педагогических чтений / под ред. В. С. Третьяковой. Екатеринбург. С. 201–203.

Bibliography

- 1- Batova O.S (2016). *Problematika i pojetika proizvedenij L. Panteleeva o detstve*: diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd.
- 2- Gachev G. (1988). *Nacional'nye obrazy mira*. —Moskva: Akademicheskij proekt.
- 3- Golovina L.G. (2010). *Problema besprizornosti v russoj literature HH veka: k voprosu o mifologemah «Dom» i «Sem'ja» (na primere proizvedenij A. Neverova, V. Shishkova, L. Panteleeva i G. Belyh, A. Pristavkina, V. Krapivina)*. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. № 3. S. 28–34.
- 4- Golubkov S.A. (2011). *Ob osobennostjah rekonstrukcii detskogo soznaniya v literature: specifika prostranstvennyh modelej*. Kody russoj klassiki: «detstvo», «detskoe» kak smysl, cennost' i kod: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. —Samara. S. 11–18.
- 5- Ermolaev P.Ju. (2012). *Fenomen detstva v otechestvennoj kul'ture 20-40-h gg. XX veka*: avtoref. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg.
- 6- Makarenko A.S. (1986). *Pedagogicheskaja pojema*. —Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- 7- Makarenko A.S. (1964). *Pedagogicheskie sochinenija v 8-mi tomah*. —Moskva: Pedagogika.
- 8- Maslova O.O. (2005). *Koncept detstva v nauchnoj i hudozhestvennoj tradicijah XX veka*: diss. ... kand. kul'turologii. Jaroslavl'.
- 9- Mettini Je. (2013). *Duhovno-nravstvennoe vospitanie u A. S. Makarenko*. Materialy 10-h Vserossijskih Makarenkovskih studencheskih pedagogicheskich chtenij / pod red. V.S. Tret'jakovoj. Ekaterinburg. S. 94–98.
- 10- Os'muhina O.Ju., Chekasheva N.V. (2023). *Povest' A. Neverova «Tashkent – gorod hlebnyj» v kontekste otechestvennoj prozy o besprizornikah 1920-h godov*. Nauchnyj dialog. T. 12. № 5. S. 310–327.
- 11- Rjazanova E.N. (2013). *Stanovlenie lichnosti vospitannika (Aleksandra Zadorova) v «Pedagogicheskoi pojeme» A. S. Makarenko*. Materialy 10-h Vserossijskih Makarenkovskih studencheskih pedagogicheskich chtenij / pod red. V. S. Tret'jakovoj. —Ekaterinburg. S. 201–203.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Osmukhina Olga Yurievna, Chekasheva Nadezhda Vladimirovna (2024). REPRESENTATION OF THE PHENOMENON OF CHILDHOOD IN THE «PEDAGOGICAL POEM» BY A. MAKARENKO. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 12(1), 59-73.

DOI: 10.61186/iarll.23.4

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/310>

بازنمایی پدیده کودکی در «منظومه تربیتی» اثر آ. ماکارنکا

اولگا یوری یونا آسموخینا^{۱*}

استاد، دانشگاه دولتی آگاریوف موردوویا،
سارانسک، روسیه.

نادژدا ولادیمیرونا چکاشوا^۲

کارشناس ارشد، دانشگاه دولتی آگاریوف موردوویا،
سارانسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

در این مقاله پدیده کودکی در «منظومه تربیتی» آ. ماکارنکا تجزیه و تحلیل می‌شود. از روش تطبیقی - تاریخی و همچنین روش تحلیل کل‌نگر اثر هنری استفاده شده است. مشخص گردید که اولاً موضوع کودکی از طریق موتیف‌های تنهایی، فقر، گرسنگی و سرگردانی بازنمایی می‌شود. ثانیاً، نمایش دنیای ایده‌آل جدیدی که پس از انقلاب ایجاد شد، جایی که در آن هرکس جایگاه خود را پیدا می‌کند، با تصویر یک خانه جمعی تجسم می‌یابد. خانه جمعی به نوعی نماد فرهنگ رئالیستی سوسیالیستی و نوعی اتویای آگاهی می‌شود. از سوی دیگر، سرنوشت خانه - آشیانه گمشده و ساکنان آن، در نقطه عطف تاریخی، مورد توجه نویسنده قرار گرفته و نمادی از نابودی سبک و شیوه زندگی معمول می‌گردد. یتیمی اجتماعی و متافیزیکی و ناامیدی پیامدهای از دست دادن کانون خانواده و ویژگی کودکان خیابانی است که خود و جایگاه خود را در فرآیند تربیت در جهان می‌یابند.

واژگان کلیدی: ادبیات روسی سده بیستم، «منظومه تربیتی»، پدیده کودکی، سیمای کودک بی‌سرپرست، سنت.

1. E-mail: osmukhina@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1456-4793>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. E-mail: nadya.chekasheva@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-4428-9665>

FINDING THE MOTHERLAND IN ISOLATION FROM IT (BASED ON THE MATERIAL OF FATE AND CREATIVITY OF I.A. BUNIN)

Prashcheruk Natalia Viktorovna^{1*}

Professor, The Ural Federal University named
after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian.

(date of receiving: November 2023; date of acceptance January 2024)

Abstract

The article examines Bunin's prose of the 1920s and 40s in the aspect of the writer's changing attitude to Russia in isolation from it. After 1917, Bunin experienced the irretrievability of what had happened ("Cursed Days", "Name Days", "Penguins", "Mad Artist", harsh journalism). This position is most concentrated in the story "The End": "Russia is over." Since the early 1930s, burning pain has been replaced by humility and acceptance of the fact. Russia does not exist – but the memory of it is alive, and Russia belongs to the eternal world of culture. The artist returns her authentic image, "metaphysically enlightened" ("Wanderings", "Arsenyev's Life"). Bunin perceived the Nazi attack on the Soviet Union as a terrible ordeal for the Russian people. The features of Sovdepia have been erased, and Bunin finds his Motherland anew – no longer as a symbolic space in culture, but as a truly existing one. In such circumstances, he creates "Dark Alleys" – a book about love and a book about Russia.

Keywords: I.A. Bunin, Emigration, Russia, Isolation, Loss and Finding of the Motherland.

---

1. E-mail: pnv1108@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4407-5293> * Corresponding author

ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ В ИЗОЛЯЦИИ ОТ НЕЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЬБЫ И ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА)

Пращерук Наталья Викторовна^{1*}

Профессор, Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: ноябрь 2023 г., дата принятия: январь 2024 г.)

Аннотация

В статье проза Бунина 1920–40-х гг. исследуется в аспекте меняющегося отношения писателя к России в условиях изоляции от нее. После 1917 г. Бунин переживал непоправимость свершившегося («Окаянные дни», «Именины», «Пингвины», «Безумный художник», резкая публицистика). Наиболее концентрированно эта позиция обозначена в рассказе «Конец»: «России – конец». С начала 1930-ых гг. жгучая боль вытесняется смирением и приятием свершившегося факта. Той России нет – но жива память о ней, и Россия принадлежит вечному миру культуры. Художник возвращает ее подлинный образ, «метафизически просветленный» («Странствия», «Жизнь Арсеньева»). Нападение фашистов на Советский Союз Бунин воспринял как страшное испытание для русских людей. Черты Совдепии стерлись, и Бунин обретает Родину заново – уже не как символическое пространство в культуре, а как действительно существующую. В таких обстоятельствах он создает «Темные аллеи» – книгу о любви и книгу о России.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Эмиграция, Россия, Изоляция, Утрата И Обретение Родины.

---

1. E-mail: pnv1108@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4407-5293> * Ответственный автор

Введение

Русская литература знает немало примеров переживания в личных судьбах художников и воплощения в их произведениях ситуаций, которые связаны с изоляцией или самоизоляцией героя. Такие ситуации трактуются тем или иным автором в зависимости от его позиции в целом и от конкретных задач создаваемого произведения.

Так, в «Записках из Мертвого Дома» Ф.М. Достоевского – каторга, ограничение внешней свободы как наказание за совершенное преступление становится мощным фактором самопознания и познания истины. Приходит понимание ужаса жить сообща по принуждению. Это понимается как крайний вариант казарменного социализма. В «Записках из подполья» дана ситуация сознательной самоизоляции от мира, раскрывается феномен отчужденности от мира и одновременно стремления самоутвердиться в этом чужом мире. И как продолжение размышлений «Записок из Мертвого Дома» здесь уже в полной мере ставится краеугольная для Достоевского проблема подлинной и мнимой свободы. В «Войне и мире» Пьер Безухов именно в условиях принудительной изоляции, внешней несвободы обретает истинное понимание своего места в мире, приходит к единению с людьми и космосом. Оригинальным и одновременно органичным для русской классики образом решена проблема изоляции в рассказе Чехова «Пари». Добровольное пятнадцатилетнее заточение на спор есть поэтапное восхождение героя к пониманию сущности вещей. Его окончательный выбор становится для читателя неожиданным, но для автора, последовательно, на протяжении всего своего творчества разрушающего всякого рода стереотипы, вполне закономерным.

И.А. Бунин переживает в своей личной и творческой судьбе более чем тридцатилетнюю изоляцию от Родины. Этот опыт поучителен в аспекте меняющегося отношения к России, так или иначе отразившегося и в судьбе, и в творчестве писателя.

Основная часть

Известно, что Бунин категорически, горячо отверг большевистский переворот 1917 года, выразив свое отрицательное отношение к революционным событиям в знаменитых, наполненных гневом «Окаянных днях». Его переживания по поводу настоящего и будущего России в это время он передал, например, такой фразой: «Была Россия, где она теперь» (Бунин 1988. 400). Ощущение конца, непоправимости того, что свершилось, он выразил и в других своих произведениях – «Именины», «Пингвины», «Безумный художник», в яростной, резкой по интонации публицистике. Наиболее концентрированно эта позиция выражена в рассказе «Конец», в котором повествователь и автор предельно сближены: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец»¹ (Бунин 1965-1967. 5, 67). В миниатюре «Именины» «черный ад обступает радостный солнечный мир усадьбы» (Там же. 5, 141). Апокалиптическая тема поддержана и далее: «...так тяжко, точно вся вселенная на краю гибели, смерти» (Там же. 5, 141). Поначалу перед нами картина из прошлого, восстановленная образной памятью героя и максимально приближенная к нам. Она выполнена в технике, которую чуть позже сформулирует Алексей Арсеньев: «Вижу и чувствую подробности» (Там же. 6, 188), в технике – видеть, касаться, переживать, но не рассказывать. Нарратор отступает, повествование преобразуется в живописание. Событийность свернута, предметный мир стремится стать самостоятельным. Перед нами явление, о котором писал О. Хансен-Лёве, называя его «Wortkunst», уничтожающее, в отличие от «Erzählungskunst»,

---

1. Текст (за исключением «Странствий» и «Окаянных дней») цитируется по изданию: Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. М.: Художественная литература, 1965–67 – с указанием тома и страниц.

расхождение между описанием и предметом описания (Hansen-Love 1972. 197–252). Структурная доминанта живописания в бунинской миниатюре в ее функциональном аспекте может быть истолкована и с опорой на труд П. Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», в котором он исследует возможности влияния живописи на словесность. В частности, он отмечает, что «живопись распространяет на пространство вещественность» (Флоренский 1993. 109), а процессы опространствливания формы, достаточно широко охватившие литературу 20 века, разворачиваются с опорой на живописный принцип «освобождения от времени» (Хоружий 1994. 429). Именно фактурная щедрость, обилие ярких подробностей, использование именных и глагольных форм настоящего времени создают эффект «упразднения времени», эффект пребывающего здесь и сейчас семейного праздника, присутствия на нем не только героя, но и нас, читателей: «В усадьбе преизбыток довольства, счастья. (...) Идет обед, долгий, необычный, с пирожками, с янтарным бульоном, с маринадами к жареным индейкам (...). И я тоже в усадьбе, в доме, за обедом...» (Бунин 1965-1967. 5, 141). Завороженные этим «Wortkunst» (Hansen-Love 1972. 197–252), мы даже сразу не догадываемся, что перед нами сон. Причем сон особый, несущий в себе драму «двойного бытия» героя. Эта драма связана не просто с контрастом реальности и сновидения. Сон странный и страшный, потому что, пребывая как будто в «радостном солнечном мире усадьбы», герой одновременно чувствует себя «вне всего, вне жизни». И более, его переживание собственного «двойного бытия» множится на переживания всех, его окружающих: «оказывается, не я один вне всего, вне жизни: все, окружающие меня, тоже вне ее, хотя они и двигаются, пьют, едят, говорят, смеются» (Бунин 1965-1967. 5, 142). И так готовится эмоциональный взрыв. Апокалиптическая символика многократно усилена включением в контекст личной судьбы героя и его близких. А переживание становится

острее еще и потому, что герой признается: «Я чувствую страшную давность, древность всего того, что я вижу, в чем я участвую в этот роковой, ни на что не похожий (и настоящий, и вместе с тем такой давний) именинный день, в этой столь мне родной и в то же время столь далекой и сказочной стране» (Там же.). И далее: «И в душе моей растет такая скорбь, что я наконец разрываю этот сон...» (Там же.). Многоточие и – на контрасте – сдержанно-информативный финал: «Глубокая зимняя ночь. Париж» (Там же.). Переживание свернуто, ушло в подтекст, но ему сообщается высокий статус расставания с прошлым, и сон здесь – не избавление, не уход от реальности, а, напротив, кристаллизация и констатация состояния. «Глубокая зимняя ночь» Парижа, в которую возвращается герой от своего сна, означает реальность того, что «черная пыльная туча», «черный ад» поглотили, уничтожили «радостный солнечный мир усадьбы».

Рассказ «Пингвины» (1929) рифмуется с «Именинами» не только по смыслу, но и по форме. В центре – вновь описание онейрического состояния героя-личного повествователя. Однако, если в «Именинах» – в центре один эпизод, вписанный в контекст апокалиптической проблематики разрушения родного мира, то рассказ 1929 года строится как каскад сменяющих друг друга картин, соединенных между собой по принципу монтажа. В «Именинах» доминирует живописный принцип композиции, а здесь сюжет разворачивается, скорее в сценарно-кинематографическом ключе: эпизоды монтируются, словно кадры в динамической киноленте с использованием общих, средних и крупных планов: «Началось с того, что мне стало опять тридцать лет, – я увидел и почувствовал себя именно в этой счастливой поре; я опять был в России того времени и во всем, что было присуще тому времени, и сидел в вагоне, ехал почему-то в Гурзуф...» (Там же. 5, 391). Жанровая ориентация тоже как будто очевидна: перед нами, по существу, кинематографический трелог. Известно, что Бунин, большой любитель

путешествовать, «художник созерцающий» (Кошемчук 2020. 4), много работал в этом жанре. Достаточно вспомнить уже упомянутую здесь «Тень птицы», а также «Воды многие», «Братья» и другие произведения. В эмигрантский период травелоги обретают иное содержание, иную интонацию – чаще всего, это воображаемые путешествия на Родину. «Пингвины», следовательно, органично вписываются в контекст бунинских рассказов «Несрочная весна», «Поздний час», цикла «Странствия», книги «Жизнь Арсеньева». Тем самым «память жанра» обогащена творческим способом ее актуализации. Кроме того, не забываем, что воображаемое здесь возвращение на Родину – это сон, и отсюда фантазмагорический характер того, как komponуется увиденное героем и как рассказ завершается. Фантазмагория усиливается сновидческой стиливой окрашенностью, при которой картины, в отличие от предыдущей миниатюры, намеренно размыты, предметный мир как будто ступеван, смазан – при акцентировании отдельных деталей, за счет чего визуальный эффект сохраняется. Можно сказать, что стилистика рассказа напоминает стилистику авторского кино, которое сложно психологически и символически нагружено и которое держится обычно общей интонацией. Эта интонация и «собирает» воедино кадры, часто не связанные между собой причинно-следственной связью. Бунинская миниатюра в ее сложной раскадровке также подчиняется общему эмоционально-экспрессивному тону, который не только создается соответствующей образностью, но и прямо вербально обозначается в тексте. Причем, неоднократно. Повторы слова «страшно» с семантикой предельности качества или состояния («страшно мертво», «страшно безжизненно») ближе к финалу сменяются «страшным» в прямом его значении как передачи внутреннего состояния героя: «стало совсем страшно», «все это было так странно и страшно, что я сделал усилие воли и вскочил с постели...» (Бунин 1965-1967. 5, 392). При всей сновидческой сюрреальности логика жанра травелога сохраняется, и автор балансирует между передачей внутреннего

состояния и описанием увиденного во время путешествия – воссозданием, конечно, специфических, но все же путевых картин. Перед нами Крым осенью – «еду на юг», «тут на юге была еще осень, – и какой-то удивительно тихий, молчаливый день» (Там же. 5, 391). Гурзуф связан с Пушкиным, «но ведь Пушкин давно умер, и в Гурзуфе теперь мертво, пусто... и увидел, понял, что не только в Гурзуфе, но и везде страшно мертво и пусто (...) Поезд идет быстро и полон, но полон как будто неживыми (...) Я вдруг вспомнил, что очень люблю Бахчисарай, – ведь Пушкин жил и в нем когда-то (...). Однако Бахчисарая я как-то не заметил, а в горах было жутко. Глушь, пустыня, и уже вечерет (...) Одна надежда на ужин в Ялте (...). Что случилось с Ялтой? Смеркается, темнеет, но почему-то нигде ни одного огня, на набережной ни одного прохожего, всюду опять тишина, молчание... Я сел в пустой и почти темной зале ресторана...» (Там же. 5, 391-392). Следовательно, в самом начале «путевых заметок» обозначена главная тема увиденного – «езде страшно мертво и пусто», эта тема поддержана мотивом тишины (мертвой, безжизненной), цветовым и световым колоритом. Воображаемое путешествие на Родину оборачивается странствием в царство мертвых, мифологический подтекст очевиден, и он во многом объясняет финал этого рассказа. В отличие от «Именин», здесь нет границы между сном и реальностью. Герой как будто бы прерывает сон, но в то же время «страшный сон» продолжается – он уже на Кавказе: «И я вскочил, ужаснувшись: что же я теперь буду делать... А за окнами шумит крупный ливень, и я совершенно один во всем мире...» (Там же. 5, 392). И уже как мощное по выразительности и экспрессивности завершение сюжета об аиде прочитывается собственно финал: «И вот я на каком-то страшном обрыве... (...) Внизу – тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее устричной свежестью и порой взрывающееся целыми водопадами брызг и пены... А вверху пингины,

пингвины!» (Там же. 5, 393). И это уже не элизий из «Несрочной весны», это тартар – вечное жилище ночи, великой бездны. И тема Пушкина, который «давно умер», – мертвого Пушкина, коррелирует с финалом, переводя национальную катастрофу в статус глобальной, общечеловеческой, вселенской. Это все примеры, рисующие картину погибшей России. Отсюда доминирующий мотив мертвого, квинтэссенцией которого становится страшный образ мертвого Пушкина, который всегда был «живее всех живых» из русских классиков.

В начале-середине 1930-ых гг. жгучая боль вытесняется смирением и приятием/принятием свершившегося факта. Той России нет – но она осталась, ибо жива память о ней, и Россия принадлежит уже вечному миру культуры. Это отношение придает творчеству Бунина и образу России, в том числе, новые черты. Художник возвращает ее подлинный, не подвластный разрушению образ, запечатлевает «лик России не временный и искаженный, а метафизически просветленный» (Зайцев 1934. 227). Закономерно, что организующим центром наиболее показательных произведений становится тема памяти, а конструктивным принципом их построения – воспоминания. В таком ключе создаются «Странствия», «Жизнь Арсеньева» и др.

В 1930-ые годы, когда Бунин считал судьбу России исторически завершившейся, он создает произведения о состоявшемся возвращении дорогого ему русского (в том числе, усадебного) мира. Не случайно цикл «Странствия» можно рассматривать в сходном с «Тенью птицы» жанровом контексте – а именно, – в контексте травелоговой или паломнической традиции. Герой-повествователь-автор в одном лице символически возвращается в «царство Ленина», пребывающее под знаком «серпа и молота», в мир, в котором свое, родное, становится чужим. Вглядываясь в это уже чужое, герой обнаруживает черты прежней, подлинной России. «Странствия» написаны в иной интонации, нежели произведения первых лет эмиграции.

Гнев и острота переживания свершившейся катастрофы сменяется скорбью, состоянием мудрого терпения и смирения. Герой описывает посещение старинных усадеб. Вещественность представленных картин сложно взаимодействует с последовательно проведенным через все произведение мотивом *тонкого*. В последнем этюде слово употреблено трижды, когда речь идет о портретах и книгах, которые герой находит в одной старинной усадьбе: «Особенно поразил меня один молодой женский портрет... Несравненная прелесть форм, облитых *тонким* шелком, неземная красота радостно-восторженных очей...» (Бунин 1991. 176); «В библиотеке – портрет старинного владельца усадьбы. Что-то вольтеровское, как это часто бывало в те годы: белый густой парик, нежное румяно-желтое лицо с впалыми щеками, едкие, пронизательные глаза и *тонкая* линия рта» (Там же.); «Потом смотрел другие книги: откуда и в них, в самый расцвет такого благосостояния, таких *тонких* и сильных вкусов к жизни, эти вечные стремления "к Богу и вечности"...» (Там же.). Задействован весь сложный смысловой объем понятия *тонкий*: нежный; изысканный; острый, пронизательный, умный; чуткий, чувствительный и т.п. Этот мотив, по существу, определяет пафос отношения к прошлому дворянскому миру – отношения как прикосновения к подлинному, сложно и прекрасно организованному, *тонкому* слою жизни и культуры. Другими словами, острое переживание утраты родного вопреки всему соединяется здесь с острым же чувством его обретения и обретения уже навсегда.

«Странствия» уникальны в бунинском творчестве еще и потому, что ни в одном другом произведении так не доминирует монастырская тема. Герой посещает множество монастырей, описывая их с невероятным даже для Бунина художественным мастерством. Один за другим перед читателем возникают Данилов монастырь в Москве, Макарьевский на Волге, Троицкая лавра, монастырь Саввы с собором XV в., в 18-м этюде повествователь

описывает «край церковный, монастырский: куда ни глянь, всюду монастырь», в 19-м этюде – «у стен одного из т-ских монастырей встретил монаха из уезда», а в 21-м речь идет о том, что герой «был еще в одном» уездном монастыре. Впечатляют картины увиденного: «В прекрасный сентябрьский вечер шел в Данилов монастырь. Когда подходил, ударил большой колокол. Вот звук! Золотой, глухой, подземный...» (Там же. 160); «На Волге видел Макарьевский монастырь... В соборах все как было чуть не тысячу лет назад – незапамятная и нерушимая Русь: черные, средневековые лики икон, черная олифа...» (Там же. 167); «Был еще в одном монастыре (опять в другом краю). Пришел рано утром. Золотыми сердцами горели на солнце монастырские кресты. В церкви шла служба... А двери были раскрыты на воздух, светлое летнее утро окружало монастырь, радостно и мирно сияло в окрестных полях и росистых перелесках...» (Там же. 174-175).

В этих зарисовках рукотворная красота поддерживается и подчеркивается гармоничным состоянием окружающей природы. Можно говорить о продолжении темы, намеченной в «Окаянных днях»: православный храм воспринимается как остров прежней, настоящей России. Но не только это важно. Этюды буквально завораживают читателя избыточной фактурностью описаний («мшистые кресты серы, мягки, словно на них фланель»), изощренно-щедрой, роскошной цветописью: «Вода имеет цвет фиалки...»; «розовая лампадка»; «...огненный куст настурции (...) сине-лиловые леса, золотом горящие на солнце жнивья» (Там же. 170) и др. Витальностью образного ряда достигается эффект вещественной, зримой реальности «старого» мира. И все это при том, что непосредственно в тексте, напротив, вербально обозначена тема исхода (истончения) прежней жизни и культуры: «Очень далеким стало все прошлое!» – восклицает повествователь, а характеризуя монахов Троицкой Лавры, замечает «Все еще Русь, Русь. Но уже на исходе, на исходе» (Там же.).

Соединение усадебной и церковно-монастырской темы, конечно, не случайно. Эстетическое совершенство описаний, одновременно их утонченность и вещественность – своего рода мера, знак, залог обретения подлинного. Русская природа, русская усадьба, русская церковь и монастыри – это лицо подлинной России, проступившее через все страшные фантазмагии и призрачности царства Ленина. И эта возвратившаяся Россия больше Бунина – художника и человека – не отпустит. (Напомним в скобках для сравнения, что у суходольцев храма не было).

«Жизнь Арсеньева» – главная книга писателя, «своеобразная исповедь перед Богом и людьми» (Сафиулина 2023. 196). Она соединила проблематику постижения жизни с явленным в максимальной полноте и объемности русским миром. А в судьбе героя заключена тема странствий и возвращения на Родину. Судьба Алексея Арсеньева раскрывается в напряженном соотношении с темой «двух домов» – земного и небесного – и сопряжена либо с переживаниями онтологического разрыва (тварное – небесное), либо с преодолением такового – принятием своих «крестов, от Бога данных человеку» (Пращерук 2019. 75–77). Потому и завершается книга возвращением – после творческих исканий и переживая разрыв с Ликой – в Батурино. Как будто нет никакой радости от этого возвращения, и как будто все предчувствия оказались верны: «Какая могила ждет меня там, в Батурине! Старость отца и матери, увядание моей несчастной сестры, нищая усадьба, нищий дом, голый, низкий сад...» (Бунин 1965-1967. 6, 284–285). Но жив отец, своей мудростью поддерживающий героя. Жив уют отцовского кабинета, согревающий Алексея своим теплом: «Мы сидели в тот день в его кабинете. Уже лежал снег, был тихий и скромный солнечный день, освещенный им снежный двор ласково глядел в низкое окно кабинета, теплое, накуренное, запущенное, милого мне с детства этой запущенностью и уютностью, неизменностью своей простой обстановки» (Бунин 1965–1967. 6, 286–287). Следовательно, вопреки

реалистичному описанию состояния усадьбы, побеждает тональность обретенного крова, теплое чувство живой памяти, преображающей эту реальность.

В конце 30-ых годов, наблюдая распространение в Европе коричневой чумы, Бунин, в отличие от некоторых его товарищей по эмиграции, изначально резко отрицательно относился к Гитлеру. Он никогда не считал, что Гитлер, напав на Советский Союз, делает благое – спасает Россию от большевизма. Писатель не печатается на оккупированных фашистами территориях. Он отдает свои произведения в «Новый Журнал», позиция редакции которого совпадала с оценкой происходящих событий Буниным. В первом номере журнала в обращении редакторской группы к читателю прямо говорилось: «Наше издание, начинающееся в небывалое, катастрофическое время, – единственный русский "толстый" журнал во всем мире вне пределов советской России... (...) Надо ли говорить, что в той страшной борьбе, которую на жизнь или смерть ведет теперь наша родина с Гитлером, все наши мысли – с ней. Кто бы ни руководил русской армией в ее героической борьбе, мы всей душой желаем России полной победы. Каждое ее поражение, каждую ее неудачу мы воспринимаем как большое несчастье, каждую победу как великую радость» (Новый Журнал 1942. 6). Первый выпуск «Нового Журнала» (1942) фактически открывался рассказом Бунина «Руся», второй начинался рассказом «Натали», третий – «Генрихом». Сотрудничество Бунина с журналом продолжалось и в дальнейшем.

В таких обстоятельствах он создает «Темные аллеи» – книгу о любви и книгу о России. Обращается к теме родного, к усадебному миру. Так, в рассказе «Натали» герой подробно знакомит нас с домом и усадьбой. В том, с какой тщательностью он восстанавливает их облик, например, детали интерьера «кабинета и вместе спальни» дяди («дубовые книжные шкапы», «часы красного дерева с медным диском неподвижного памятника», «целая

куча трубок с бисерными чубуками» и т. п.), «летние» подробности жизни в усадьбе, с ежедневными купаниями, утренним кофе, «долгими обедами с окрошкой, жареными цыплятами и малиной со сливками», с чтением вслух, варкой варенья, вечерними прогулками, угадывается, насколько этот дом запомнился ему, «вошел» в его мир, как этот образ жизни дорог не только герою, но и самому автору. Все здесь ладно, основательно и разумно устроено, все дышит благополучием, уютom, теплом и традицией. «Чудесный дом» – так передает герой свое ощущение пространства, в котором он оказался, и это ощущение продолжено восприятием сада, гармоничной природы, «всего летнего благополучия деревенской усадьбы» (Бунин 1965–1967. 7, 148).

В рассказе-шедевре «Чистый понедельник» личная история героев прочитывается в аспекте общенациональной судьбы. Бунин словно обозначает здесь вехи на пути долгого возвращения русского человека к святыням, уже отчетливо понимая, сколь труден и жертвенен будет этот путь.

Герой встречает возлюбленную в церкви Марфо-Мариинской обители среди других «инокинь или сестер» в белых одеждах. Возглавляла «белую вереницу поющих» Великая княгиня Елизавета Федоровна, весь облик которой создает впечатление святости: «...Вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обресе, с нашитыми на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке» (Там же. 7, 251). В этом эпизоде символично все: крест, горящие свечи и т. п.

Значительность эпизода еще более возрастает при сопоставлении его с дневниковой записью 1915 г., оставленной писателем после действительного посещения Марфо-Мариинской обители: «Позавчера были с Колей и Ларисой в Мариинской обители на Ордынке. Сразу не пустили, дворник умолял постоять за воротами – “здесь великий князь Дмитрий Павлович”. Во дворе – пара черных лошадей в санях, ужасный кучер. Церковь снаружи лучше, чем внутри» (Бунин 1988. 354). Очевидна связь этой записи и финального эпизода.

Столь же очевидны внесенные Буниным корректировки: «На Ордынке я остановил извозчика у ворот Марфо-Мариинской обители: там во дворе чернели кареты, видны были раскрыты двери небольшой освещенной церкви... Дворник у ворот загородил мне дорогу, прося мягко, умоляюще:

– Нельзя, господин, нельзя!

– Как нельзя? В церковь нельзя?

– Можно, господин... только прошу вас за ради Бога, не ходите, там сейчас великая княгиня Елизавет Федровна и великий князь Митрий Палыч...» (Бунин 1965-1967. 7, 251).

Автор не просто вводит в рассказ отсутствующую в источнике Великую княгиню Елизавету Федоровну, причисленную ныне к лику святых, он делает ее центральной фигурой финальной сцены. Финал рассказа «Чистый понедельник» прочитывается символически: «...из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обресе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер...» (Там же.). Речь идет о России, восходящей на Голгофу.

Заключение

Бунин в годы Великой Отечественной войны поверил, что после восхождения на Голгофу будет возможно воскресение России. Нападение фашистов на Советский Союз он воспринял как катастрофу, как страшное испытание для русских людей. И тут произошло удивительное – не изменив своих взглядов, он вновь обретает Родину, он ощущает себя причастным к испытанию, которое обрушилось на Россию. Бунин напряженно следит за продвижением фашистских войск, тяжело переживает известия о сданных

городах и радуется нашим победам, сетует по поводу союзников, которые все не открывают второй фронт. Об этом сохранилось множество свидетельств. То, что переживал Бунин в это время, можно описать словами Г.В. Адамовича: во время войны Бунин опасался за участь России, причем на десятилетия вперед, и все то, что в советском строе было для него неприемлемо, заслонило в его сознании этот глубинный страх. Другими словами, черты Совдепии стерлись, свершилось как будто невозможное – Бунин обретает Родину заново – уже не как символическое пространство в культуре, а в реальности, как Родину, действительно существующую.

Литература

- 1- Гроссман Л.П. (1941). *Лермонтов и культуры Востока* // Литературное наследство. Т. 43. С. 673-744.
- 2- Адамович Г.В. (2002). *Сомнения и надежды*. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 444 с.
- 3- Бунин И.А. (1965-1967). *Собр. соч. в 9 т.* М.: Художественная литература.
- 4- Бунин И.А. (1988). *Собр. соч. в 6 т.* М.: Художественная литература. Т. 6. 719 с.
- 5- Зайцев К. (1934). *И.А.Бунин. Жизнь и творчество*. Берлин: Парабола. 277 с.
- 6- Кошемчук Т.А. (2020). *Созерцание: о путешествиях И.А. Гончарова и И.А. Бунина // Созерцания и встречи. Статьи о русской литературе. Из увиденного*. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив. С. 4-34.
- 7- *Новый Журнал* (1942). № 1. С. 6-27.
- 8- Пращерук Н.В. (2019). *Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста* // Филологический класс. № 2 (56). С. 73–77.
- 9- Сафиулина, Р. М. (2023). *ПОЗИЦИЯ И. А. БУНИНА В ПАРИЖСКОЙ ДИСКУССИИ 1927 ГОДА*. Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы, 11(1), 193–206. <https://doi.org/10.61186/iarll.21.10>
- 10- Флоренский П.А. (1993). *Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях*. М.: Прогресс. 324 с.
- 11- Хоружий С.С. (1994). *«Улисс» в русском зеркале* // Джойс Д. *Улисс: в 3 т.* М.: Знак. Т.3. Комментарии. С. 363-603.

- 12- Hansen-Love A. (1982). *Die «Realisierung» und «Entfaltung» semantischen Figuren zu Texten* // Wiener Slavischer Almanach. Bd. 10. S. 197–252.

Bibliography

- 1- Grossman L.P. (1941). *Lermontov i kul'tury Vostoka* // Literaturnoe nasledstvo. T. 43. S. 673-744.
- 2- Adamovich G.V. (2002). *Somnenija i nadezhdy*. M.: OLMA-PRESS. 444 s.
- 3- Bunin I.A. (1965-1967). *Sobr. soch. v 9 t.* M.: Hudozhestvennaja literatura.
- 4- Bunin I.A. (1988). *Sobr. soch. v 6 t.* M.: Hudozhestvennaja literatura. T. 6. 719 s.
- 5- Zajcev K. (1934). *I.A.Bunin. Zhizn' i tvorchestvo*. Berlin: Parabola. 277 s.
- 6- Koshemchuk T.A. (2020). *Sozercanie: o puteshestvijah I.A. Goncharova i I.A. Bunina* // Sozercanija i vstrechi. Stat'i o ruskoj literature. Iz uvidennogo. M., SPb: Centr gumanitarnyh iniciativ. S. 4-34.
- 7- *Novyj Zhurnal* (1942). № 1. S. 6-27.
- 8- Prashheruk N.V. (2019). *Duhovnoe izmerenie zhizni cheloveka: reputacija Bunina-hudozhnika i real'nost' teksta* // Filologicheskij klass. № 2 (56). S. 73–77.
- 9- Safulina P. M. (2023). *THE POSITION OF I. A. BUNIN IN THE PARIS DISCUSSION OF 1927*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 11(1), 193–206. <https://doi.org/10.52547/iarll.21.10>
- 10- Florenskij P.A. (1993). *Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah*. M.: Progress. 324 s.
- 11- Horuzhij S.S. (1994). *«Uliss» v russkom zerkale* // Dzhajs D. Uliss: v 3 t. —M.: Znak. T.3. Kommentarii. S. 363-603.
- 12- Hansen-Love A. (1982). *Die «Realisierung» und «Entfaltung» semantischen Figuren zu Texten* // Wiener Slavischer Almanach. Bd. 10. S. 197–252.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Prashcheruk Natalia Viktorovna (2024). FINDING THE MOTHERLAND IN ISOLATION FROM IT (BASED ON THE MATERIAL OF FATE AND CREATIVITY OF I.A. BUNIN). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 75-92.

DOI: 10.61186/iarll.23.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/305>

بازیافتن سرزمین مادری در شرایط انزوا از آن (بر اساس سرنوشت و آثار
ای.آ.بونین)

ناتالیا ویکتورونا پراشروک^{*}

استاد، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۴)

چکیده

مقاله به نثر بونین در دهه‌های ۱۹۲۰-۱۹۴۰ از جنبه تغییر نگرش نویسنده نسبت به روسیه، در شرایط انزوا از روسیه می‌پردازد. پس از سال ۱۹۱۷، بونین جبران‌ناپذیری آنچه را که اتفاق افتاده بود تجربه کرد («روزهای اهریمنی»، «روز نامگذاری»، «پنگوئن‌ها»، «هنرمند دیوانه»، نشریات سیاسی اجتماعی شدیدالحن). این موضع به طور متمرکز در داستان «پایان» نشان داده شده است: «روسیه پایان است». از اوایل دهه ۱۹۳۰ درد سوزان، با فروتنی و پذیرش یک عمل انجام شده جایگزین می‌گردد. آن روسیه وجود ندارد - اما خاطره آن زنده است و روسیه متعلق به جهان ابدی فرهنگ است. این هنرمند، تصویر اصلی روسیه را، «روشن شده از لحاظ متافیزیکی»، باز می‌گرداند («سرگردانی‌ها»، «زندگی آرسنی‌یف»). بونین حمله نازی‌ها به اتحاد جماهیر شوروی را آزمایشی وحشتناک برای مردم روسیه تلقی می‌کند. خطوط اتحاد جماهیر شوروی از بین رفته است و بونین بار دیگر میهن خود را باز می‌یابد - نه به عنوان یک فضای نمادین در فرهنگ، بلکه به عنوان فضایی واقعاً موجود. در چنین شرایطی، او «کوچه باغ‌های سایه‌سار» را خلق می‌کند - کتابی درباره عشق و کتابی درباره روسیه.

واژگان کلیدی: ای.آ.بونین، مهاجرت، روسیه، انزوا، از دست دادن و بازیافتن سرزمین مادری.

1. E-mail: pnv1108@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4407-5293>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

TACTICS OF CHARACTERIZATION OF LEO TOLSTOY IN THE DIARIES OF SOPHIA TOLSTAYA

Tokarev Grigoriy Valeriyevich¹

Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia.

Yahyapour Marzieh^{2*}

Professor of Russian Language and Literature,
Faculty of Foreign Languages and Literature, University of Tehran,
Tehran, Iran.

(date of receiving: September 2023; date of acceptance November 2023)

Abstract

The article considers Leo Tolstoy's identification tactics reflected in his wife Sophia's diaries for the period from 1862 to 1900. The aim has been achieved by using methods and techniques of continuous sampling of statements characterizing L. Tolstoy, discursive and pragmatic analysis, and propositional function. The paper establishes that reflections about the husband are the ones of the key topics in Sophia Tolstaya's diary. The analysis of the entries has revealed the following characterization tactics: high positive assessment of her husband's qualities, recognition of his exceptionalism; low assessment of his economic acumen; affirmation of Leo Tolstoy's efficiency, persistence, diligence as a writer, description of him as a man whose words do not meet the actions; as a man indifferent to his wife and family; as a self-serving, selfish, pragmatic man; inconsistent, contradictory, unstable, with rapidly changing moods; as a lover, a male; as an ambitious person. Sophia Andreyevna does not perceive him as a kindred spirit. She believes that she is interesting to her husband as a woman and as a meticulous performer of various tasks.

Keywords: Personality, Characterization, Identification, S.A. Tolstaya, L.N. Tolstoy, Diary.

---

1. E-mail: grig72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

2. E-mail: myahya@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>; ScopusID: 57219025316

* Corresponding author.

ТАКТИКИ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ Л.Н. ТОЛСТОГО В ДНЕВНИКАХ С.А. ТОЛСТОЙ

Токарев Григорий Валериевич¹

Профессор, Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия.

Яхьяпур Марзие^{2*}

Профессор, Кафедра русского языка и литературы, Тегеранский университет,
Тегеран, Иран.

(дата получения: сентябрь 2023 г., дата принятия: ноябрь 2023 г.)

Аннотация

В статье рассмотрены тактики идентификации Л.Н. Толстого, отражённые в дневниках его жены С.А. Толстой за период с 1862 по 1900 годы. Поставленная цель была достигнута путём использования методов и приёмов сплошной выборки характеризующих Л.Н. Толстого высказываний, дискурсивного и прагматического анализа, пропозициоанальной функции. Установлено, что размышления о муже являются одной из ключевых тем дневника С.А. Толстой. В ходе анализа записей были выявлены следующие тактики характеристики: высокая положительная оценка его качеств, признание исключительности мужа; низкая оценка хозяйственной хватки; утверждение работоспособности, упорства, писательского трудолюбия мужа, квалификация его как человека, у которого слово расходится с делом; как равнодушного к жене и семье человека; как человека корыстного, эгоистичного, прагматичного; непоследовательного, противоречивого, неустойчивого, с быстро меняющимся настроением; как любовника, самца; как человека честолюбивого, неравнодушного к славе, к шуму вокруг своего имени, к вниманию со стороны других людей; как человека злого, недоброжелательного. Софья Андреевна не воспринимает его как духовно родственного человека. Она считает, что интересна супругу как женщина и как кропотливая исполнительница разнообразных поручений.

Ключевые слова: Личность, Характеризация, Идентификация, С.А. Толстая, Л.Н. Толстой, Дневник

1. E-mail: grig72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

2. E-mail: myahya@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>; ScopusID: 57219025316

* Ответственный автор.

Введение

Пожалуй, нет человека, знавшего бы лучше Льва Николаевича Толстого, чем его жена, с которой он прожил сорок восемь лет. Что значил для Софьи Андреевны её муж? Кем он для неё был? Конечно, отцом её детей, другом, единственной любовью, наставником... И этот список можно продолжать. Отношения Льва Николаевича и Софьи Андреевны не были простыми и однозначными на протяжении их совместной жизни. Наверное, как у любой пары, они напоминали кривую, отражающую колебания от обиды и холодности до гармонии и страсти. Эти чувства и настроения точно воплощает дневник, который Софья Андреевна вела на протяжении всей своей замужней жизни. Следует заметить, что записи С.А. Толстой представляют большой интерес для толстоведов, поскольку в них отражены многообразные аспекты, связанные с жизнью Толстого и его окружения. Ю.В. Архангельская справедливо замечает: «В сознании наших современников (по крайней мере, в России) прочно закрепилось множество стереотипных представлений о личности великого русского писателя Л.Н. Толстого. Одни из них соответствуют действительности, другие нет. Ясно одно: происходят процессы мифологизации и демифологизации Л. Н. Толстого...». (Архангельская 2017. 56) Дневник С.А. Толстой, без сомнения, выступает своеобразным катализатором данных процессов.

Целью нашего исследования является изучение тактик характеристики Л.Н. Толстого в период с 1862 по 1900-й годы, отражённых в дневнике С.А. Толстой. Поставленная цель была достигнута путём использования следующих методов и приёмов: сплошной выборки высказываний, характеризующих Л.Н. Толстого, дискурсивного и прагматического анализа, пропозициоанальной функции.

М.А. Лаппо под характеристикой предлагает понимать описание качеств и признаков личности (Лаппо 2013. 42) Очевидно, что характеристика

осуществляется с опорой на признаковую грамматическую семантику, которая может быть выражена широким спектром частей речи: существительным, прилагательным, глаголом, наречием, словом состояния. Характеризация тесно связана с оценочностью. Под тактикой характеристики мы понимаем использование пропозиции, в которой дано описание объекта: X – носитель идентифицирующего признака. Она может сопровождаться модальной рамкой, включающей оценку и эмотивность.

Основной темой дневника Софьи Андреевны Толстой является семья. Авторы словаря гендерных терминов отмечают: «...женщинам свойственно следить в первую очередь не за объектами и решением каких-либо задач, а за благополучием людей, составляющих их круг общения...» (Словарь 2002. 64).

Следует отметить, что размышления о муже, отношениях с ним наиболее представлены в записях. Это, по мнению специалистов в области женской психологии, вполне закономерно. М.А. Толстова отмечает: «Мужчина оценивается чаще как муж, человек, занимающий большое место в жизни женщины, поэтому высказывания о нем являются неотъемлемой частью любого женского автобиографического рассказа» (Толстова 2020. 123). Немаловажно, что Софья Андреевна начинает писать дневник, выйдя замуж, и прекращает, потеряв супруга. Дневник, по нашему мнению, был для жены Толстого в том числе и средством воздействия на мужа. Она понимала, что записи будут прочитаны Львом Николаевичем. «Рассказ о невзгодах, неприятностях для женщин является, прежде всего, попыткой получить сочувствие...» (Словарь 2002. 70).

Свою жизнь она воспринимает через призму образа своего спутника, записывая, как она жила ради него, вопреки ему, с ним и без него. Дневник не содержит биографически точной информации о Толстом, однако он проливает свет на него как на обычного человека, не авторитетного писателя, общественного деятеля и т.д. При этом следует обратить внимание, что

представленное освещение личности Льва Николаевича субъективно, дано страстно любящей его женщиной, которая не всегда получала от общения с мужем то, что хотела. Тем самым, характеризующие пропозиции, с одной стороны, отражают восприятие Толстого, с другой – личность воспринимающего. Перейдём к рассмотрению характеризующих пропозиций.

История исследования

Дневники С.А. Толстой не нашли ещё должного научного осмысления. Во многом это связано с незначительным интересом к женскому быденному дискурсу. По словам Я.П. Кравченко, «Место женского дневника в русской литературной науке типично маргинальное. Это объясняется, во-первых, статусом дневника как образования, находящегося между жизнью и литературой, во-вторых, женский автодокументальный текст, как правило, считается сомнительным и малодостоверным» (Кравченко 2002. 82). Отдельные вопросы содержания женского дневника как культурного феномена изучались И.В. Сатиной, С.А. Калугиной (2020), В.И. Гольцовой (2020), А.В. Фроловой, И.Ю. Зая (2021).

Основная часть

Характеризующие записи встречаются уже сразу после свадьбы. Одной из первых является: «...он был мой дневник...» (8.10.1862) (Толстая 2022. 5). Идентификация мужа с опорой на дневник подчёркивает максимальную духовную близость, доверительность, постоянство, непринуждённость отношений. В свой дневник можно записать всё в любое время и не стесняясь никого. Первые характеризующие мужа записи объединяет высокая положительная оценка его качеств, признание его исключительности: «Он счастливый, потому что умён и талантлив. А я – ни то ни другое». (13.11.1862) (Там же. 9) «...он отличный, я гораздо хуже него...» (13.11.1862)

(Там же. 11) *...быть с ним так, как неловко быть со святым...* (11.01.1863)

(Там же. 15). Обращает на себя внимание, что тактика характеристики включает самооценку, сравнение с собой в пользу супруга. В муже Софья Андреевна подчёркивает прежде всего ум и талант.

Однако уже в следующем году Софье Андреевне открываются иные качества мужа. *«Лёва убийственный. Хозяйство вести не может, не на то, брат, создан».* (23.07.1863) (Там же. 28) Как видим, в данной фразе даётся низкая оценка хозяйственной хватки мужа. Причём сама Софья Андреевна показывает себя знающей толк в управлении домом и ожидающей от супруга того же. По всей вероятности, уже в это время Софья Андреевна понимает, на кого ляжет бремя ведения хозяйства. Надо сказать, что за долгие годы супружеской жизни характеристика Льва Николаевича в этом аспекте не изменилась. И через тридцать лет Софья Андреевна посмеивалась над практическими делами мужа. *«Мне всегда смешно, когда он возьмётся за какое практическое дело, как он его делает примитивно, наивно и неловко. Вчера испачкал все салфетки сажеей, спалил себе бороду свечой, и когда я начала её тушить – на меня рассердился».* (11.08.1897) (Там же. 266)

Почти тридцать лет в дневниках нет высказываний, характеризующих мужа. По-видимому, это объясняется тем, что Лев Николаевич отвечал представлениям жены о том, каким должен быть муж. Но с 1891 года характеризующие высказывания появляются всё чаще. Можно заключить, что Толстой не отвечает ожиданиям своей супруги. Она пишет: *«...мне радостно было бы видеть его здоровым – он портит себе желудок самой вредной ... едой. Мне радостно было бы видеть его художником – он пишет проповеди под видом статей. Мне радостно было бы видеть его нежным, участливым, дружным – он грубо чувствен и, помимо этого, равнодушен».* (9.06.1891) (Там же. 172)

Каким же она видит его?

Во-первых, она отмечает работоспособность, упорство, писательское трудолюбие мужа. *«Я не видала человека более упорного в своих диких фантазиях. (18.06.1891) (Там же. 177) Какое у него терпение и трудолюбие... (15.07.1897) (Там же. 248) Какая мощная натура!» (1.08.1897) (Там же. 261)* Однако на этом положительная оценка качеств супруга завершается.

Во-вторых, как человека, у которого слово расходится с делом, а точнее, как человека, который живёт две жизни. Одну – в книгах, жизнь писателя, другую – реальную, жизнь мужа, отца. В понимании Софьи Андреевны, в жизни её мужа должное, которое он сам себе устанавливает, расходится с сущим. Эти выводы подтверждает дневниковая запись: *«...Лёвочка всю жизнь очень хорошо обо всем рассуждает, но ровно ничего (в этой области) не делает». (1.05. 1891) (Там же. 162) «...А мой ещё гораздо, несравненно более талантливый муж! Какое удивительное понимание в его писаниях психологической жизни людей и какое непонимание и равнодушие в жизни самых близких! Меня, детей, людей, друзей он совсем не знает и не понимает». (19.09.1897) (Там же. 284)* В записях, освещающих этот аспект характера Толстого, отражена палитра эмоционального состояния пишущей: от упрёка до иронии.

Во-третьих, Софья Андреевна отмечает равнодушие мужа к себе, детям, дому. *«...Он вообще удивительно безучастен ко всему...» (9.06.1891) (Там же. 171) «...Только строг и равнодушен. А в биографии будут писать, что он за дворника воду возил, и никогда не узнает, что он за жену, чтоб хоть когда-нибудь ей дать отдых, ребёнку своему воды не дал напиться и пяти минут в 32 года не посидел с больным, чтоб дать мне вздохнуть, выспаться, погулять или просто опомниться от трудов... (26.01.1891) (Там же. 214) «...от него благодарности не скоро дождёшься, как ни трудись... (2.08.1897) (Там же.*

262) *Он чувствовал себя счастливым, поработив три женские жизни: двух дочерей и мою. Мы ему писали, ухаживали за ним, заботились усердно об очень сложном и трудном подчас вегетарианском питании, никогда нигде не оставляли его одного.* (4.09.1897) (Там же. 276) В записях чувствуется обида уставшей, одинокой женщины, обделённой вниманием, не получившей благодарности за своё участие и труды. Толстой предстаёт неким деспотом, эксплуатирующим чужую жизнь и труд.

В-четвёртых, в глазах Софьи Андреевны Лев Николаевич корыстный, эгоистичный, прагматичный человек, использующий людей в своих интересах. *«...Через Бетховена я поняла лучше и эгоизм, и равнодушие ко всему Льва Николаевича. Для него тоже мир есть то, что окружает его гений, его творчество; он берёт от всего окружающего только то, что является служебным элементом для его таланта, для его работы. Всё остальное он отбрасывает. От меня, например, он берёт мой труд переписыванья, мою заботу о его физической стороне жизни, моё тело... А вся духовная сторона моей жизни ему совсем не интересна и не нужна – и потому он никогда не вникал в неё. Дочери ему тоже служили, и он ими тогда интересовался; а сыновья ему совершенно чужие. И всё это нам больно, а мир преклоняется перед такими людьми...»* (7.11.1897) (Там же. 301).

В-пятых, Софья Андреевна характеризует мужа как человека непоследовательного, противоречивого, неустойчивого, с быстро меняющимся настроением. *«...Ах, какой странный человек мой муж! После того как у нас была история, на другое утро он страстно объяснялся мне в любви...»* (27.06.1891) (Там же. 184) Как следует из записи, такое поведением Софья Андреевна характеризует как странное. Основания оценки эксплицируют мировоззренческие установки пишущего: я надёжный, предсказуемый. *«...Я часто про себя думаю: как не стыдно Льву Николаевичу всю жизнь проводить в крайних противоречиях...»* (30.01.1899) (Там же. 430).

В-шестых, в глазах Софьи Андреевны Лев Николаевич любовник, самец: *...Муж мой мне не друг; он был временами и особенно к старости мне страстным любовником...* (25.07.1897) (Там же. 256). Данная запись отражает восприятие отношений между супругами, которые, по мнению Софьи Андреевны, основывались прежде всего на физическом влечении. Друг – человек, которому можно доверить сокровенные мысли, с кем можно поделиться болью. Дружба предполагает духовное общение, духовную близость. В этой характеристике Софья Андреевна отказывает своему мужу.

В-седьмых, Софья Андреевна характеризует мужа как человека честолюбивого, равнодушного к славе, к шуму вокруг своего имени, к вниманию со стороны других людей. *«...и всё ему хочется шума, гласности, риска. А не верю я его доброте и человеколюбию. Знаю я источник всей его деятельности. Слава и слава ненасытная, безграничная, лихорадочная. Как поверить любви, когда Лев Николаевич своих детей, своих внуков – всех своих не любит, а так вдруг полюбил молоканских и духоборческих детей!»* (22.09.1897) (Там же. 284), *«...Сколько он всегда суеты вносит в жизнь и сам того не замечает...»* (25.01.1899) (Там же. 429) *...Лев Николаевич стал любить свою знаменитость...* (8.01.1899) (Там же. 424).

В-восьмых, Толстой оценивается супругой как человек злой, недоброжелательный. *...несколько раз поминали Сергея Ивановича и с таким же уважением и любовью, как и все к нему относятся, кроме моего свирепого мужа...* (1.01.1897) (Там же. 323).

Опираясь на классификацию женского мировоззрения, предложенную Г.А. Абдуллаевой, можно допустить, что С.А. Толстая обладала «эгоцентрической нравственной ориентацией» (Абдуллаева 2021. 186).

Заключение

На протяжении совместной жизни характеристика С.А. Толстой своего супруга меняется. За исключением высокой оценки писательского таланта

трудолюбия, Софья Андреевна характеризует своего мужа в негативном ключе. Причём, и единственный положительный аспект в личности супруга тоже условен, поскольку жена обвиняет его в двуличности, расхождении писательской позиции и реальных поступков. Толстой не приспособленный к жизни, равнодушный, корыстный, эгоистичный, честолюбивый, недоброжелательный человек. Софья Андреевна не воспринимает его как духовно родственного человека. Она считает, что интересна супругу как женщина и как кропотливая исполнительница разнообразных поручений. Проанализированные характеризующие высказывания отражают рефлексии женщины на доминирование мужчины, обиду на холодность со стороны мужа, разочарование от ожиданий, понимание несоответствия идеала и реального человека. Выделенные аспекты характеристики Льва Николаевича как супруга позволяют реконструировать представления Софьи Андреевны об идеальном муже: он должен быть внимательным к жене и детям, семья должна быть для него приоритетной ценностью, он должен быть доброжелательным ко всем.

Литература

- 1- Архангельская Ю.В. (2017). *Стереотипные представления о Л.Н. Толстом и их отражение в современной русской фразеологии* // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С.56-59.
- 2- Абдуллаева Г.А. (2021). *Нравственность как фактор формирования представлений об идеальном муже у девушек* // Весенние психолого-педагогические чтения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти почётного профессора АГУ А.В. Буровой. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». С. 183-186.
- 3- Гольцова В.И. (2020). *Представление о «новой женщине» в женских дневниках первой четверти XX века* // Горизонты гуманитарного знания. № 4. С. 89-97.
- 4- Кравченко Я.П. (2002). *Дневник С.И. Смирновой-Сазоновой как пример женской стратегии самопрезентации* // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. № 4. С. 82-86.

- 5- Лаппо М.А. (2013). *Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы*. —Новосибирск: НГПУ. 180 с.
- 6- Сатина И.В., Калугина С.А. (2020). *Философия и искусство женского дневника: диалогичность времени и чувств* // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве. Сборник научных статей по итогам VII Международной научно-практической конференции. —Воронеж: Плакат. С.337-341.
- 7- *Словарь гендерных терминов* (2002). —М.: «Информация – XXI век». – 256 с.
- 8- Толстая С.А. (2022). *Дневники 1862-1910*. —М.: Захаров. 704 с.
- 9- Толстова М.А. (2020). *Вербализация представлений о мужчине в женском автобиографическом рассказе* // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (210). С. 117-125
- 10- Фролова А.В., Зая И.Ю. (2021). *К истории изучения женских дневников XX века: историографические очерки* // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Кишинёв: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. С.28-32.

Bibliography

- 1- Arhangel'skaja Ju.V. (2017). *Stereotipnye predstavlenija o L.N. Tolstom i ih otrazhenie v sovremennoj russkoj frazeologii* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota. № 11(77): v 3-h ch. Ch. 3. S.56-59.
- 2- Abdullaeva G.A. (2021). *Nravstvennost' kak faktor formirovanija predstavlenij ob ideal'nom muzhe u devushek* // Vesennie psihologo-pedagogicheskie chtenija. Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhjonnoj pamjati pochjotnogo professora AGU A.V. Burovoj. —Astrahan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet». S. 183-186.
- 3- Gol'cova V.I. (2020). *Predstavlenie o «novoj zhenshhine» v zhenskih dnevnikaх первой chetverti XX veka* // Gorizonty gumanitarnogo znanija. № 4. S. 89-97.
- 4- Kravchenko Ja.P. (2002). *Dnevnik S.I. Smirnovoj-Sazonovoj kak primer zhenskoj strategii samoprezentacii* // Visnik Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. Filologichni nauki. № 4. S. 82-86.
- 5- Lappo M.A. (2013). *Samoidentifikacija: semantika, pragmatika, jazykovye resursy*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU. 180 s.

- 6- Satina I.V., Kalugina S.A. (2020). *Filosofija i iskusstvo zhenskogo dnevnika: dialogichnost' vremeni i chuvstv* // *Sovremennoe obshhestvo: aktual'nye problemy i perspektivy razvitija v sociokul'turnom prostranstve*. Sbornik nauchnyh statej po itogam VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. —Voronezh: Plakat. S.337-341.
  - 7- *Slovar' gendernyh terminov* (2002). M.: «Informacija – XXI vek». – 256 s.
  - 8- Tolstaja S.A. (2022). *Dnevniky 1862-1910*. —M.: Zaharov. 704 s.
  - 9- Tolstova M.A. (2020). *Verbalizacija predstavlenij o muzhchine v zhenskom avtobiograficheskom rasskaze* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. № 4 (210). S. 117-125
- Frolova A.V., Zaja I.Ju. (2021). *K istorii izuchenija zhenskih dnevnikov XX veka: istoriograficheskij ocherk* // *Zhenskaja istorija segodnja: istochnikovedenie, istoriografija, novye metodologicheskie podhody*. Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IJeA RAN. Kishinjov: Institut jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja. S.28-32.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Tokarev Grigoriy Valeriyevich, Yahyapour Marzieh (2024). TACTICS OF CHARACTERIZATION OF LEO TOLSTOY IN THE DIARIES OF SOPHIA TOLSTAYA. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 93-105.

DOI: 10.61186/iarll.23.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/303>

راهکنش‌های شخصیت‌پردازی لف تالستوی در دفتر یادداشت‌های روزانه سوفیا

تالستایا

گریگوری والرئو یویچ توکارف^۱

استاد زبان روسی دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،
تولا، روسیه.

مرضیه یحیی پور^{*۲}

استاد گروه زبان و ادبیات روسی، دانشکده زبان‌ها و ادبیات خارجی، دانشگاه تهران،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۳)

چکیده

راهکنش‌های شناختن لف تالستوی بر اساس مطالب نوشته شده در دفتر یادداشت‌های روزانه همسرش، سوفیا آندره‌یونا تالستایا طی دوره ۱۸۶۲ تا ۱۹۰۰، در مقاله مورد بحث و بررسی قرار می‌گیرد. با استفاده از شیوه‌ها و راهکنش‌های نمونه‌گیری مستمر از اظهارات سوفیا تالستایا که توصیف‌کننده ل.ن. تالستوی است، هدف تعیین شده با ابزار تجزیه و تحلیل گفتاری و عملی، عملکرد فعلی به دست آمده است. پیداست که تأملات درباره همسر یکی از موضوعات کلیدی در دفتر یادداشت‌های روزانه سوفیا تالستایا است. در طول تجزیه و تحلیل یادداشت‌ها، راهکنش‌های توصیفی زیر آشکار گردیدند: ارزیابی بالا و مثبت از ویژگی‌های لف تالستوی؛ اذعان به منحصر بفرد بودن نویسنده؛ ارزیابی پایین از هوش اقتصادی وی؛ تأکید بر کارایی، پشتکار و سخت‌کوشی وی در نویسندگی؛ توصیف لف تالستوی به عنوان فردی که سخنانش در تضاد با اعمالش است؛ فردی که نسبت به همسر و خانواده‌اش بی‌تفاوت است؛ سوفیا تالستایا همچنین نویسنده را به عنوان فردی خودخواه، متکبر و عمل‌گرا. ناسازگار، متناقض، ناپایدار، با خلق و خوی به سرعت در حال تغییر معرفی می‌کند. به عنوان یک عاشق، یک مرد توصیف شده است؛ همین‌طور به عنوان فردی جاه‌طلب که نسبت به شهرت، هیاهوی اطراف نام خود، توجه دیگران نسبت به خود بی‌تفاوت نیست و فردی شرور و نامهربان است. سوفیا آندره‌یونا او را به عنوان فردی نزدیک از نظر معنوی به خود درک نمی‌کند. معتقد است که به عنوان یک زن و به عنوان یک مجری سخت‌کوش در انجام تکالیف گوناگون برای همسرش جالب توجه است.

واژگان کلیدی: شخصیت، شخصیت‌پردازی، شناخت، سوفیا تالستایا، لف تالستوی، دفتر یادداشت‌های روزانه.

1. E-mail: grig72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

2. E-mail: myahya@ut.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8195-6909>; ScopusID: 57219025316

* نویسنده مسئول؛ نوع مقاله: علمی- پژوهشی

ADDRESSES IN THE SOLEMN ODES OF M.V. LOMONOSOV AS ORATORICAL FORMS OF SPEECH

Burtsev Vladimir Anatolyevich^{1*}

Associate Professor, I.A. Bunin Yelets State University,
Yelets, Russia.

(date of receiving:, October 2023; date of acceptance: December 2023)

Abstract

The subject of the article is the category of treatment in the Rhetoric and solemn odes of M.V. Lomonosov. The task was to show that the category of address in Lomonosov's odes is used in accordance with its rhetorical codification in Lomonosov's textbooks of rhetoric: as a subjective form of speech designed to express the author's attitude to the subject of speech, and as a means of rhetorical decoration, contributing to the achievement of a pragmatic goal – to influence the addressee. The article describes Lomonosov's interpretation of the category of treatment against the background of the previous rhetorical tradition, gives a general description of the use of lexical classes of nouns in the role of treatment. The use of the most frequent words in the vocative function is analyzed – *Muse, Russia, God*. For the purpose of comparison, the use of common non-personal names in the role of odic addresses is studied. It is demonstrated that the semantics of the address is necessarily filled with meaning coming from the panegyric context. The lexical spheres (figurative and metaphorical synonyms) assigned to the studied vocatives in the odes are also revealed. The conclusions made confirm the assumption that Lomonosov's linguistic practice is the embodiment of his philological views.

Keywords: M.V. Lomonosov, Solemn Odes, Address, Rhetoric, Rhetorical Figures.

---

1. E-mail: ivburcev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7987-8518> * Corresponding author

ОБРАЩЕНИЯ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ ОДАХ М.В. ЛОМОНОСОВА КАК ОРАТОРСКИЕ ФОРМЫ РЕЧИ

Бурцев Владимир Анатольевич^{1*}

Доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,

Елец, Россия.

(дата получения: октябрь 2023 г.; дата принятия: декабрь 2023 г.)

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является категория обращения в Риториках и торжественных одах М.В. Ломоносова. Ставилась задача показать, что категория обращения в одах Ломоносова используется в соответствии с ее риторической кодификацией в ломоносовских учебниках риторики: как субъектная форма речи, призванная выразить авторское отношение к предмету речи, и как средство риторического украшения, способствующее достижению прагматической цели – оказать воздействие на адресата. В статье описывается ломоносовская интерпретация категории обращения на фоне предшествующей риторической традиции, дается общая характеристика употребления лексических классов существительных в роли обращения. Анализируется употребление наиболее частотных в вокативной функции слов – *Муза, Россия, Боже*. В целях сравнения изучается употребление нарицательных неличных имен в роли одических обращений. Продемонстрировано, что семантика обращения обязательно наполняется смыслом, идущим от панегирического контекста. Выявлены также лексические сферы (образно-метафорические синонимы), закрепляемые в одах за исследованными вокативами. Сделанные выводы подтверждают предположение о том, что языковая практика Ломоносова является воплощением его филологических взглядов.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Торжественные Оды, Обращение, Риторика, Риторические Фигуры.

---

1. E-mail: ivburcev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7987-8518> * Ответственный автор

Введение

В литературе неоднократно отмечалось, что в торжественных одах Ломоносова отбор языковых средств опирается на риторiku (Виноградов 1955. 6; Бурцев 1993.11; Живов 2017. 1057; Гуковский 1928; Серман 1966; Тынянов 1977). Однако вопрос об особенностях реализации его риторической программы в одах, особенно в отношении использования отдельных риторических фигур, недостаточно изучен. Необходимость изучения риторического аспекта одических произведений Ломоносова определяет актуальность настоящей работы. Предмет рассмотрения статьи – категория обращения в Риториках и торжественных одах Ломоносова. В одах Ломоносова обращение обладает стопроцентной продуктивностью, т.е. нет ни одного одического произведения, в котором обращение бы отсутствовало. Продуктивность обращений в одах Ломоносова служит обоснованием их выбора в качестве предмета исследования данной работы.

В статье ставится задача показать, что категория обращения в одах Ломоносова используется в соответствии с ее риторической кодификацией в ломоносовских учебниках риторики: как субъектная форма речи, призванная выразить авторское отношение к предмету речи, и как средство риторического украшения, способствующее достижению прагматической цели – оказать воздействие на адресата. В существующих исследованиях филологического наследия Ломоносова обращение охарактеризовано только как риторический термин в рамках лексикографического описания риторической терминологии Ломоносова (Филологическое ... 2013). Мы делаем попытку использовать положения, кодифицированные в риториках Ломоносова, как конкретные критерии для выявления особенностей употребления обращений в одах. Такой подход к анализу категории обращения в торжественных одах Ломоносова определяет новизну данной работы.

В разделе 1 приводится ломоносовская интерпретация категории обращения на фоне предшествующей риторической традиции. В разделах 2-4

описываются наиболее частотные в вокативной функции слова – *Муза, Россия, Боже*. В разделе 5 с целью сравнения анализируются нарицательные имена в роли одических обращений.

Основная часть

1. Обращение в риториках М.В. Ломоносова. Характеристика обращения как риторической фигуры дана Ломоносовым в обеих его риториках: «Кратком руководстве к риторике» (Ломоносов 1952а)¹ и «Кратком руководстве к красноречию» (Ломоносов 1952б)². Сведения об обращении даются в тех частях, где рассматриваются средства украшения речи. Средства украшения в риториках – это тропы и фигуры. Ломоносов не отступает от традиции и помещает обращение в номенклатуру фигур предложения. Кроме фигур предложения, Ломоносов также традиционно выделяет еще один тип фигур – фигуры речений. Содержание этих понятий в Риториках не определено. Кроме того, дефиниции обращения, которые даны Ломоносовым, недостаточно информативны для того, чтобы только на их основе сделать определенные выводы относительно понимания Ломоносовым формальных и экспрессивных особенностей обращения как риторической фигуры. Ср.: «Отвращение есть отнесение речи от предложенной материи к другой вещи, животной или бездушной, во втором лице глагола» (Риторика 1744. § 100). «Обращение есть когда слово обращаем к другому лицу, подлинному или вымышленному, от того, которого само настоящее слово требует (Риторика 1748. § 216). Поэтому в нижеследующем описании мы кратко покажем, из каких положений исходили в данной работе, интерпретируя категорию обращения в Риториках Ломоносова. Учитывая истоки, природу жанра

---

1. Далее – (Риторика 1744).

2. Далее – (Риторика 1748).

(сходство формулировок и примеров) и степень изученности риторических трактатов, мы рассматривали положения ломоносовских риторик в свете античной номенклатуры риторических фигур. В качестве источника сведений по античной риторике использовали статью М.Л. Гаспарова (Гаспаров 1991), в которой элокутивная часть античной риторики представлена согласно этой традиции – систематически.

М.Л. Гаспаров пишет: «Фигурами ... назывались в античной словесности все выражения, отступавшие от той неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью (Гаспаров 1991. 41). С грамматической точки зрения фигурами являлись сочетания слов. В античных риториках фигуры делились на фигуры мысли и фигуры слова. Как отмечено в (Гаспаров 1991), «если с изменением этих сочетаний слов менялся и смысл, то перед нами фигура мысли, если нет – фигура слова. Фигуры мысли были средством выделить именно данную излагаемую мысль, фигуры слова – просто привлечь внимание к данному месту в речи» (Гаспаров 1991. 41).

Среди фигур мысли выделялось четыре группы: 1) уточняющие позицию оратора; 2) уточняющие смысл предмета; 3) уточняющие отношение к предмету; 4) уточняющие контакт со слушателями. «Фигуры, уточняющие контакт со слушателями, могли быть двух видов: обращением и вопросом. Обращение могло быть а) мольбою, т.е. униженностью перед публикой; б) упреком, «свободоречием», т.е. заносчивостью перед публикой; в) «отвлечением», т.е. обращением не к публике, а в сторону...» (Гаспаров 1991. 42). Исходя из этого описания, можно полагать, что в античных риториках основными функциями обращения считались контактная, экспрессивная и прагматическая. Как представляется, в риторических руководствах Ломоносова обращение как «фигура предложения» дополнительно наделялось также эстетической функцией, поскольку характеризовалось как средство украшения речи, способное доставить слушателю эстетическое наслаждение.

По нашему мнению, этот вывод следует из такого замечания Ломоносова: «Сея великолепныя, сильныя и слово оживляющия фигуры довольно есть примеров у великих ораторов и стихотворцев» (Риторика 1748. § 216).

Ломоносов не отстает от античной традиции и в определении прагматического потенциала обращения: «Сею фигурою можно советовать, засвидетельствовать, обещать, грозить, хвалить, насмехаться, утешать, желать, прощаться, сожалеть, повелевать, запрещать, прощения просить, оплакивать, жаловаться, просить, поздравлять и проч., к кому слово от предложенной материи обращается, например, обращение повелительное:

Исполнил бог свои советы

С желанием Елисаветы:

Красуйся светло, росский род» (Риторика 1748. § 217).

Таким образом, исходя из кратко представленного диахронического риторического контекста, можно, очевидно, интерпретировать категорию обращения в Риториках Ломоносова следующим образом: 1) средство выделения данной мысли в тексте; 2) средство украшения речи; 3) средство воздействия на адресата.

2. Употребление в одах лексемы-обращения «Муза». Оды не только создавались с прагматическими целями, но и являли собой образцы высокого красноречия, поэтического искусства, поэтому традиционным здесь было обращение к Музе. Первым словарем, зафиксировавшим слово «муза» в русском языке, был «Российский с немецким и французскими переводами словарь» Ивана Нордстета (Нордстет 1780). Однако, как отмечено в (Сазонова 1987), слово «муза» активно используется в русской панегирической литературе гораздо раньше, уже с конца XVII в. В частности, примерами употребления данного слова как поэтической метафоры изобилует «Орел российский» Симеона Полоцкого. Обращение к «красным музам» включали в

свои произведения известные писатели конца XVII – начала XVIII в. Карион Истомин и Анастасий Михайлов. К первой половине XVIII в. это слово прочно входит в состав поэтической лексики в значении: «Одна из девяти богинь, покровительница искусств и наук; источник поэтического вдохновения» (Словарь 1950. 1350). Приведем вначале примеры подобного употребления данного слова стихотворениях поэтов XVIII в.

(1)

Тебе поют гусли, кимвалы,

Тебе славят трубы громогласны.

Воспой самодержицу, воспой, муза, Анну!

(В.К. Тредиаковский. «Стихи всемиловитвейшей государыне императрице самодержице всероссийской Анне Иоановне по слову похвальном»).

(2)

Посеянные им, возрастайте, вы,

Науки, на брегах чистых вод Невы,

Труды Петровы, процветайте,

Музы, на севере обитайте.

(А.П. Сумароков. «Ода горацианская»).

(3)

Ты, Муза! С самых древних веков

Великих, сильных человеков

Всегда умела поласкать.

(Г.Р. Державин. «Решемыслу»).

Приведем ломоносовские примеры.

(4)

Однако дух еще стремится,

Еще кипит сердечный жар,

И ревность умолчать стыдится:

О Муза, усугубь свой дар,

Гласи со мной в концы земныя,

Коль ныне радостна Россия!

(Ода 1748, с. 221)¹.

(5)

Ты, муза, лиру прими

И, чтоб слышала вселенна,

Коль жизнь наукам здесь блаженна,

Возникни, вознесись, греми.

(Ода 1750, с. 395).

В работе (Сазонова 1987) предлагается следующий вывод, который представляется нам убедительным, относительно аллегорического образа Музы. По мнению Л.И. Сазоновой, «постоянный топос панегириков и од – мотив невыразимого: поэты любят говорить о своем неумении выразить всю силу лирического чувства, которое они испытывают по отношению к воспеваемым им героям и событиям. И тогда в помощники своей лире они призывают великих поэтов античности, муз и Аполлона» (Сазонова 1987. 121).

3. Употребление в одах лексемы-обращения «Россия». В XVIII в. в художественных текстах усилился процесс функционирования патриотической лексики. Это было обусловлено факторами исторического порядка: провозглашение России империей, ее соперничество с геополитическими соседями, развитие торговли, финансов и промышленности и др. В функции обращения из круга патриотической лексики наиболее часто использовалось в одах собственное имя «Россия».

---

1. Здесь и далее стихотворения Ломоносова цитируются по: (Ломоносов 1959). При ссылках сообщаются год публикации оды и номера страниц из цитируемого источника, например: (Ода 1748. 220).

(6)

Воздвигнися в сей день, Россия. И очи окрест возведи;

К тебе гласят концы земныя;

«меж нами распри ты суди

Елисаветиною державой».

(Ода 1759. 665).

(7)

Россия, что тебя за весел дух живит?

Как можешь рада быть? Европа вся скорбит:

Тебе грозит раздор, лукавство сети ставит,

Предерский полк землей и небом правит,

Что мыслью в твой предел уже давно вступил,

Пограбил все места, твое добро сглотил.

(Венчанная надежда Российской Империи 1742. 69).

В одах возможна эквивалентная замена слова «Россия» на гипероним «страна» с определениями: *страна благословенна, российская страна.*

(8)

Ликуй, страна благословенна,

Всевышняго обетам верь;

Пребудешь оным покровенна,

Его щедротой счастье мерь;

Взирай на нивы изобильны,

Взирай в полки велики, сильны,

И на размноженный народ.

(Ода 1757. 637).

(9)

Державы свояя весною

К довольству, славе и покою

Обильно сыплет семена,

Печется, ограждает, греет.

О коль богатый плод поспеет

В тебе, Российская страна.

(Ода 1764. 788).

Легко заметить, что в приведенных выше примерах тип стихов – панегирический. Именно поэтому везде повторяется неизменный одический мотив: неразрывность деяний бога и заслуг монарха с величием государства. Создается традиционная ассоциативная цепочка: «бог – монарх – Россия», между членами которой наблюдается своеобразное уподобление, выравнивание масштабов по охвату диапазона действительности. Бог венчает монарха на царство на земле. Россия – страна, управляемая божьим помазанником. Об этом писал Д.Д. Благой: «Рядом с этим отвлеченным образом (монархии. – Б.В.) в одах Ломоносова постоянно присутствует другой, не менее могучий женский образ «возлюбленной матери» – России... В творческом сознании Ломоносова ... эти образы произвольно сливаются ... Россию Ломоносов рисует в облике державной владычицы, облеченной в порфиру и венец с царственным скипетром в руках» (Благой 1960. 195).

Направленность на панегирическую окраску формального адресата оды имеют также императивные призывы к реалиям окружающего мира. Адресаты обращений – волны, горы, леса, реки – ориентированы на символическое описание необъятных просторов России. Такие обращения являются, как правило, основой клише аллегорического одического пейзажа, порождающего ряд ассоциаций. С одной стороны, «тематизм», сопровождающийся

хронологическим подтекстом, который определяет «поведение» природы или военные успехи России, дела Петра Великого, царствующих монархов; с другой – «на троне женщина, верноподданность сливается поэтому с куртуазностью, с легкой влюбленностью, с пасторальными чувствами, ее воцарение – весна ...» (Пумпянский 1983. 315). Примеры «тематизма» и «куртуазности» соответственно в (10) и (11).

(10)

*Ликуйте, сонмы многих вод,
Рифейских гор верьхи неплодны,
Одейтесь в нежный цвет лилей;
Пустыни и поля безводны,
Излейте чистый ток ключей.*

(Ода 1745. 128).

(11)

*Но холмы и древа скачите,
Ликуйте, множества озер,
Руками, реки, восплещите,
Петрополь буди вам пример:
Елисавета к вам приходит,
Отраду с тишиной приводит;
Любя вселенная покой,
Уже простертой вам рукой
Дарует мирные оливы,
Щадить велит луга и нивы.*

(Ода 1742. 93).

4. Употребление в одах лексемы-обращения «Боже». Одной из этико-эстетических граней философско-религиозной картины мира Ломоносова

являлась идея постижения истины на пути хвалы и безграничного почитания Создателя этой истины (см., например: (Бухаркин 2011)). Ломоносов обращается к Богу в различных ситуациях: с просьбой о мире, милостях, от имени России, россиян и от своего собственного. Употребление церковнославянской формы «Боже» создавало атмосферу изображаемой среды, будучи стилистически и семантико-синтаксически соотнесено с регулярными в подобных контекстах словосочетаниями типа *пролить щедроты, пролить любовь* и т.п.

(12)

*О Боже! Мира Бог, возстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной Твоей.*

(Ода 1759. 656).

(13)

*Твои щедроты, Боже, знаю,
Что пролил ты во мне пред сим.
Твоей Главу покрой рукою,
Котору ты мне дал к покою,
К веселью людям всем твоим.*

(Ода 1741.41).

Лексико-фразеологический ряд воплощений денотата «бог» в одах Ломоносова отражает широкое синонимическое варьирование слов и выражений, связанных единством семантической доминанты «всесильный». Ср. перифразы: *правитель царств, небес зиждитель, творец и царь небес, источник лет, источник добра, веков отец* и др.

(14)

*Но Бог, смотря в концы вселенны,
В полночный край свой взор вперил,
Взглянул в Россию кротким оком
И, видя в мраке ту глубокою,
Со власть рек: «Да будет свет».
И бысть! О твари Обладатель!
Ты паки света нам Создатель,
Что взвел на трон Елисавет.*

(Ода 1746. 140).

(15)

*Творец и Царь небес безмерных,
Источник лет, веков Отец,
Услыши глас Россиян верных
И чисту искренность сердец!*

(Ода 1743, с. 109).

Обращение к Богу в этих текстах, с одной стороны, облегчало мотивацию панегирической тематики по отношению к монархам, с другой – косвенно возвеличивало и самого поэта, погруженного в осознание гражданского долга.

Следует отметить и преобладание в одах определенной грамматической формы образных номинаций Бога, а именно предпочтение метафоры генитивного типа каким-либо другим конструкциям (см. приведенный выше ряд генитивных словосочетаний – *источник лет, веков отец* и др.). Данный тип синтаксического построения расценивался в традиционных грамматиках как стилистически маркированный коннотацией «высокое». Например, Ф.И. Буслаев писал: «Эпитет, выраженный только одним существительным в родит. падеже без определения принадлежит речи книжной и слогу витиеватому»

(Буслаев 1959. 460). Ср. в текстах XIX в.: *вождь мудрости* (Батюшков К. «Отрывок из 1 песни «освобождения Иерусалима»), *дева красоты* (Жуковский В. «Певец во стане русских воинов»), *ангел красоты и и нежности* (Жихарев С. «Записки современника»).

Наиболее частотно обращение к Богу в духовных одах, которые сам Ломоносов называл «парафрастическими одами» и в которых он должен был частично сохранить и словоупотребление, характерное для подлинника (псалма), а не только передать точный смысл поэтических произведений, входящих в Псалтирь. Ср. в псалме 70: «Боже мой, избави мя от руки грешнаго»; «Боже мой, не удалися от мене»; Боже мой, в помощь мою вонми»; «Боже мой, имже научил мя еси от юности моя» и т.п. В преложении псалма 70 Ломоносовым: «Во время старости глубокой, О боже мой, не отступи»; «О боже мой, не удалися, Покрой меня рукой своей»; «Тобою, боже я наставлен хвалить тебя от юных лет» и др.

5. Стилистически нейтральные русские слова в позиции обращения. В одах в этой роли выступают нарицательные имена существительные типа *ветер, горы, звуки, ветвь* и под.

(15)

*И вы, о горды пирамиды,
Чем Нильский берег отягощен,
Хотя бы чувства вы имели
И чудный труд лет малых зрели,
Вам не было бы тяжело то,
Что строены вы целы веки:
Вас созидали человеки,
Здесь созидает божество*
(Ода 1751. 399).

(16)

Всегдашним льдом покрыты волны,

Скачите нынь, веселья полны,

В брегах чините весел шум.

(Ода 1741. 34).

Очевидно, что в функции обращения неличные имена персонифицируются, реализуя тем самым дополнительные образные семы. Согласно ломоносовской риторической программе создание ораторской речи невозможно без употребления в тексте тропов. Об их роли в создании украшенной и, следовательно, убедительной речи ученый писал следующее: «Великолепием украшается слово чрез пренесение речений или предложений от собственного именованья к другому, которые (пренесения) у греков называются тропами и разделяются на тропы речений и предложений» (Риторика 1748. § 167). Очевидно, ломоносовский термин «великолепие» квалифицирует не стилистическое, а эстетическое (переносное метафорическое и метонимическое) значения. Следует заметить, что слова с эстетическим значением играют ведущую роль в поэтических текстах любой литературной эпохи: классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма. Что касается произведений Ломоносова, то, по словам И.З. Сермана, Ломоносов «сделал метафору и метафоризацию основным поэтическим принципом стиля» (Серман 1966. 103). Вторичная номинация связывается поэтами XVIII в. с высоким, украшенным слогом, с величественными и прекрасными понятиями, поэтому лексической основой метафоры и метонимии должны быть слова с коннотативной семой «высокое». Ср.: «златовидный солнца луч» – о взгляде Анны Иоановны, «светило дня» – о солнце, «блистающий предел» – о небе. В качестве тропов могли также употребляться нейтральные лексемы, но не слова, содержащие семы «сниженное» или «фамильярное». Вне тропеических

обозначений Ломоносов иногда отступает от норм высокого стиля, употребляя в одах слова живой разговорной и даже диалектной речи (*лыва, нынь, вал* и т.п.). Современники Ломоносова, в частности А.П. Сумароков относили к нарушению норм высокого стиля частое употребление поэтом слов «руки», «ноги» в составе метафор: «Крутит главой, звучит браздами И топчет бурными ногами», «Брега Невы руками плещут». В позиции обращения Ломоносов также использовал не свойственные высокому стилю слова. Например, в тексте оды 1741 г. употребляется уменьшительное существительное «ножки».

(17)

Вы, ножки, что лобзать желают

Давно уста высоких лиц,

Подданства знаки вам являют

Языки многи, павши ниц,

В Петров и Аннин след вступите,

Противных дерзость всех стопчите.

(Ода 1741. 36).

Расхождение стилистических характеристик этого слова с основным церковнославянским составом строфы (*лобзать, уста, подданства, дерзость* и др.) очевидно. Однако такое употребление мотивировано как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Во-первых, тем, что ода посвящена малолетнему Иоанну III. Во-вторых, тем, что стилевое противопоставление церковнославянских и русских слов уже не было таким актуальным к сер. XVIII в., т.е. не нарушало закономерностей создания высокого стиля (Колесов 2004. 427). Как отмечает В.В. Колесов, гораздо резче противопоставляются в этот период «живое русское» и «высокое архаическое» (включая славянизмы разного рода) (Колесов 2004. 427). В-третьих, как представляется, обращения такого типа проявляют одно из характерных для

обращений художественной речи экспрессивное свойство – они играют роль собственно называния, представления предмета речи. Данная функция описана в (Русская грамматика 1980. 166). Мы не говорим о полном тождестве описанных типов обращений в одах с примерами из (Русская грамматика 1980), но существенные схожие признаки, с нашей точки зрения, есть. Это то, что в одах обращение составляет отдельную и законченную часть поэтического текста, и то, что обращение ослабляет связь с конкретным адресатом речи: в качестве которого в примере (17) выступает младенец. Исходя из предложенных аргументов, обращения рассмотренного типа мы характеризуем как свойственные высокому стилю риторические приемы украшения речи.

Заключение

Мы рассмотрели примеры употребления лексем-обращений в торжественных одах М.В. Ломоносова и предложили лингво-риторическое описание этих языковых средств в рамках риторической теории украшенной речи Ломоносова. Были проанализированы некоторые частотные лексемы в вокативной функции: *Муза*, *Россия*, *Боже*, а также нарицательные неличные имена. Мы показали, что категория обращения в одах Ломоносова является продуктивным элементом поэтической ораторской речи. Показано, что в одах обращения служат, во-первых, средствами выразить авторское отношение к предмету речи, во-вторых, приемами риторического украшения, и в этом качестве – средствами воздействия на адресата оды. Продемонстрировано, что семантика обращения обязательно наполняется смыслом, идущим от панегирического контекста. Выявлены также лексические сферы (образно-метафорические синонимы), закрепляемые в одах за исследованными вокативами. Сделанные выводы подтверждают предположение о том, что языковая практика Ломоносова является воплощением его филологических взглядов.

Литература

- 1- Благый Д.Д. (1960). *История русской литературы XVIII века*: Учебник для ун-ов и пед. ин-тов. Изд. 4-е, пересмотр. М.: Учпедгиз, 582 с.
- 2- Бурцев В.А. (1993). *Синтаксические средства речевого воздействия на адресата в теории и литературной практике М.В. Ломоносова*: дисс. ...канд. филол. наук. СПб, 218 с.
- 3- Буслаев Ф.И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. М.: Учпедгиз, 623 с.
- 4- Бухаркин П.Е. (2011). *Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание* // Христианское чтение. № 3. С. 6-18.
- 5- Виноградов В.В. (1955). *Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы* // Вопросы языкознания. № 4. С. 3-34.
- 6- Гаспаров М.Л. (1991). *Античная риторика как система* // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, с. 27-59.
- 7- Гуковский Г.А. (1928). *К вопросу о русском классицизме* // Поэтика: Временник отд. словесных искусств Гос. Ин-та истории искусств. Л.: Academia. Вып. IV. С. 126-148.
- 8- Живов В. М. (2017). *История языка русской письменности*: В 2 т. Том II. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 480 с.
- 9- Колесов В. В. (2004). *Слово и дело: Из истории русских слов*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 703 с.
- 10- Ломоносов М. В. (1959). *Поэзия. Ораторская проза. Надписи*. // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732—1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- 11- Ломоносов М.В. (1952а). *Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия* // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950 – 1983. Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, С. 19 – 80.
- 12- Ломоносов М.В. (1952б). *Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоого красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки* // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950 – 1983. Т. 7: Труды по филологии 1739 – 1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, С. 89 – 378.
- 13- Нордстет И. (1780). *Российский с немецким и французским переводами словарь, сочиненный надворным советником Иваном Нордстетом*. СПб.

- 14- Пумпянский Л.В. (1982). *К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова)* // Контекст – 1982: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, с. 303-331.
- 15- *Риторика М. В. Ломоносова* (2017) / П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, А. А. Ветушко-Калевич., Н. В. Карева, К. Н. Лемешев, Е. М. Матвеев, К. М. Номоконова, А. Н. Семихина, А. С. Смирнова, К. Ю. Тверьянович, А. К. Филиппов, М. Г. Шарихина / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 632 с.
- 16- *Русская грамматика* (1980): В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 709 с.
- 17- Сазонова Л. И. (1987). *От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература* /Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: Наука, с. 103-126.
- 18- Серман И.З. (1966). *Поэтический стиль Ломоносова*. М.-Л.: Наука, 259 с.
- 19- *Словарь современного русского литературного языка* (1950) / Под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, т. 1.
- 20- Тынянов Ю.Н. (1977). Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, с. 227—252.
- 21- *Филологическое наследие М.В. Ломоносова*. (2013). СПб.: Нестор-История, 2013. 480 с.

Bibliography

- 1- Blagoj D.D. (1960). *Istoriya russoj literatury` XVIII veka: Uchebnik dlya un-ov i ped. in-tov. Izd. 4-e, peresmotr.* М.: Uchpedgiz, 582 s.
- 2- Burcev V.A. (1993). *Sintaksicheskie sredstva rechevogo vozdejstviya na adresata v teorii i literaturnoj praktike M.V. Lomonosova: diss. ...kand. filol. nauk.* SPb, 218 s.
- 3- Buslaev F.I. (1959). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazy`ka.* М.: Uchpedgiz, 623 s.
- 4- Buxarkin P.E. (2011). *Duxovnaya oda M.V. Lomonosova: literaturny`j kontekst i religioznoe sodержanie* // *Xristianskoe chtenie.* № 3. S. 6-18.
- 5- Vinogradov V.V. (1955). *Problema istoricheskogo vzaimodejstviya literaturnogo yazy`ka i yazy`ka xudozhestvennoj literatury`* // *Voprosy` yazy`koznaniya.* № 4. S. 3-34.
- 6- Gasparov M.L. (1991). *Antichnaya ritorika kak sistema* // *Antichnaya poe`tika. Ritoricheskaya teoriya i literaturnaya praktika.* М.: Nauka, s. 27-59.

- 7- Gukovskij G.A. (1928). *K voprosu o russkom klassicizme* // Poe`tika: Vremennik otd. slovesny`x iskusstv Gos. In-ta istorii iskusstv. L.: Academia. Vy`p. IV. S. 126-148.
- 8- Zhivov V. M. (2017). *Istoriya yazy`ka russkoj pis`mennosti*: V 2 t. Tom II. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 480 s.
- 9- Kolesov V. V. (2004). *Slovo i delo: Iz istorii russkix slov*. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 703 s.
- 10- Lomonosov M. V. (1959). *Poe`ziya. Oratorskaya proza. Nadpisi*. // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. — M.; L., 1950—1983. T. 8: Poe`ziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732—1764. M.; L.: Izd-vo AN SSSR.
- 11- Lomonosov M.V. (1952a). *Kratkoe rukovodstvo k ritorike na pol`zu lyubitelej sladkorechiya* // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. M.; L., 1950 – 1983. T. 7: Trudy` po filologii 1739 – 1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, S. 19 – 80.
- 12- Lomonosov M.V. (1952b). *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiyu. Kniga pervaya, v kotoroj sodержitsya ritorika, pokazuyushaya obshhie pravila oboego krasnorechiya, to est` oratorii i poe`zii, sochinennaya v pol`zu lyubyashih slovesny`e nauki* // Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij / AN SSSR. M.; L., 1950 – 1983. T. 7: Trudy` po filologii 1739 – 1758 gg. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, S. 89 – 378.
- 13- Nordstet I. (1780). *Rossijskij s nemeczkim i franczuzskim pervodami slovar`, sochinennyj nadvornym sovetnikom Ivanom Nordstetom*. SPb.
- 14- Pumpjanskij L.V. (1982). *K istorii russkogo klassicizma (poe`tika Lomonosova)* // Kontekst – 1982: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya. M.: Nauka, s. 303-331.
- 15- *Ritorika M. V. Lomonosova* (2017) / P. E. Buxarkin, S. S. Volkov, A. A. Vetushko-Kalevich., N. V. Kareva, K. N. Lemeshev, E. M. Matveev, K. M. Nomokonova, A. N. Semixina, A. S. Smirnova, K. Yu. Tver`yanovich, A. K. Filippov, M. G. Sharixina / nauch. red. P. E. Buxarkin, S. S. Volkov, E. M. Matveev. SPb.: Nestor-Istoriya, 632 s.
- 16- *Russkaya grammatika* (1980): V 2-x t. / Redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr. T. 2. Sintaksis. M.: Nauka, 709 s.
- 17- Sazonova L. I. (1987). *Ot russkogo panegirika XVII v. k ode M.V. Lomonosova* // Lomonosov i russkaya literatura /Otv. red. A.S. Kurilov. – M.: Nauka, s. 103-126.
- 18- Serman I.Z. (1966). *Poe`ticheskij stil` Lomonosova*. M.-L.: Nauka, 259 s.
- 19- *Slovar` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka* (1950) / Pod red. V. I. Cherny`shyova. M., L.: Izd-vo AN SSSR, t. 1.
- 20- Ty`nyanov Yu.N. (1977). *Oda kak oratorskij zhanr* // Ty`nyanov Yu. N. Poe`tika. Istoriya literatury`. Kino. M.: Nauka, s. 227—252.

- 21- *Filologicheskoe nasledie M.V. Lomonosova*. (2013). SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. 480 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Burtsev Vladimir Anatolyevich (2024). ADDRESSES IN THE SOLEMN ODES OF M.V. LOMONOSOV AS ORATORICAL FORMS OF SPEECH. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 107-128.

DOI: 10.61186/iarll.23.7

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/313>

خطاب در قصیده‌های غنایی لامانوسف به عنوان اشکال سخنوری گفتار

ولادیمیر آناتولیویچ بورتسف^{*۱}

دانشیار دانشگاه دولتی ای.ا. بونین یلتس،
یلتس، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

موضوع این مقاله، مقوله خطاب در سبک بلاغت و قصیده‌های غنایی لامانوسف است. نشان دادن اینکه مقوله خطاب در قصیده‌های غنایی لامانوسف مطابق با رمزگذاری بلاغی آن در کتاب‌های آموزش بلاغت لامانوسف به کار می‌رود، هدف اصلی این پژوهش است. به بیان دیگر، بررسی آن به عنوان شکلی ذهنی از گفتار که برای بیان نگرش نویسنده به موضوع گفتار طراحی شده است، و به عنوان ابزار بلاغی زیباسازی گفتار که به دستیابی به هدف عملگرایانه اثر یعنی تأثیرگذاری بر مخاطب کمک می‌کند. این مقاله تفسیر لامانوسف از مقوله خطاب را در پس‌زمینه سنت بلاغی قبلی توصیف می‌کند و توصیفی کلی از استفاده از کلاس‌های واژگانی اسم‌ها در نقش خطاب ارائه می‌دهد. استفاده متداول از کلمات *Муза, Россия, Боже* در نقش خطاب تجزیه و تحلیل می‌شود. برای مقایسه، استفاده از اسامی عام غیرشخصی در نقش خطاب بلاغی بررسی شده است. نشان داده شده است که معناسازی خطاب لزوماً پر از معنایی است که از بافت مدحی آمده است. حوزه‌های واژگانی (مترادف‌های مجازی و استعاری) منسوب به خطاب‌های مورد مطالعه در قصیده‌ها نیز شناسایی شده‌اند. نتایج به دست آمده این فرض را تأیید می‌کند که عملکرد زبانی لامانوسف تجسم دیدگاه‌های فلسفی او است.

واژگان کلیدی: لامانوسف، قصیده غنایی، خطاب، بلاغت، اشکال بلاغی.

1. E-mail: ivburcev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7987-8518>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

THE LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “MOTHERLAND” IN THE TEXT OF A LULLABY AS A GENRE OF PEDAGOGICAL DISCOURSE

Komleva Elena Valerievna^{1*}

Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia.

(date of receiving: October 2023; date of acceptance December 2023)

Abstract

The article is devoted to the identifying ways of the linguistic representation of the concept of “homeland” in the texts of lullabies. The concept is understood as a mental entity that reflects not only the totality of the most significant features of an object, but also ideas, associations, and experiences that are associated with it. The relevance of this study is determined by the fact that the analyzed concept “homeland” is undoubtedly one of the basic concepts of many languages, since it reflects the socially significant relationship between a person and his place of residence and, as a consequence, the cultural values inherent in a particular society. The key nature of the concept “homeland” in the conceptual sphere of the Russian language is evidenced by the prevalence of this concept in the texts of lullabies, with which a person’s acquaintance with the world begins.

Keywords: Concept “Homeland”, Lullaby, Speech Influence, Addressee, Addresser.

---

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>

* Corresponding author.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ТЕКСТЕ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ КАК ЖАНРЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Комлева Елена Валерьевна^{1*}

Доцент, Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

(дата получения: октябрь 2023 г., дата принятия декабрь 2023 г.)

Аннотация

Статья посвящена выявлению способов языковой репрезентации концепта «родина» в текстах колыбельных песен. При этом концепт понимается как ментальная сущность, отражающая не только совокупность наиболее значимых признаков объекта, но и представления, ассоциации, переживания, которые с ним связаны. Актуальность данного исследования определяется тем, что анализируемый концепт «родина», несомненно, входит в число базовых концептов многих языков, так как отражает социально значимые отношения между человеком и местом его проживания и, как следствие, присущие конкретному социуму культурные ценности. В пользу ключевого характера концепта «родина» в концептосфере русского языка свидетельствует распространенность данного концепта в текстах колыбельных песен, с которых для человека начинается знакомство с миром. Через трансляцию духовных ценностей, моделей поведения, наличие педагогического воздействия текст колыбельной песни обнаруживает связь с педагогическим дискурсом. Тексты колыбельных песен объединяет репрезентация базовых концептов русского языка, к числу которых относится концепт «родина», имеющий в анализируемых текстах специфическое выражение и предназначение.

Ключевые слова: Концепт «Родина», Колыбельная Песня, Речевое Воздействие, Адресат, Адресант.

---

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>

* Ответственный автор.

Введение

Данная статья посвящена изучению способов языковой репрезентации концепта «родина» в текстах колыбельных песен. Колыбельные песни как фольклорный жанр, стоящий на границе быта и искусства, неоднократно становились предметом научного исследования, о чем свидетельствует обширный объем публикаций (Чистов 1960, Мартынова 1974, Головин 2000, Хафизова 1999, Куприянова 2022). Особо следует отметить работу, принадлежащую В.А. Жуковскому, положившему начало изучению колыбельных песен на исследовательском материале, привезенном им из Персии и опубликованном в 1889 году (Жуковский 1889). В работах перечисленных исследователей колыбельная песня рассматривается с разных научных точек зрения. Ценным для нашего исследования является ряд сформулированных утверждений об особенностях колыбельной песни. Так, по мнению А. Ветухова важная задача колыбельной песни – знакомство ребенка через содержание текста колыбельной с окружающим его миром (Ветухов 1892). Такое знакомство осуществляется через номинацию родственных отношений, названий элементов быта, животных, особенностей ландшафта, что служит для ребенка первичной формой освоения действительности, содержащей различные взаимосвязанные элементы. В этой связи отмечается педагогический аспект колыбельных песен как передача нравственно-культурных ценностей (Ветухов 1892). Колыбельная песня действительно обнаруживает признаки педагогического дискурса, понимаемого нами как широкая направленность на трансляцию духовных ценностей, определенных моделей поведения, культуры народа.

Принадлежность колыбельной песни к фольклору, наличие множества исполнителей породило разнообразие колыбельных песен, с различными жанрами, образами, темами. Такое разнообразие увеличилось из-за генезиса колыбельной песни, приведшего к ее удалению от обрядового фольклорного

произведения и переходу в поэтическое произведение, написанное автором, который в определенной степени заимствовал фольклорные традиции колыбельной песни. Независимо от принадлежности колыбельной песни к устному народному фольклору или к поэтическому литературному жанру, в текстах колыбельных песен просматривается развитие концепта «родина», отражающего различные стороны национально-культурной специфики и, как следствие, расширяющего просветительский потенциал колыбельных.

Основная часть

В лингвистике, как известно, существуют различные подходы к пониманию концепта, но все они основываются на положении о том, что концепт обозначает содержание понятия. При этом концепт шире понятия, поскольку понятие включает только совокупность базовых признаков объекта, а концепт содержит специфические национально-культурные знания. Концепт не возникает непосредственно из значения слова, концепт является результатом столкновения значения слова с личным жизненным опытом человека. Это положение подчеркивает взаимосвязь между репрезентацией концепта в языке и национальной культурой. Языковые единицы, которые номинируют концепты, образуют слой базовой лексики языка (Лихачев 1993. 147). Для изучения национальных концептов существуют методики, ставшие общепринятыми. К таким методикам относятся: изучение словарных дефиниций, репрезентирующих концепт в русском языке, анализ их сочетаемости с другими словами, изучение многозначности слова, номинирующего концепт, анализ фразеологизмов, в которые входит изучаемое слово, анализ фольклорных и художественных текстов для выявления национально-специфических признаков в составе концепта. Именно в этом ракурсе мы проведем исследование языковой репрезентации концепта «родина» в текстах колыбельных песен.

Для изучения словарных дефиниций, репрезентирующих концепт «родина» в русском языке, обратимся в идеографическим словарям, в которых содержание концепта раскрывается через ключевые слова, что позволяет обнаружить следующие значения слова «родина». Так, в Толковом словаре Д.Н. Ушакова приводятся два значения слова «родина»: 1) отечество, страна, в которой человек родился и гражданином которой он состоит; 2) место возникновения чего-нибудь (Ушаков 2017). Идеографический словарь русского языка указывает на происхождение «родина» как на место рождения, откуда человек родом, родной край, родные края, места. (Идеографический словарь русского языка). В философском словаре говорится о том, что «родиной мы называем страну, в которой родились и выросли, страну, принявшую нас при рождении или позже, страну наших отцов или наших учителей, наконец, просто свою страну – свою не потому, что она нам принадлежит, а потому, что мы ей принадлежим, пусть даже не целиком, а какой-то частью себя – сердцем или верностью» (Философский словарь). В Словаре синонимов мы обнаруживаем важный для настоящего исследования синонимический ряд, поясняющий слово «родина», через слова «отечество», «отчизна», колыбель. Энциклопедический словарь раскрывает семантику слова «родина» как «...место, страна, где человек родился; где впервые сложился, возник этнос. Место возникновения, открытия или изобретения чего-либо...» (Энциклопедический словарь). Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова объясняет значение слова «родина» как «...отечество, родная страна ... место рождения, происхождения чего-либо, возникновения чего-либо» (Ожегов 1998. 478)

Значение слова «родина», приведенное в различных словарях, свидетельствует о единстве лексикографов в его понимании. Основными семантиками значения этого слова являются место, где человек родился, родные места, ставшие колыбелью для человека. Метафорическим, переносным значением слова «родина» является место происхождения чего-либо.

Фразеологизмы с компонентом «родина», подтверждают это значение, расширяя его указанием на важность наличия родины для человека. Приведем примеры пословиц и поговорок о родине: «Как мать одна, так и Родина одна», «Родина наша солнца краше», «Где птица ни летает, а свое гнездо знает», «Тот герой, кто за Родину горой», «Чужая сторона манит, а Родина к себе тянет», «Та земля мила, где мать родила», «Родина наша солнца краше» (Электронный ресурс «Пословицы и поговорки о Родине»). В тексте известной песни В. Баснера на слова М. Матусовского ставится вопрос: «С чего начинается родина?» (Электронный ресурс «Тексты и переводы песен»). Автор текста этой песни дает различные варианты ответа на данный вопрос, при этом одним из ответов является следующий: «А может, она начинается с той песни, что пела нам мать...» (Электронный ресурс «Тексты и переводы песен»). Одним из символов родины, действительно, является колыбельная песня как национальное достояние, свойственное многим культурам, и имеющее богатую историю. Колыбельная песня исполняется, как правило, матерью во время укачивания младенца. Цель исполнения колыбельной песни – усыпить ребенка. Музыкальный мотив фольклорной колыбельной отличается однообразием. Отметим, что в рамках данной статьи мы не рассматриваем влияние ритма и музыки на ребенка, хотя, следует признать, что повторяющийся изо дня в день из уст матери напев, со свойственными определенному этносу ритмико-мелодическими законами, не может не вызывать привыкания, перерастающего в восприятие колыбельной как в атрибут чего-то родного, близкого, связанного с заботой матери, с родным домом, с родиной.

Исследователи фольклорных колыбельных песен выделяют две основные группы колыбельных в зависимости от разворачивающихся тем в процессе исполнения (Ветухов 1892. 134). Колыбельные первой группы, посвящены ребенку, которого через текст колыбельной знакомят с окружающим миром,

номинация в тексте простейшие формы взаимосвязей предметов и явлений, что способствует развитию элементарного познания. Колыбельные второй группы отличают рассказы матери о ее повседневной жизни, заботах, переживаниях за ребенка и его отца. Независимо от темы, в колыбельной отражаются национальные особенности, связанные либо с обстановкой, в которой исполняется песня, либо с образом мыслей матери, которая делится ими в тексте песни. Ребенок, таким образом, еще на доречевом этапе своего развития становится адресатом колыбельной песни, участником диалога с матерью, если рассматривать диалог широко, не просто как обмен вербальными репликами, а сосуществование двух сознаний – матери и ее дитя. Ребенок при этом не является пассивным слушателем, поскольку общеизвестно, что он различает интонацию в речи матери, повышение или понижение тембра ее голоса, высоты звука, что свидетельствует об изменении ее психологического состояния, на которое он настраивается.

Отражение в тексте колыбельной простой повседневной жизни с заданным традициями и обычаями, кругом изображаемых предметов, лиц, можно объяснить, прагматической рациональностью возникновения колыбельных, необходимостью ежедневного многократного повторения, зависимостью от реально существующего хронотопа, что обуславливает и их импровизированный характер, свойственный многим фольклорным текстам. Приведем пример:

«Баю-баю-зыбаю,
Пошел папа за рыбою...
Будет рыбочку ловить,
Будет деточку кормить» (Куприянова 2022. 55)

Поясним, что глагол «зыбать» имеет значение «укачивать младенца в люльке (Куприянова 2022. 55). Ритм и рифма многих колыбельных, как и

краткий текст, приведенный в качестве примера, основаны на различных видах повтора: дословном повторе, эпитетическом повторе звуков (баю-баю-зыбаю ...рыбою), (ловить – кормить), анафорическом повторе (будет ... будет). Повторы позволяют создавать протяженные тексты колыбельных, что важно для процесса убаюкивания, который может быть продолжительным. Повторы способствуют не только пониманию, но и запоминанию. Текст колыбельной песни вводит ребенка в мир новых отношений с реальными денотатами: с родителями, с семьей, с местом проживания, где есть водоем, в котором можно ловить рыбу. Все это становится для младенца воплощением его родного края, где ему отводится место человека, которого любят и о котором заботятся с самого его рождения. Рассмотрим еще один пример, показывающий, что введение ребенка в родной ему окружающей, но еще новый, мир может осуществляться через непосредственное называние его имени прямым обращением (в тексте подчеркнуто нами, Е.К.) и побуждением к действию, в анализируемом тексте – побуждением к взрослению. Побуждение формулируется как факт, не подлежащий сомнению, что передается совершенным видом глагола первого спряжения «вырастать»:

«Буду с Анной я водиться,
Мне-ко Анна пригодиться,
Мне-ко Анна пригодиться,
Принесет воды напиться.
Аня. Вырастешь большая,
В лес по ягоды пойдешь...
«...»
Лю-лю-лю
В лес по ягоды пойдешь,
Много ягод принесешь.

Лю-лю-лю-лю-лю,
Много ягод наберешь,
Папе, маме принесешь» (Куприянова 2022. 55)

В приведенных отрывках колыбельных песен содержатся два важных для данного исследования аспекта. Во-первых, особый интерес представляют языковые элементы, в семантике которых заложены обозначения пространственно-временных координат, дающих, с одной стороны, представление об особенностях места проживания и взросления ребенка, таких как «лес», «вода», «ягоды», «мама», «папа», а, с другой стороны, выстраивающих проекцию на его будущее с помощью косвенного побуждения к действию, выраженного глаголами совершенного вида, изъявительного наклонения, второго лица, единственного числа: «вырастешь», «пойдешь», «наберешь», «принесешь». Во-вторых, данные отрывки колыбельных демонстрируют сложное синергетическое взаимодействие, в котором находятся колыбельные песни как национальное народное достояние. Два отрывка колыбельных песен дают схожее представление о крестьянской семье, в которой растет любящий ребенок в гармонии с природой, имеющей не только красивые ландшафты, включающие лес, реку, но и обеспечивающей пропитание. При этом оба текста по-разному освещают отношение ребенка и родителей. В первом тексте основное внимание сосредоточено на любви родителей к ребенку: «Будет деточку кормить». Во втором – отмечается традиция заботы детей о родителях «Папе, маме принесешь». Данные тексты, содержательно дополняют друг друга, вступают в синергетическое взаимодействие, знакомя ребенка с родным краем, где гармонично обустроена жизнь, поскольку дети и родители заботятся друг о друге. Наличие родины и родителей обуславливает жизненную гармонию, которая в последствии будет определять его картину мира.

Пение колыбельных и в настоящее время является одной из речевых практик деревенских женщин, при этом колыбельная песня претерпела изменения, став авторским произведением, с которым современные дети знакомятся через различные источники массовой информации. Цель авторской колыбельной песни совпадает с ее фольклорным прародителем – помочь ребенку уснуть. Авторские колыбельные песни отличает их заостренная направленность на адресата-ребенка с его внутренним миром, реальным или воображаемым окружением, в то время как фольклорные колыбельные рассказывали и о жизни матери. В качестве примера рассмотрим популярную колыбельную песню из любимого многими детьми мультфильма «Умка», созданного на студии «Союзмультфильм». Одним из главных героев мультфильма является детеныш белой медведицы медвежонок Умка. Жизнь Умки показана как жизнь маленького ребенка, окруженного заботой любимой мамы, о чем свидетельствует и колыбельная песня, которую исполняет мама-медведица, укладывая своего ребенка спать. Авторы колыбельной песни Е. Крылатов и Ю. Яковлев привнесли в свой песенный текст лучшие традиции фольклорной колыбельной песни, адресованной ребенку, еще только начинающему знакомство с миром, при этом мать через текст своей песни изображает этот мир с лучшей стороны. Рассмотрим текст.

«Ложкой снег мешая,
Ночь идет большая,
Что же ты, глупышка, не спишь?
Спят твои соседи,
Белые медведи,
Спи и ты скорей, малыш.
Мы плывем на льдине
Как на бригантине,

По седым суровым морям.
И всю ночь соседи -
Звездные медведи
Светят дальним кораблям».

(Е. Крылатов, Ю. Яковлев «Колыбельная Медведицы (Колыбельная Умки)»)

Соблюдая традиции фольклорной колыбельной как песенного жанра, с заостренной адресованностью младенцу, обозначенному в тексте прямыми обращениями «глупышка», «малыш», авторы анализируемого текста знакомят его с богатым миром родины, привнося в текст простые описания природы, климатической зоны родного края, где ребенку предстоит жить. В тексте описывается сложная климатическая зона арктического побережья с длинной и холодной зимой, где в гармонии с природой и обитают белые медведи. Холодная и снежная зима, которая не только представляет опасности для белого медведя, а напротив есть комфортная среда для его обитания, изображается с помощью метафорических сравнений, обладающих положительной коннотацией. Так, выражение «Ночь идет большая», является перифразом для поляной ночи, которая длится 174 дня. В этот период выпадает так много снега, что белый густой снежный покров напоминает ребенку кашу, которую можно помешать ложкой, о чем свидетельствует метафорическое сравнение в начале колыбельной песни: «Ложкой снег мешая». Рассказ мамы о природе родного края продолжается в песне дальше. На арктическом побережье в течение холодной и длинной зимы, увеличивается площадь морского льда, образующего большие дрейфующие льдины, на которых путешествуют белые медведи, как на небольшом парусном судне, что в тексте выражается метафорическим сравнением: «Мы плывем на льдина, Как на бригантине, По седым суровым морям». Текст

колыбельной песни рассказывает ребенку не только о природных особенностях его родины, но и о социальной стороне сосуществования, поскольку в родном краю они с мамой не одни, рядом есть соседи, которые ведут такой же образ жизни: «Спят твои соседи, Белые медведи». При этом одни из соседей спят рядом, а другие смотрят с неба, будучи «звездными» медведями, номинированными в тексте через метафорический эпитет «Звездные медведи», обозначающий семь звезд Большой Медведицы – одного из трех больших созвездий северного полушария неба. Яркие звезды созвездия Большой Медведицы освещают путь кораблям («Светят дальним кораблям»), которые проплывают мимо или подходят к побережью как чужеземцы из дальних стран. Простые метафорические образы расширяют кругозор ребенка о сложной социальной стороне жизни, в которой присутствуют не только родители, но и соседи, гости-чужестранцы. Невзирая на первый взгляд простые изобразительно-выразительные средства языка, переданные базовой, стилистически нейтральной лексикой, текст колыбельной песни с разных ракурсов раскрывает сложный и многогранный образ родины, еще неизвестный адресату-ребенку. При этом сознание маленького ребенка проецируется на позитивное мышление и доброе отношение к окружающему его миру.

Заключение

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с языковой репрезентацией концепта «родина» в текстах фольклорных и авторских колыбельных песен, следует отметить происхождение и долгое существование колыбельной песни как фольклорного песенного жанра. Возникновение колыбельной песни имеет прагматическую природу, обусловленную необходимостью поддержания коммуникативного контакта с ребенком во время его баюкания – физического раскачивания ребенка в люльке.

Исполнение колыбельной песни длилось пока ребенок не заснет, что объясняет обширный объем текстов фольклорных колыбельных, основанный на различных видах повтора (дословном, анафорическом, эпитетическом, повторах параллельных конструкций), смену темы текста колыбельной в процессе ее исполнения. Учитывая исполнение колыбельных крестьянскими женщинами или няньками, имеющими крестьянское происхождение, закономерным представляется наличие в колыбельных простых сюжетов, описывающих окружающий мир, в котором предстоит жить ребенку, или включающих жизнеописание самой матери, со сложными, противоречивыми личностными переживаниями. В этой связи, в колыбельных, рассказывающих об окружающем мире, в качестве прямого адресата обозначен ребенок, в то время как, тексты колыбельных, с жизнеописаниями матери, обнаруживают признаки двойной адресованности – адресованности ребенку и автоадресованности, позволяющей матери во время исполнения колыбельной еще раз пережить свои трудности и печали, освобождаясь от них, отчуждая их от себя через речь. Указывая для полноты изложения наличие двух раскрывающихся в фольклорных текстах колыбельных тем, отметим, что главный фокус данного исследования образуют тексты колыбельных, адресованные ребенку. В таких текстах дается первое представление о родине ребенка через номинацию родственных отношений, бытовых предметов, описаний местности. При этом отмечается не только просветительский аспект текста колыбельной, но и педагогический, подтверждаемый воспеванием любви к младенцу, чуткости и уважения ребенка к родителями, к традициям, природным богатствам родного края, которые в совокупности формируют в его сознании образ родины.

Колыбельная песня во многом сохранила описанные выше лингво-прагматические особенности с развитием человеческого общества. В настоящее время не являются редкостью фольклорные варианты исполнения

колыбельных песен, хотя все большее распространение получают авторские колыбельные песни. Авторские колыбельные песни характеризует их однозначная предназначенность адресату-ребенку, сложные семиотические связи с народными традициями, основанные на воспитании уважительного отношения к семье, к месту рождения и проживания. При этом языковая репрезентация хронологического аспекта авторских колыбельных отличает усложненность текстового материала через наличие изобразительно-выразительных средств, с помощью которых устами любящей и заботливой матери транслируется уникальная природная и социальная многогранность родного края, прививается гармоничное мироощущение, чувство наличия родины и любви к ней. Изучая хронологический аспект колыбельных песен, следует отметить его очевидную значимость, для обоснования принадлежности текстов колыбельных песен к педагогическому дискурсу, ценностной составляющей которого является приобщение нового члена общества к культурным ценностям социума.

Литература

- 1- Ветухов А. В. (1892). *Народные колыбельные песни* // Этнографическое обозрение. М.: Изд-во Скоропеч А.А. № 1. С. 131-164.
- 2- Головин В.В. (2000). *Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе*. Турку: Åbo Akademi University Press. 451 с.
- 3- Жуковский В.А. (1889). *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии* // ЖМНП. № 16. 34 с.
- 4- Крылатов Е., Яковлев Ю. *Колыбельная Медведицы (Колыбельная Умки)*. URL: <https://www.kino-teatr.ru/mult/movie/sov/95234/song/> (дата обращения: 20.11.2023)
- 5- Куприянова С.О. (2022). *Убаюкивание как культурная практика или о волчке на краю*. – СПб.: Пропповский центр. 288 с.
- 6- *Идеографический словарь русского языка*. URL: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/search> (дата обращения: 02.11.2023)

- 7- Литвин Э.С. (1972). *Песенные жанры русского детского фольклора*. СЭ. №1. С. 59.
- 8- Лихачев Д.С. (1993). *Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества*. СПб.: Блиц, 1999. С. 147-165.
- 9- Мартынова А.Н. (1974). *Опыт классификации русских колыбельных песен*. СЭ. №4. С. 102.
- 10- Мельников М.Н. (1987). *Русский детский фольклор*. М.: Просвещение. 240 с.
- 11- Ожегов С. И. (1998). *Толковый словарь русского языка*. М.: Мир и образование. 736 с.
- 12- *Пословицы и поговорки о родине* URL:<https://portal.azertag.az/ru/node> (дата обращения: 02.11.2023)
- 13- *Словарь синонимов*. URL:<https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 02.11.2023)
- 14- *Тексты и переводы песен* URL: <https://learnsongs.ru/song> (дата обращения: 02.11.2023)
- 15- Ушаков Д.Н. (2017) *Толковый словарь русского языка*. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 01.11.2023)
- 16- *Философский словарь*. URL:<https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 02.11.2023)
- 17- Хафизова Л.Р. (1999). *Персонажи колыбельных Русского Севера // Живая старина*. №1. С. 19-21.
- 18- Чистов К.В. (1960). *Русская причеть // Причитания. Библиотека поэта*. Л.: Изд-во Советский писатель. С.7-14
- 19- *Энциклопедический словарь*. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 02.11.2023)

Bibliography

- 1- Vetuhov A. V. (1892). *Narodnye kolybel'nye pesni // Jetnograficheskoe obozrenie*. М.: Izd-vo Skoropech A.A. № 1. S. 131-164.
- 2- Golovin V.V. (2000). *Russkaja kolybel'naja pesnja v fol'klore i literature*. Turku: Åbo Akademi University Press. 451 s.
- 3- Zhukovskij V.A. (1889). *Kolybel'nye pesni i prichitanija osedlogo i kochevogo naselenija Persii // ZhMNP*. № 16. 34 с.
- 4- Krylatov E., Jakovlev Ju. *Kolybel'naja Medvedicy (Kolybel'naja Umki)*. URL: <https://www.kino-teatr.ru/mult/movie/sov/95234/song/> (дата обращения: 20.11.2023)

- 5- Kuprijanova S.O. (2022). *Ubajukivanie kak kul'turnaja praktika ili o volchke na kraju*. – SPb.: Proppovskij centr. 288 s.
- 6- *Ideograficheskij slovar' russkogo jazyka*. URL:<https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/search> (data obrashhenija: 02.11.2023)
- 7- Litvin Je.S. (1972). *Pesennye zhanry russkogo detskogo fol'klora*. SJe. №1. S. 59.
- 8- Lihachev D.S. (1993). *Konceptosfera russkogo jazyka // Oчерki po filosofii hudozhestvennogo tvorcestva*. SPb.: Blic, 1999. S. 147-165.
- 9- Martynova A.N. (1974). *Opyt klassifikacii russkih kolybel'nyh pesen*. SJe. №4. S. 102.
- 10- Mel'nikov M.N. (1987). *Russkij detskij fol'klor*. M.: Prosveshhenie. 240 s.
- 11- Ozhegov S. I. (1998). *Tolkovij slovar' russkogo jazyka*. M.: Mir i obrazovanie. 736 s.
- 12- *Posloviцы i pogovorki o rodine* URL:<https://portal.azertag.az/ru/node> (data obrashhenija: 02.11.2023)
- 13- *Slovar' sinonimov*. URL:<https://znachenie-slova.ru/> (data obrashhenija: 02.11.2023)
- 14- *Teksty i perevody pesen* URL: <https://learnsongs.ru/song> (data obrashhenija: 02.11.2023)
- 15- Ushakov D.N. (2017) *Tolkovij slovar' russkogo jazyka*. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (data obrashhenija: 01.11.2023)
- 16- *Filosofskij slovar'*. URL:<https://znachenie-slova.ru/> (data obrashhenija: 02.11.2023)
- 17- Hafizova L.R. (1999). *Personazhi kolybel'nyh Russkogo Severa // Zhivaja starina*. №1. S. 19-21.
- 18- Chistov K.V. (1960). *Russkaja prichet' // Prichitanija*. Biblioteka pojeta. L.: Izd-vo Sovetskij pisatel'. S.7-14
- 19- *Jenciklopedicheskij slovar'*. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (data obrashhenija: 02.11.2023)

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Komleva Elena Valerievna (2024). THE LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT “MOTHERLAND” IN THE TEXT OF A LULLABY AS A GENRE OF PEDAGOGICAL DISCOURSE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 129-145.

DOI: 10.61186/iarll.23.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/307>

بازنمایی زبانی مفهوم «وطن» در متن لالایی به مثابه ژانری از گفتمان تربیتی

یلنا والرئ یونا کوملوا^{*1}

دانشیار دانشگاه دولتی تربیت معلم اورنبورگ،
اورنبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

این مقاله به شناسایی روش‌های بازنمایی زبانی مفهوم «وطن» در متون لالایی اختصاص دارد. در عین حال، این مفهوم به عنوان یک اصل ذهنی درک می‌گردد که نه تنها مجموع مهم‌ترین ویژگی‌های یک موضوع، بلکه ایده‌ها، تداعی‌ها و تجربیات مرتبط با آن را نیز منعکس می‌کند. ضرورت پژوهش حاضر با این واقعیت مشخص می‌گردد که مفهوم مورد تحلیل «وطن» بدون شک یکی از مفاهیم اساسی بسیاری از زبان‌هاست، چرا که منعکس‌کننده روابط اجتماعی مهم بین فرد و محل زندگی او و در نتیجه، ارزش‌های فرهنگی ذاتی در یک جامعه خاص است. ماهیت کلیدی مفهوم «وطن» در حوزه مفهومی زبان روسی، با رواج مفهوم مذکور در متون ترانه‌های لالایی مشهود است که آشنایی فرد با جهان از آن آغاز می‌گردد. متن لالایی از طریق انتقال ارزش‌های معنوی، الگوهای رفتاری و داشتن تأثیر تربیتی، با گفتمان تربیتی پیوند می‌یابد. متون لالایی مفاهیم اساسی زبان روسی از جمله مفهوم «وطن» را بازنمایی کرده و در متون تحلیل شده بیان و کاربرد خاصی دارد.

واژگان کلیدی: مفهوم «وطن»، ترانه لالایی، تأثیر گفتار، شنونده/مخاطب، گوینده.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>; 57219025316

* نویسنده مسئول؛ نوع مقاله: علمی- پژوهشی

COLOUR OF VIOLET IN THE RUSSIAN COLOUR CONCEPTOSPHERE

Sivova Tatyana Viktorovna^{1*}

Associate Professor, Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus.

(date of receiving: October 2023; date of acceptance December 2023)

Abstract

The article presents the results of polydiscursive research (the material is lexicographic sources, associative experiment data, the Russian National Corpus materials), devoted to reconstruction of the segment of the floristic space of Russian colour conceptosphere (on the material of violets colour descriptions). The main results are: 1) the composition of main colour terms significant in plant visualisation (12 units) is revealed; the expansion of the colour spectrum is described; the colour terms spheres of denotation are established; 2) the functional potential of descriptions is revealed; 3) the composition of colour terms based on colour descriptions of violet (47) is established, the spheres of denotation are described; 4) the specificity of their functioning is revealed, which consists in the variability of interpretation of colour meaning, in the significance of correct mediated colour rendering, in the broad evaluability, in the actualization of cultural potential.

Keywords: Linguistics of Colour, Conceptosphere, Colour Term, Phytonym, Linguistic Consciousness.

ЦВЕТ ФИАЛКИ В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сивова Татьяна Викторовна^{1*}

Доцент, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Гродно, Беларусь.

(дата получения: октябрь 2023 г., дата принятия декабрь 2023 г.)

Аннотация

В статье представлены результаты, носящего полидискурсивный характер исследования (материалом послужили лексикографические источники, данные проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента, материалы Национального корпуса русского языка), посвященного реконструкции на материале колористических дескрипций фиалки сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. В результате исследования: 1) выявлен состав основных значимых в визуализации растения терминов цвета (12 единиц); описано расширение цветового спектра; установлены сферы денотации терминов цвета; 2) раскрыт функциональный потенциал колористических дескрипций, реализуемый в онтологической, терминологической, изобразительно-выразительной, хронотопической, прототипической функциях; 3) установлен состав терминов цвета, основанных на колористической дескрипции фиалки (47 единиц), описаны сферы денотации цветообозначений; 4) выявлена специфика их функционирования, заключающаяся в вариативности трактовки цветового значения, в значимости корректной опосредованной цветопередачи, в широкой оценочности, в актуализации культурологического потенциала (цвета прецедентных феноменов).

Ключевые слова: Лингвистика Цвета, Концептосфера, Термин Цвета, Фитоним, Языковое Сознание.

---

1. E-mail: sitavi@tut.by: <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

*Ответственный автор

Введение

В фокусе исследования, выполненного в русле лингвистики цвета, находится вопрос реконструкции сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Лингвистика цвета раскрывает перед исследователями широкие возможности, поскольку в ней находит свое выражение «антропоцентризм языка, его этноцентризм и аксиологическая природа цветообозначения, его социокультурная и символическая значимость» (Кульпина, Сивова 2023. 27).

Вопрос колористической визуализации фиалки sporadически оказывался в поле исследовательского внимания филологов и культурологов. Символический потенциал дескрипций растения раскрывает Дж. Купер: «белая фиалка – эмблема Девы Марии и святого Фина» (Купер 1995. 348). С.Г. Горбовская, обращаясь к творчеству М. Деборд-Вальмор, фиксирует образ темной фиалки, с которым соотносится образ поэтессы: «темная фиалка говорит о стремлении Марселины скрыть точный цвет фиалки, сделать ее максимально незаметной, погруженной в темноту ночи, в темноту сна или воспоминаний» (Горбовская 2021. 70). С.В. Семочко и Я.А. Шумарова, исследуя языковую специфику номинаций фитонимов, обращаются к фразеологии и фиксируют в немецком языке ФЕ *blau sein wie ein Veilchen* (досл. *быть синим как фиалка*) в зн. 'напиться до посинения', комментируя номинацию следующим образом: «перенос окраски растения на состояния человека может быть основан на ощущениях, которые испытывает мертвецки пьяный человек» (Семочко, Шумарова 2020. 151). Закономерен и вопрос возникновения цветообозначения *фиалковый*. Н.Б. Бахилина отмечает: «возможно, что в русском языке конца XVII – нач. XVIII в. существовало прилагательное *фиалковый* (калька с французского?), хотя примеры конца XVII в. сомнительны». Очевидный пример, согласно исследователю, датируется XVIII в.: *луч тот преломляясь разделится на семь других лучей, из*

которых один **фиалковый**, другой **пурпуровый**, третий **голубой**, четвертый **зеленый**, пятый **желтый**, шестой **рудожелтый**, седьмой **красный** (Кантемир. Ода в похвалу наук), где **фиалковый** используется для обозначения фиолетового (Бахилина 1975. 251).

Основная часть.

Цель исследования – реконструировать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства языка на примере колористических дескрипций фиалки. *Задачи* исследования: 1) установить состав значимых в колористической репрезентации растения цветообозначений; 2) выявить функционал дескрипций; 3) установить состав основанных на колористической дескрипции фиалки цветообозначений; 4) описать специфику их функционирования.

Методы исследования: сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных.

Материалом носящего полидискурсивный характер исследования являются: 1) лексикографические источники; 2) данные проведенного нами в 2022 г. направленного ассоциативного эксперимента (770 респондентов, студенты ГрГУ им. Янки Купалы; 384 (жен.), 386 (муж.), возраст: 17–23), в ходе которого респондентам было предложено привести цветовую реакцию на стимул-фитоним фиалка; 3) материалы НКРЯ; 4) тексты рекламной коммуникации. Обращение к текстам различных дискурсов позволяет составить актуальное представление о специфике визуализации растения и реконструировать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства языка.

Цвет фиалки. Лексикографическая репрезентация (белый, желтый, фиолетовый; неоднотонный, разноцветный, трехцветный). Ср.: фиалка ‘травянистое растение с фиолетовыми, реже белыми или разноцветными

цветками'. Трехцветные фиалки (анютины глазки) (Кузнецов 2000); 'декоративное и дикорастущее травянистое растение с фиолетовыми (реже желтыми, белыми) цветками'. Ночная фиалка 'травянистое растение сем. крестоцветных с прямым высоким стеблем и собранными в соцветие мелкими белыми душистыми цветками'. Трехцветная фиалка 'неодноцветная фиалка с глазком в середине'. Садовая трехцветная фиалка (анютины глазки) (Шведова 2002).

Цвет фиалки. Ассоциативное пространство (фиолетовый). НАЭ проявляет актуальное представление носителей обыденного языкового сознания о цвете фиалки. *Статистика:* всего цветовых реакций на стимул «фиалка»: 690, различных цветовых реакций: 24, одиночных реакций: 11, отказов: 80. *Результаты:* фиолетовый 566: 320 (ж), 246 (м); розовый 24: 13 (ж), 11 (м); синий 21: 7 (ж), 14 (м); белый 17: 3 (ж), 14 (м); сиреневый 17: 9 (ж), 8 (м); зеленый 10: 2 (ж), 8 (м); голубой 7: 2 (ж), 5 (м); желтый 3: 1 (ж), 2 (м); красный 3: 1 (ж), 2 (м); лиловый 3: 3 (ж); светло-фиолетовый 3: 3 (ж); фиолетовый, белый 3: 2 (ж), 1 (м); фиолетовый, розовый 2: 2 (ж); голубой, сиреневый 1: 1 (ж); зеленый, фиолетовый 1: 1 (м); нежно-голубой 1: 1 (ж); нежно-фиолетовый 1: 1 (ж); розовый, голубой, белый 1: 1 (ж); синий, фиолетовый 1: 1 (ж); темно-синий 1: 1 (ж); фиалка 1: 1 (ж); фиолетово-белый 1: 1 (ж); фиолетовый, желтый 1: 1 (м); фиолетовый, черный 1: 1 (ж).

Цветовой спектр, значимый в визуализации растения, включает 12 цветообозначений: *белый, голубой, желтый, зеленый, красный, лиловый, розовый, синий, сиреневый, фиалка, фиолетовый, черный*; доминанта – *фиолетовый*. Спектр расширяется 5 композитами: *нежно-голубой, светло-фиолетовый, темно-синий, фиолетово-белый*; 8 цепочками цвета (Кульпина, Сивова 2023. 38): двухкомпонентными (*голубой, сиреневый, зеленый, фиолетовый*); трехкомпонентными (*розовый, голубой, белый*). Реакция *фиалка* свидетельствует о прототипичности цвета растения. Ср.: стимулы,

вызывающие реакцию «фиалка»: в поле, нежность, **фиолетовый**, цветок 1 (Караулов 2002).

Цвет фиалки. Национальный корпус русского языка (зн. 'быть в цветку'; **лиловый**) фиксирует цветовые описания фиалки в произведениях более чем 100 авторов, среди которых: С. Алексеевич, В. Астафьев, М. Волошин, З. Гиппиус, Е. Евтушенко, В. Набоков, Б. Пастернак, А. Эфрон и др.

В спектре, значимом в визуализации фиалки, доминируют лексемы со зн. 'быть в цветку' (*зацвести, расцвести, цвести*) 32; далее по ранжиру 10 цветообозначений: **лиловый** (*густо-лиловый, лиловатый, лилово-зеленый, лиловый, темно-лиловый*) 19; **голубой** (*бледно-голубой, голубой, заголубеть, нежно-голубой*) 12; **белый** (*белый, поразительно-белый, ярко-белый*), **синий** (*синеть, синий, черно-синий*) 10; **красный** (*красинка, огненно-красный, ярко-красный*), **фиолетовый** 3; **зеленый** (*зеленый, лилово-зеленый*), **розовый**, **черный** (*черно-синий, черный*) 2; **лазоревый** 1; спектр расширяется лексемами с корнем -цвет- (*разноцветный, трехцветный, цвет, цветочный*) 6, лексемами *темный* 5, *бледный* 2, *блеклый* (*блеклый, поблекнуть*) 2, *пестрый* (*запестреть, пестреть*) 2, *яркий* 2; со зн. 'свет' (*проблеснуть, светиться*) 2. В контекстах: *в сочной и мягкой траве краснеет земляника, цветут фиалки* (Подъячев, 1903); *в зеленой чаще синюют крупные фиалки и отцветающие ландыши* (Осева, 1969). Цветообозначения обнаруживают сочетаемость с фитонимом *фиалка*, также *лист, цветок, чашечка; цвет*, преимущественно в образном зн.: *глазок, кокарда, огонек, фонарик*.

Функциональный потенциал описаний охватывает ряд функций, среди которых:

1. Онтологическая: *в глуши попадают кусты фиалок, – цветов давно уже нет, одни листики, сверху зеленые, а повернешь, – то будто фиолетовые, то розовые* (Сергеев-Ценский, 1928); *Гесперис Романс – ночная*

фиалка, благоухающая нежным ароматом в вечерние часы, *цветки белые* (Урожайная грядка, 2003).

2. Терминологическая: причудливо окрашенную *фиалку трехцветную* в народе называют *анютины глазки* (Подоскина, 2009).

3. Изобразительно-выразительная [эпитет, олицетворение, сравнение]: как притворяется дремлющей *поразительно-белая* ночная *фиалка* и как силен ее аромат (Страстный охотник, 2004); *хрупкие фиалки смотрели на меня широко раскрытыми синими глазками* (Смирнов, 1976). Ср. в составе сравнительного оборота [глаза, небо]: *она вздохнула и открыла синие, как фиалки, глаза* (Шагинян, 1923); *в небо темное, как фиалка, врезаны: и золото куполов, и воздетая ладонь знаменосца* (Андрей Белый, 1934). Изобразительно-выразительный потенциал реализуется в создании смысловых оппозиций: *Как надоело это шлепанье шампанских пробок, это щебетание птиц, эти белые фиалки и алые гвоздики, – как хочется в каземат* (Ерофеев, 1958); ассоциативных рядов: *много ужаса, много нелепого и безобразного, но есть еще прекрасная молодость, и любовь, и весна, и голубые фиалки, растущие на окопах* (Пильняк, 1923); в наделении фиалок способностью излучать свет: *странная, похожая на голубой огонек, светящаяся фиалка* (Петросян, 2009).

4. Хронотопическая (см. Сивова 2018), реализуемая в конструировании 1) цветового пространства человека: а) вестигального: *шляпа, украшенная букетом нежно-голубых искусственных фиалок* (Алексеев, 1983); б) вещного мира: *пирожное на тарелке с изумительно яркими сочными фиалками* (Кожевникова, 1985); 2) цветового темпорального измерения: *в мае, когда зацвели ландыши и в лесу заголубели фиалки, <...> вернулся из плена сын* (Савинков, 1918); цветового хронотопа произведения: *Цвет фиалок был густо-лилов, бархат времен пажей* (Олеша, 1930).

5. Прототипическая, которая «заключается в том, что ряд цветочных номинаций может служить основой для образования терминов цвета»

(Кульпина 2001. 271). НКРЯ фиксирует 10 цветообозначений, основанных на колористической дескрипции фиалки: *фиалковый* 77; цв. *фиалки* 3; *фиалково-голубой*, *фиалково-синий* 2; *бледно-фиалковый*, *нежно-фиалковый*, *серо-фиалковый*, цв. *мартовской фиалки*, *увядающей фиалки*, *увядших фиалок* 1.

Фиалковый проявляет сочетаемость с лексемой *глаза* (свыше 40), *взгляд*, *взор*, *глазица*, *глазница*, *глазок*; *веко*; также *костюм*, *ливрея*; *море*; *лыжня*; *помада*; *страх*; *тень* и др. В контекстах: *<она> была прекрасно одета – в фиалкового цвета кашемировый костюм* (Рубина, 2014); *<электричество> делает выдох, и далекие галактики гаснут, истекая фиалковым страхом* (Желунов, 2007). См. способы семантизации: *в ее голосе, в фиалковых глазах, как странно, серые с лиловым оттенком глаза, таких я никогда не видала* (Бессарабова, 1920); *серые глаза Марьяны Федоровны сравниваются то с незабудками, то с васильками, то с фиалками (хотя известно, что человеческим глазам фиолетовый цвет не присущ)* (Панова, 1949).

Функционирование цветообозначений специфично: 1) оценочностью: *худенькое, экзальтированное существо с огромными, редкостного фиалкового цвета глазами* (Эфрон, 1955); 2) темпоральной соотнесенностью: *<видел> ее фиалковые глаза (как тогда говорили), ее женственную фигуру* (Берберова, 1960); 3) фиксацией динамики: *ее васильковые глаза становились в минуты задумчивости фиалковыми* (Набоков, 1933); 4) значимостью сочетаемости цветов: *платье своим цветом удивительно оттеняло ее фиалковые глаза* (Хруцкий, 2001); 5) установлением цветовых параллелей: *Изпод старомодной шляпки с букетиком искусственных фиалок смотрели яркие, такого же фиалкового цвета молодые глаза* (Маркова, 1990).

НКРЯ фиксирует цветообозначения: 1) цв. *фиалки* [глаза, подушка]: *Молодая женщина подняла на него большие глаза цвета фиалки* (Шагинян, 1923); 2) *мартовской фиалки* [платье]: *шурша шелковым платьем модного цвета мартовской фиалки* (Мережковский, 1901); 3) *увядающей фиалки*

[небо]: *Небо* лиловело, темнело; *цвет его подобен был цвету увядающей фиалки* (Мережковский, 1905); 4) *увядших фиалок* [глаза]: *И глаза ее цвета увядших фиалок стали огромными* (Снегирев, 2014); композитов: 5) *бледно-фиалковый* [глаза]: *светились его бледно-фиалковые глаза, его лысина*, (Мариенгоф, 1956); 6) *нежно-фиалковый* [небо]: *громада насоса плыла над ними в нежно-фиалковом, темнеющем небе* (Иванов, 2002); 7) *серо-фиалковый*: <глаза> *оставались серо-фиалковыми, влажными* (Кожевникова, 1986); 8) *фиалково-голубой* [глаза, самолет]: *над лесом металась три фиалково-голубых «ястребка»* (Воробьев, 1963); 9) *фиалково-синий*: *заглянул ласково в ее фиалково-синие глаза* (Сологуб, 1909).

Цвет фиалки. Поэтический корпус НКРЯ (зн. ‘быть в цвету’, *синий, лиловый*) фиксирует колористические описания фиалки в произведениях более чем 70 авторов, среди которых: А. Ахматова, Андрей Белый, А. Блок, М. Волошин, А. Кантемир, Б. Пастернак, И. Северянин, М. Цветаева и др.

В спектре, актуализируемом в дескрипциях, доминируют лексемы со зн. ‘быть в цвету’ (*зацвести, зацветанье, распусться, расцвести, расцвет, цвести*) 28; далее по ранжиру – *синий* (*синева, синеглазый, синезрачный, синеть, синий*) 13; *лиловый* (*лилово-зеленый, лиловый, темно-лиловый, черно-лиловый*) 12; *белый* (*беленький, белый; заневеститься*) 7; *голубой* (*голубеть, голубой*) 4; *зеленый* (*зеленый, лилово-зеленый*), *лазурный* (*лазурно-мещанский, лазурный*), *черный* (*черно-лиловый, черный*) 2; *желтый* (*желтеть*), *красный* (*краснеть*) 1; спектр расширяется лексемами *темный* (*темнеть, темно-бархатный, темный*) 11, со зн. ‘свет’ (*блистать, пламенный*) 3, со зн. интенсивности окраски: *бледный* 3, *блеклый* 1, со зн. неоднородности окраски: *пестрый* (*пестреть*) 1, со зн. ‘утратить цвет’ (*вылинять, выцвести*) 2. Цветообозначения коррелируют с фитонимом *фиалка*, лексемами *лепесток, цветок*, также: *глазок, дым, море, просинь, слеза*. В контекстах: *что на земле*

прекрасней **темно-лиловых лепестков фиалок** (Набоков, 1920); *Персик зацвел, и фиалок дым Черно-лиловый...* (Ахматова, 1944).

Функционал дескрипций проявляется в доминирующей изобразительно-выразительной функции. Значительно реже – в онтологической: **Белая фиалка высится, стройна, Белая ромашка в зелени видна** (Брюсов, 1912). Фиалка наделяется широким спектром антропоморфных черт, ее дескрипции встроены в систему пространственных и темпоральных координат текста: 1) в цветовое пространство человека, где актуализируются в создании эмоционального кода: *тогда лиловые фиалки Под пеньями во мху ласкаются* (Горянский, 1915); соматического: **Глаза – лиловые фиалки Цвели в тени твоих ресниц** (Верховский, 1908); *И горло, / Где тени спутанных жил (Так голубеют фиалки), Не может / не петь, / не глотать / и не жить* (Юрков, 1928); вестигального: *Наряжается фиалка Для него в кокошник синий!* (Фофанов, 1887); религиозного: *Незабудка и фиалка, Что синели меж травы, Обвились венцом любовно Вкруг Христовой головы* (Цветаева, 1941);

2) в пространственное географическое измерение, где актуализируется как противопоставление: **В Подмосковьи трещат морозы, На лету замерзают галки, А в Ялте растут мимозы, А в Мисхоре цветут фиалки** (Сельвинский, 1966), так и отождествление пространств: *От фиалок синеглазых Небом кажется земля* (Цветаева, 1940);

3) в темпоральное измерение: *цветет, Не старея, не зная измены, Мой лиловый цветок, Что зову я – Ночною Фиалкой* (Блок, 1905); демонстрируя течение времени: *Фиалка на заре блистала; Пред солнцем красовался цвет; Но в полдень с стебелька упала, И к вечеру фиалки нет!* (Гнедич, 1806); доминируя в создании ТК «Время года»: **Расцветали фиалки, распускались березки, Я брела по дороге, я дышала весной** (Верховский. 1920).

Изобразительно-выразительный потенциал дескрипций реализуется в 1) контрасте: **Фиалок беленьких цветет краса в крови** (Аксенов, 1934);

2) имплицитном цвете: *О ту пору о весеннюю, Как фиалка заневестилась* (Мандельштам, 1921); 3) авторском словотворчестве: *Там свечи трав затеплятся весной, И фимиам фиалок синезрачных* (Соловьев, 1906); 4) сравнительных конструкций: *На нежных дев походят дерева, У толстозадых баб Глаза похожи на фиалки* (Мариенгоф, 1925), которые становятся основой для создания цветообозначений.

ПК НКРЯ фиксирует 6 цветообозначений, созданных на основе дескрипции фиалки: *фиалковый* 17; *бледновато-фиалковый* 2; *бледно-бледно-фиалковый*, *туберкулезно-фиалковый*, *фиалково-узорный*, *цвет фиалки* 1. В контекстах: *В его глазах фиалкового цвета Дремал в земном небесно-зоркий дух* (Бальмонт, 1917); *на том берегу, Дома, соборы, завод, Или ряд фиалковых гор?* (Моравская, 1916). **Фиалковый** коррелирует преимущественно с соматизмом глаза (3), *глубь очей* (1), лексемами *волна, гора, магний, море, мать, огонь, риза, фиал, цвет* и др. В контекстах: *Шерсти, тарентинскою выкрашенной краской, Котора фиалкову цвету подражает!* (Кантемир, 1740); *Фиал фиалковых небес Над вешиим лесом опрокинут* (Бурлюк, 1924).

ПК НКРЯ обнаруживает следующие цветообозначения, основанные на дескрипции фиалки: цв. *фиалки* [небо]: *Цвет фиалки небом овладел, Барвинок – водой* (Коневской, 1897); *бледновато-фиалковый* [хризантема]: *Вы прислали с субреткою мне вчера хризантэмы – Бледновато-фиалковые, бледновато-фиалковые; бледно-бледно-фиалковый* [боа]: *Как боа хризантэмное бледно-бледно-фиалково!* (Северянин, 1911); *туберкулезно-фиалковый*: *Вы из окошка, туберкулезно-фиалковая, Увидали меня и вышли на площадку* (Шершеневич, 1913); *фиалково-узорный* [стрекоза]: *Стрекоз фиалково-узорных Лиловым взором ловишь ты* (Набоков, 1916).

При сопоставлении значимых в визуализации фиалки цветообозначений (список 1 – словари, 2 – НАЭ, 3 – НКРЯ, 4 – ПК НКРЯ) обнаруживается область пересечения, репрезентирующая ядро цвета и периферию: в четырех

списках фиксируется *белый*, в трех – *голубой, зеленый, красный, лиловый, синий, черный* (2–4); *фиолетовый* (1–3); *желтый* (1, 2, 4); в двух – *розовый* (2, 3), лексемы со зн. ‘быть в цвету’, со зн. ‘свет’, со зн. интенсивности окраски (3, 4). Интерес представляют стилистически маркированные цветообозначения: *лазоревый* (трад.-поэт.); лексемы со зн. неоднородности окраски (*неодноцветный*), цветовые прототипы (*фиалка*). С количественной стороны, доминирует *фиолетовый* (ср. *фиолетовый* ‘имеющий цвет фиалки: синий с красноватым оттенком’), лексемы со зн. ‘быть в цвету’.

Цвет фиалки. Рекламный дискурс, реализующий как стратегии рационалистического, так и проекционного типа, предоставляет носителю обыденного сознания и копирайтеру широкие креативные возможности. В результате анализа рекламных текстов нами выявлено **35** цветообозначений, созданных на основе описания фиалки: *бледно-фиалковый, жемчужно-фиалковый, колдовская фиалка, лавандово-фиалковый, легкий фиалковый, лилово-фиалковый, небесно-фиалковый, нежной фиалки, нежно-фиалково-голубой, нежно-фиалковый, пастельно-фиалковый, пыльная фиалка, пыльно-фиалковый, розово-фиалковый, светло-фиалковый, серо-фиалковый, сине-фиалковый, сиренево-фиалковый, темная фиалка, темно-сине-фиалковый, темно-фиалковый, фиалка / фиалки, фиалковая лагуна, фиалковая пудра, фиалковая роса, фиалково-голубой, фиалково-лавандовый, фиалково-розовый, фиалково-серый, фиалково-сиреневый, фиалково-чернильный, фиалковый, фиалковый контур, фиолетово-фиалковый, ярко-фиалковый*. Цветообозначения коррелируют с номинациями товаров, принадлежащих категориям «Бытовая техника», «Велосипеды», «Детская одежда и обувь», «Коллекционирование», «Кошки», «Красота и здоровье», «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Планшеты и электронные книги», «Посуда и товары для кухни», «Растения», «Спорт и отдых», «Телефоны», «Товары для детей и игрушки», «Товары для животных», «Часы и украшения».

Широко распространены (24) композиты различной структуры: двухкомпонентные (цв. *сине-фиалковый, фиалково-голубой; бледно-фиалковый, нежно-, пастельно-, светло-, темно-, ярко-*); трехкомпонентные (*нежно-фиалково-голубой, темно-сине-фиалковый*). В контекстах: *Босоножки женские, очень красивый лавандово-фиалковый цвет*¹. В основе ряда цветообозначений лежит не столько информативная (цвет), сколько образная составляющая (*колдовская фиалка, фиалковая пудра* и др.): *Стекловолоконная броня Euc You (чехол) для МСМ5. Цвет чехла хамелеон – фиалковая лагуна, смотрится красиво*²; *Гель-лак Elpaza, цвет фиалковая роса*³.

В количественном отношении превалирует *фиалковый*, значение которого трактуется вариативно: *Блузка, очень красивый фиалковый цвет. Цвет: голубой*⁴; *Сапоги Le Saunda, неповторимый фиалковый цвет. Цвет: серый*⁵; *Вязаная сумка-мешок, красивый цвет – пыльно-синий, фиалковый. Цвет: синий*⁶; *Брюки в фиалковом светлом цвете. Цвет: фиолетовый*⁷. Второй по ранжиру – цв. *фиалка / фиалки*, значение которого определяется как ‘розовый’, ‘фиолетовый’: *Пальто-рубашка Reserved цвета фиалки. Цвет: розовый*⁸; *Жакет женский, цвет фиалка. Цвет: фиолетовый*⁹.

1. https://www.avito.ru/sevastopol/odezhda_obuv_aksessuary/bosonozhki_zhenskie_2442370677?slocation=621540

2. https://www.avito.ru/ekaterinburg/sport_i_otdyh/steklovolokonnaya_bronya_euc_you_chehol_dlya_mcm5_2507426404?slocation=621540

3. https://www.avito.ru/simferopol/krasota_i_zdorove/gel_lak_elpaza_fialkovaya_rosa_2280608818?slocation=621540

4. https://www.avito.ru/novokuznetsk/detskaya_odezhda_i_obuv/bluzka_rost_140-152_3029949600?slocation=621540

5. https://www.avito.ru/moskva/odezhda_obuv_aksessuary/sapogi_2277588459?slocation=621540

6. https://www.avito.ru/moskva_zelenograd/odezhda_obuv_aksessuary/sumka_vyazannaya_2468011483?slocation=621540

7. https://www.avito.ru/ekaterinburg/odezhda_obuv_aksessuary/bryuki_kostyumnye_2976448864?slocation=621540

8. https://www.avito.ru/sankt-peterburg/odezhda_obuv_aksessuary/palto_rubashka_zhenskaya_3061390580?slocation=621540

9. https://www.avito.ru/tarko-sale/odezhda_obuv_aksessuary/zhaket_zhenskiy_2724215929?slocation=621540

Специфика функционирования.

1. Вариативность трактовки значения цвета: *Романтичное платье светло-фиалкового цвета*. Цвет: **голубой**¹; *Красивые лоферы Dr. Martens светло-фиалкового цвета, для девочки*. Цвет: **фиолетовый**².

2. В силу прагматики рекламного текста значимость приобретает точная передача цветового впечатления: *Платье-рубашка, красивый фиалковый цвет, не синее*³; *Коляска Socoline фиалкового цвета (на деле – серого)*⁴. Создателями текста поднимается вопрос корректной цветопередачи (качество фото): *Комбинезон фиалковый. Не передает телефон*⁵; *Керамическая тарелка фиалкового цвета (на фото выглядит синее и темнее)*⁶; отмечается, что восприятие цвета может зависеть от ряда факторов, в частности от освещения: *Шуба женская. Цвет мокко, капучино, фиалково-розовый, в зависимости от освещения*⁷.

Авторы «продающего» текста прибегают к уточнению цвета, которое достигается: а) введением дополнительных цветообозначений: *Куртка O'Stin, цвет фиалковый (нежно-голубой)*⁸; вплоть до синонимического ряда: *Кошелек*

---

1. https://www.avito.ru/irkutsk/odezhda_obuv_aksessuary/plate_emka_2488036609?slocation=621540

2. https://www.avito.ru/naberezhnye_chelny/detskaya_odezhda_i_obuv/dr_martens_31_razmer_lofery_3192025712?slocation=621540

3. https://www.avito.ru/saratov/odezhda_obuv_aksessuary/plate_rubashka_novoe_sm_giovane_3250688812?slocation=621540

4. https://www.avito.ru/ivanovskaya_oblast_shuya/ovary_dlya_detey_i_igrushki/kolyaska_2_v_1_2880824653

5. https://www.avito.ru/volgograd/detskaya_odezhda_i_obuv/zimniy_kombinezon_2736625048?slocation=621540

6. https://www.avito.ru/moskva/posuda_i_ovary_dlya_kuhni/tarelka_keramicheskaya_2881253161?slocation=621540

7. https://www.avito.ru/sankt-peterburg/odezhda_obuv_aksessuary/shuba_norkovaya_toto_2944635384?slocation=621540

8. https://www.avito.ru/krasnodar/odezhda_obuv_aksessuary/kurtka_zhenskaya_vetrovka_osenvesna_golubaya_2667180337

женский *сиреневого / фиолетового / фиалкового цвета*¹; Женский жакет Rundholz, *цвет сине-фиалковый, ближе к синему / электрик*²; до актуализации фитонимических параллелей: *Босоножки Paolo Conte. цвет фуксия, фиалковый*³; б) цифровым обозначением цвета (согласно каталогу): *Пряжа Мерино де Люкс, цвет 560 фиалковый*⁴; *Сумка ярко-фиалкового цвета (по классификации производителя, цвет – королевский клевер)*⁵.

3. Широкая оценочность (красивый, модный, натуральный, нежный, нереальный, приятный, редкий, роскошный, трендовый, уникальный и др.): *Красивое платье сложного фиалкового цвета* (голубое с фиолетовым)⁶; *Нарядный костюм чудесного сиренево-фиалкового цвета*⁷. Особое внимание уделяется признаку насыщенности цвета: *Платье нежно-фиалкового разбеленного цвета*⁸; *Стул, цвет очень фиалковый*⁹. Значимой представляется темпоральная характеристика: *Джинсы Forever трендового фиалково-лавандового цвета*¹⁰; *Шикарнейший костюм от Е. Нестерук*.

1. https://www.avito.ru/domodedovo/odezhda_obuv_aksessuary/koshelek_portmone_zhenskiy_fioletovyy_2908666989?slocation=621540
2. https://www.avito.ru/moskva/odezhda_obuv_aksessuary/zhaket_zhenskiy_rundholz_studio_2340092393
3. https://www.avito.ru/moskva/odezhda_obuv_aksessuary/bosonozhki_r_40_novye_paolo_conte_3205390964?slocation=621540
4. https://www.avito.ru/gelendzhik/sport_i_otdyh/pryazha_merino_de_lyuks_7motkov_po_100gr_sherstakril_2025308922?slocation=621540
5. https://www.avito.ru/sankt-peterburg/odezhda_obuv_aksessuary/fioletovaya_kozhanaya_sumka_871887384
6. https://www.avito.ru/moskva/odezhda_obuv_aksessuary/plate_44_2507150097?slocation=621540
7. https://www.avito.ru/ivanovo/odezhda_obuv_aksessuary/naryadnyy_bryuchnyy_kostyum_1107155609?slocation=621540
8. https://www.avito.ru/ekaterinburg/odezhda_obuv_aksessuary/plate_2984200004?slocation=621540
9. https://www.avito.ru/novosibirsk/mebel_i_interer/stul_2185615767
10. https://www.avito.ru/moskva/odezhda_obuv_aksessuary/bryuki_dzhinsy_fioletovye_2807580276?slocation=621540

*Укороченный жакет и юбка, цвет фиалковый, цвет Pantone 2023*¹; гендерная соотнесенность: *Комбинезон-трансформер для малыша! Нежно-фиалковый цвет подойдет как для девочки, так и для мальчика*².

4. В «продающих» описаниях значима сочетаемость цветов: *Снуд красивого фиалкового цвета, очень красиво с весенним пальто. Цвет подойдет практически к любому другому цвету*³; влияние, которое ОКАЗЫВАЕТ ЦВЕТ: *Пять образцов лавандовых танзанитов! Знаменитый фиалковый цвет, радующий глаз*⁴.

5. При реализации стратегии эмоциональной типа – актуализация культурологического потенциала: *Платье в нежно-фиалковом цвете (цвет королев)*⁵; цвета прецедентного феномена: *Платье цвета фиалки Принцессы Софии*⁶; *Платье в фиалковом цвете для настоящей Мальвины*⁷.

Состав выявленных в рекламном тексте цветообозначений (35) сопоставим с фиксируемыми А.П. Василевичем: *альпийская фиалка* ‘насыщенный фиолетовый’ (Василевич 2005. 142); *фиалковый, увядшая фиалка, темная фиалка, лесная фиалка* (Василевич 2005. 199); В.К. Харченко: *нежно-фиалковый* ‘похожий цветом на фиалки, бледновато-лиловый’ (Харченко 2021. 328); *фиалка* ‘цвета фиалки, тонко лиловый’; *фиалково-голубой* ‘цвета фиалок,

---

1. https://www.avito.ru/volgograd/odezhda_obuv_aksessuary/kosyum_niv_niv_2705791657?slocation=621540

2. https://www.avito.ru/vyborg/detskaya_odezhda_i_obuv/kombinezon_detskiy_1902466504?slocation=621540

3. https://www.avito.ru/dinskaya/odezhda_obuv_aksessuary/snud_2736926370?slocation=621540

4. https://www.avito.ru/kazan/kolleksionirovanie/tanzanit_3204422030?slocation=621540

5. https://www.avito.ru/uhta/odezhda_obuv_aksessuary/vechernee_plate_v_pol_42_44_2409838769?slocation=621540

6. https://www.avito.ru/moskva/detskaya_odezhda_i_obuv/naryadnoe_plate_tsvet_fialki_printsessy_sofii_1829361697?slocation=621540

7. https://www.avito.ru/nizhniy_novgorod/odezhda_obuv_aksessuary/plate_3126007108?slocation=621540

лилово-голубой’; *фиалково-темный* ‘темно-лиловый’; *фиалковый* ‘сиреневатый, нежно лиловый, цвета фиалок’; *фиалкокудрый* ‘с лиловатым оттенком волос’ (Харченко 2021. 589); Н.Б. Бахилиной: *лесной фиалки, садовой фиалки* (Бахилина 1975. 252). В результате формируем список из 47 цветообозначений: *альпийская фиалка, бледно-бледно-фиалковый, бледновато-фиалковый, бледно-фиалковый, жемчужно-фиалковый, колдовская фиалка, лавандово-фиалковый, легкий фиалковый, лесная фиалка / лесной фиалки, лилово-фиалковый, мартовской фиалки, небесно-фиалковый, нежной фиалки, нежно-фиалково-голубой, нежно-фиалковый, пастельно-фиалковый, пыльная фиалка, пыльно-фиалковый, розово-фиалковый, садовой фиалки, светло-фиалковый, серо-фиалковый, сине-фиалковый, сиренево-фиалковый, темная фиалка, темно-сине-фиалковый, темно-фиалковый, туберкулезно-фиалковый, увядающей фиалки, увядшая фиалка / увядших фиалок, фиалка / фиалки, фиалковая лагуна, фиалковая пудра, фиалковая роса, фиалково-голубой, фиалково-лавандовый, фиалково-розовый, фиалково-серый, фиалково-синий, фиалково-сиреневый, фиалково-темный, фиалково-узорный, фиалково-чернильный, фиалковый, фиалковый контур, фиолетово-фиалковый, ярко-фиалковый, инвентаризация которых, описание специфики функционирования значимы в целях создания описания цветовой концептосферы флористического пространства языка.*

Заключение

Основные результаты исследования: 1) на материале лексикографических источников, данных НАЭ, НКРЯ, ПК НКРЯ выявлен спектр (12) значимых в колористической визуализации фиалки цветообозначений (*белый, голубой, желтый, зеленый, красный, лазоревый / лазурный, лиловый, розовый, синий, сиреневый, фиолетовый, черный*); установлено расширение спектра лексемами со зн. ‘быть в цвету’, с корнем -цвет-, со зн. интенсивности, неоднородности

окраски, со зн. 'утратить цвет', со зн. 'свет', со зн. имплицитного цвета (*заневеститься*), прототипичного цвета (*фиалка*); выявлен состав композитов (17) и цепочек цвета (8), призванных точно передать цветовое впечатление; установлены доминанты цвета (лексемы со зн. 'быть в цветущем'; *фиолетовый*); описана сочетаемость цветообозначений; 2) раскрыт функционал дескрипций: от онтологической до прототипической функции; 3) установлен состав цветообозначений, основанных на колористической дескрипции фиалки (47), описаны сферы их денотации; 4) выявлена специфика их функционирования: вариативность трактовки значения цвета; значимость корректной цветопередачи и способы ее достижения; оценочность; актуализация культурологического потенциала. Полученные результаты вносят определенный вклад в решение стоящей перед лингвистами, работающими в области лингвистики цвета, задачи реконструкции цветовой концептосферы языка.

Литература

- 1- Бахилина Н.Б. (1975). *История цветообозначений в русском языке*. М.: Наука. 288 с.
- 2- Горбовская С.Г. (2021). Генезис растительных образов в поэзии Марселины Деборд-Вальмор: от «бедных цветов» к «букетам и молитвам» // *Растительные, ландшафтные и садово-парковые образы во французской литературе XIX века* / под ред. Т.В. Нужной. СПб.: РГГМУ. С. 56-78.
- 3- Кульпина В.Г. (2001). *Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках*. М.: «Московский Лицей». 470 с.
- 4- Кульпина В.Г., Сивова Т.В. (2023). Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» // *Язык, сознание, коммуникация*: сб. статей. Вып. 64. М.: «Макс-Пресс». С. 26-54.
- 5- Купер Дж. (1995). *Энциклопедия символов*. М.: «Золотой Век». 401 с.
- 6- Семочко С.В., Шумарова Я.А. (2020). Фитонимы в первичной и вторичной номинации (на материале немецкого и русского языков) // *Язык, коммуникация и социальная среда*. № 18. ВГУ. С. 143-155.

- 7- Сивова Т.В. (2018). *Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 29 с.
- 8- Харченко В.К. (2021). *Словарь цвета*. Белгород: ИД «БелГУ». 656 с.
- 9- *Цвет и названия цвета в русском языке* (2005). / под ред. А.П. Василевича. М.: «КомКнига». 216 с.

СЛОВАРИ и принятые сокращения

- 10- *Авито*. Сайт частных объявлений. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 19.07.2023).
- 11- *Большой толковый словарь русского языка* (2000). / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт». 1536 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 24.11.2023).
- 12- *Национальный корпус русского языка*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.03.2021).
- 13- *Русский ассоциативный словарь* (2002). / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: «АСТ-Астрель». 784 с. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 24.11.2023).
- 14- *Русский семантический словарь* (2002). Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН. 807 с.

Bibliography

- 1- Bakhilina N.B. (1975). *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke*. М.: Nauka. 288 s.
- 2- Gorbovskaya S.G. (2021). *Genesis rastitel'nykh obrazov v poezii Marseliny Debord-Val'mor: ot «bednykh tsvetov» k «buketam i molitvam» // Rastitel'nye, landshaftnye i sadovo-parkovye obrazy vo frantsuzskoy literature XIX veka / pod red. T.V. Nuzhnoy*. SPb.: RGGMU. S. 56-78.
- 3- Kul'pina V.G. (2001). *Lingvistika tsveta. Terminy tsveta v pol'skom i russkom yazykakh*. М.: «Moskovskiy Litsey». 470 s.
- 4- Kul'pina V.G., Sivova T.V. (2023). *Ob izdatel'skom proekte «Lingvistika tsveta: entsiklopedicheskiy slovar'» // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. statey*. Vyp. 64. М.: «Maks-Press». S. 26-54.
- 5- Kuper Dzh. (1995). *Entsiklopediya simvolov*. М.: «Zolotoy Vek». 401 s.

- 6- Semochko S.V. Shumarova Ya.A. (2020). Fitonimy v pervichnoy i vtorichnoy nominatsii // *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*. № 18. VGU. S. 143-155.
- 7- Sivova T.V. (2018). *Vzaimosvyaz' tsveta, sveta i khronotopa v yazyke proizvedeniy K.G. Paustovskogo*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Minsk, 29 s.
- 8- Kharchenko V.K. (2021). *Slovar' tsveta*. Belgorod: ID «BelGU». 656 s.
- 9- *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* (2005). / pod red. A.P. Vasilevicha. M.: «KomKniga». 216 s.

SLOVARI i prinjatyje sokrashhenija

- 10- *Avito*. Sayt chastnykh ob"yavleniy. URL: <https://www.avito.ru> (data obrashcheniya: 19.07.2023).
- 11- *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (2000). / red. S.A. Kuznetsov. SPb.: «Norint». 1536 s. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar> (data obrashcheniya: 24.11.2023).
- 12- *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (data obrashcheniya: 10.03.2021).
- 13- *Russkiy assotsiativnyy slovar'* (2002). / redkol.: Yu.N. Karaulov [i dr.]. M.: «AST-Astrel'». 784 s. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (data obrashcheniya: 24.11.2023).
- 14- *Russkiy semanticheskiy slovar'* (2002). *Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* / pod red. N.Yu. Shvedovoy. M.: Institut russkogo yazyka RAN. 807 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sivova Tatyana Viktorovna (2024). COLOUR OF VIOLET IN THE RUSSIAN COLOUR CONCEPTOSPHERE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 147-167.

DOI: 10.61186/iarll.23.9

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/308>

رنگ گل بنفشه در دامنه مفهومی رنگ در زبان روسی

تاتیانا ویکتورونا سیووا^{۱*}

دانشیار، دانشگاه دولتی یانکا کوپالا شهر گرودنو،
گرودنو، بلاروس.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

مقاله پیش رو دربردارنده نتایج پژوهشی با ویژگی چندگفتمانی است (مواد زبانی پژوهش عبارتند از فرهنگ واژگان، داده‌های پژوهش محاسباتی انجام گرفته نویسنده، و نیز مواد برگرفته از «بدنه ملی زبان روسی»). پژوهش حاضر به بازسازی گل بنفشه در دامنه مفهومی رنگ در فضای گل و گیاه در زبان روسی اختصاص دارد. در نتیجه پژوهش: (۱) ترکیب مؤلفه‌های رنگی اصلی در تجسم یافتن گیاه با اصطلاحات رنگ (۱۲ مورد) مشخص گردیده است؛ گسترش طیف رنگ شرح داده شده است؛ حوزه‌های نشان دادن اصطلاحات رنگ ایجاد شده است. (۲) پتانسیل عملکردی توصیفات رنگ در نقش‌های هستی‌شناختی، اصطلاح‌شناسی، بصری-بیانی، کرونوتوپی، نمونه اولیه مشخص گردیده است؛ (۳) ترکیب اصطلاحات رنگ بر پایه توصیف بنفشه (۴۷ مورد) مشخص گردیده است، حوزه‌های معنای صریح رنگ‌ها شرح داده شده است؛ (۴) ویژگی عملکرد آنها که شامل تنوع تفسیر معنای رنگ، اهمیت بازتولید (انتقال) صحیح غیرمستقیم رنگ، ارزیابی گسترده، به روزرسانی پتانسیل فرهنگ‌شناسی (طیف‌های رنگی پدیده‌های پیشین) است، مشخص گردیده است.

واژگان کلیدی: زبان‌شناسی رنگ، مجموعی از مفاهیم، اصطلاح «رنگ»، فیتونیم، آگاهی زبانی.

1. E-mail: sitavi@tut.by; <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی-پژوهشی

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF THE TEXT "THE TALE OF THE FISHERMAN AND FISH" AND "THE LITTLE BLACK FISH"

Kalashi Nahideh^{1*}

Assistant professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University, Tehran, Iran.

(date of receiving: September 2023; date of acceptance December 2023)

Abstract

This article identifies and describes the key concepts of Iranian and Russian culture, compares the language picture of the world of the two peoples through a linguistic and cultural analysis of A.S. Pushkin "The Tale of the Fisherman and the Fish" and Samad Behrangi "The Little Black Fish". The creation and development of linguocultural competence of students today is one of the most important tasks of teaching a foreign language (in our case, Russian as a foreign language in Iran). Therefore, the relevance of the topic of the article lies in the following: The need to develop linguocultural competence of students for the communicative use of lexical means of the Russian language in all types of speech activity; the need to develop students the ability to see what is common and different in another language, culture, to appreciate and respect their own culture and the culture of another people. The linguocultural meanings found during the analysis will allow students to more fully and deeply understand both their native culture and the culture of the language being studied.

Keywords: Linguistic and Cultural Analysis, Text, Key Concepts Of Culture, Iran, Russia, A.S. Pushkin, Samad Behrangi.

---

1. E-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8691-3959> * Corresponding author

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА «СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» И «ЧЕРНАЯ РЫБКА»

Калаши Нахидех^{1*}

Преподаватель кафедры русского языка факультета литературы,
университет Аль-Захра,
Тегеран, Иран.

(дата получения: сентябрь 2023 г., дата принятия: декабрь 2023 г.)

Аннотация

В данной статье выявляются и описываются ключевые концепты иранской и русской культур, сравнивается языковая картина мира двух народов через лингвокультурологический анализ сказок А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» и Самада Бехранги «Черная рыбка». Создание и развитие у обучающихся лингвокультурной компетенции сегодня является одной из важнейших задач обучения иностранному языку (в нашем случае – русскому языку как иностранному в Иране). В связи с этим актуальность темы статьи заключается в необходимости формирования лингвокультурной компетенции у учащихся для коммуникативного использования лексических средств русского языка во всех видах речевой деятельности; необходимости формирования у учащихся умения видеть общее и отличное в другом языке, культуре, ценить и уважать свою культуру и культуру другого народа. Лингвокультурные смыслы, обнаруженные при анализе, позволят обучающимся полнее и глубже понимать как свою родную культуру, так и культуру изучаемого языка.

Ключевые слова: Лингвокультурологический анализ, текст, ключевые концепты культуры, Иран, Россия, А.С. Пушкин, Самад Бехранги.

---

1. E-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8691-3959> * Ответственный автор

Введение

Одним из главных методов исследования в лингвокультурологии является лингвокультурологический анализ текста, который состоит в рассмотрении культурной информации, хранящейся в тексте, и лингвокультурных смыслов, стоящих за языковыми единицами, а также в выявлении ценностей обеих культур – своей и чужой.

Лингвокультурологический анализ художественного текста как требование современного языкознания включает в себя выявление разноуровневых языковых единиц, которые непосредственно репрезентируют народную, лингвоэтническую, лингвострановедческую, страноведческую среду и служат средствами определения этнической действительности. В связи с этим очевидна потребность в следующем: в создании культурной семантики многоуровневых лексических единиц и их связи с конкретным этносом и народом; в выяснении этнического характера информации, передаваемой в тексте; в поиске и описании особенностей реализации авторской мысли в тексте. Наша гипотеза состоит в следующем: выявление и описание ключевых концептов иранской и русской культуры; сравнение языковой картины мира двух народов через лингвокультурологический анализ художественного произведения поможет обучающимся глубоко понимать национально-культурную специфику культуры других народов, а также познать иную культуру через призму своей культуры.

В настоящее время одной из важнейших задач обучения иностранному языку (в нашем случае – РКИ в Иране) является создание и развитие у обучающихся лингвокультурной компетенции. Лингвокультурная компетенция – это система знаний, умений и навыков каждой личности, связанных с культурой общества как целостной единицы. Для достижения этой цели требуется не только усвоить лексико-грамматические единицы нового языка, но и понимать их национально-культурную специфику,

поскольку многие слова из двух разных языков редко совпадают по значению полностью. Нам казалось, что лингвокультурологический анализ текста как главный метод исследования в лингвокультурологии подходит для достижения поставленной цели. И это может иметь практическую значимость при изучении русского языка и переводе художественных текстов на русский/персидский язык.

Из этого мы заключаем, что помимо изучения собственно языка необходимо знать и историю русского народа, его культуру, мифологию и религию, фразеологизмы, традиции, обряды и ценности, то есть необходимо наполнить и обогатить сознание и память учащихся фоновыми знаниями.

Лингвокультурологический подход к обучению языку основывается на положении о том, что язык и культура тесно связаны между собой, а человек как член общества является, с одной стороны, основным носителем языка, а с другой стороны, культурой общества, то есть создатель и пользователь культуры.

Основная часть

При лингвокультурологическом анализе текст изучается как феномен культуры, исследуется восприятие культурной информации в тексте. Именно это и должно помочь в формировании у студентов лингвокультурной компетенции.

В силу этого при работе над текстом необходимо для начала вычленить из него сведения о культуре и верно интерпретировать их, а далее требуется сравнивать полученные культурные данные и ценности языковой картины мира родной культуры и культуры страны осваиваемого языка.

Лингвокультурологический анализ текста предписывает рассматривать лексические единицы, несущие в себе символическое и образно-метафорическое значение в той или иной культуре. Данные единицы языка

имеют культурные компоненты, то есть в их значении есть национально-культурная специфика (НКС). Например, словами с НКС является безэквивалентная лексика, описанная Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым [Верещагин, Костомаров 1980], к ним же относятся и лакуны, эталоны, стереотипы и символы, паремии, фразеологизмы и пр. (Маслова 2010); причисляют к ним и ключевые концепты культуры, прецедентные феномены и под. (Гудков 2003).

Фундаментальными для русской лингвокультурологии считаются пять концептов – «Вечность», «Закон», «Беззаконие», «Любовь», «Вера». Исследователь считает концепт «пучком» знаний, представлений, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово (Степанов 1997. 40). Согласно же А. Вежбицкой, ключевыми концептами русской культуры являются понятия «Душа», «Свобода», «Тоска», «Судьба» и «Авось». А. Вежбицкая считает, что «во всех языках мира имеются слова для обозначения основных человеческих понятий и всего, что вообще может быть выражено путем правильного соединения этих понятий» (Вежбицкая 2001. 15). Опираясь на мнение А. Вежбицкой, следует учитывать и тот факт, что если какое-то понятие актуально и ценно для одного языка, то совсем необязательно, что оно будет актуальным и ценным для другого языка. Кроме того, некоторые понятия отсутствуют в одном языке и присутствуют в другом, что и приводит к появлению безэквивалентной лексики.

К ключевым концептам иранской культуры разные исследователи относят такие единицы, как:

۱. آبرو (āberu) / شرف (šaraf)

[Честь, достоинство, доброе имя, репутация]

۲. ادب (adab)

[Вежливость]

۳. تعارف (ta'ārof)

[Общепринятые неписанные правила вежливости, этикет, комплимент]

۴. توحید و معنویت گرای (Tohid va Manaviyatgarāei)

[Монотеизм и духовность]

۵. شجاعت (šojāat) / شهامت و دلیری [Моин 2007]

[Храбрость, мужество и отвага]

۶. شهادت (šahādat)

[Мученическая или героическая смерть]

۷. غرور ملی (qorur melli)

[Национальная гордость]

۸. غیرت (qeyrat)

[Ревность, гнев, самолюбие, чувство чести и достоинства, готовность оберегать и защищать]

۹. فتوت / جوانمردی (fotowat/ javānmardi)

[Рыцарство, мужественность]

۱۰. مَحْرَم (mahram)

[Близкий родственник; духовно близкий человек]

۱۱. هویت ملی

[Национальная самобытность] (Восканян 2013).

Благодаря изучению вышеуказанных слов как ключевых концептов персидского языка мы сможем легче понимать иранскую культуру и сравнивать её с русской.

Приведем еще один пример. Иранский поэт Абулькасим Лахути, проживший немало лет в СССР, писал об Иране так: «Память о тебе воткана в моё естество, Родина, о Родина!». Понятие естества может быть названо ещё одним важнейшим концептом иранской культуры, который А. Лахути использовал в своём творчестве.

В наше время в методике преподавания РКИ немалое значение вновь приобретает приобщение учащихся к различным формам неизвестной, новой

для них культуры через сопоставление её фактов и концептов с теми, что имеются в родной культуре. Особое внимание при этом следует обращать на фольклорное наследие, воплощающее наиболее важные национально-специфические черты.

Лингвокультурологические характеристики народной сказки базируются на её возможности отражать и аккумулировать в своём содержании и форме как универсальные ценности, так и национальную специфику культуры и языка сочинившего её народа. Однако особенно интересны для исследования авторские сказки, которые стали восприниматься как народные.

Попробуем произвести лингвокультурологический анализ текста, для чего рассмотрим русскую и иранскую сказки, выбрав в качестве материала для анализа «Сказку о рыбаке и рыбке» (1833) А.С. Пушкина [Пушкин, электронный ресурс] и сказку «Черная рыбка» (1967) Самада Бехранги (Бехранги 2006). Необходимо учитывать, что те студенты, что изучают русский язык в иранских вузах, интересуются русской и иранской сказками с целью их сопоставительного изучения, что делает наш разбор актуальным.

«Сказка о рыбаке и рыбке» – это литературная авторская сказка, которая рассказывает о непростой жизни простых людей, о жадности и наглости старухи и бескорыстном благородстве старика. Сказка ярко выражает национальный колорит, имея, кроме того, и мифологические истоки. Как установил М.К. Азадовский, «Сказка о рыбаке и рыбке» отчасти восходит к сказкам братьев Grimm (Азадовский 1938. 65–75). Пушкин построил свою сказку «Сказка о золотой рыбке» на традиционном фольклорном противопоставлении двух миров – реального (жизнь приморских крестьян) и мистического, мифологического (морской мир золотой рыбки; важно отметить, что многие русские крестьяне считали море чуждой и опасной стихией, особым миром со своими правилами). Так, в сказке представлены

сакральные числа 33 и 3, несомненно восходящие к славянской мифологии. Число 33 у славян означает духовное совершенствование человека, переходный период в его жизни, а также указывает на возраст Христа. В начале произведения указывается, что старик и старуха прожили тридцать лет и три года, что означает, что в их жизни скоро должны начаться перемены. Число 3 – это многочисленные троекратные повторы, они характерны для жанра сказок в целом (трижды закинул невод). Объяснить появление этого числа можно также с помощью мифов и религии. Так, дух, душа и тело – это христианская троица важнейших составляющих человека. Троицтво Бога – один из главных принципов современного христианства. Жизнь человека подразделяется на 3 этапа: рождение, жизнь, смерть. В мифологии для успеха нужно привлечь три основных равнодействующих силы, только тогда можно получить нужный результат. Именно поэтому существует обычай трижды целоваться, трижды стучать по дереву, трижды кланяться, трижды кричать «ура» и пр.

Культурологический смысл сказки можно выразить так: необходимо совершенствоваться духовно, без этого невозможно развитие людей и страны. В сказке найдены слова, несущие созидательный смысл.

Концепт «рыба» в русской лингвокультуре является символом Божества, удачи и возможных перемен к лучшему. В христианстве это символ Христа. Золотая же рыбка есть символ успеха, удачи, иногда богатства. Можно сказать, что в сказке мы наблюдаем взаимодействие между божественным могуществом (рыбка), смирением как проявлением русского национального характера (старик) и порицаемым у русских честолюбием и тщеславием (старуха). Бескорыстие старика («Бог с тобой, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо») выступает как культурная ценность. Далее, концепт «море» – это символ стихии, неподвластной человеку, а также метафорический синоним бесконечности и вечности. В сказке оно представлено как место обитания

божества (рыбки).

Данная сказка также формирует у нас некоторые представления о жизни крестьян. Например, «землянка» – это небольшой домик, оборудованный в земле, символ бедности в русской культуре, так как это самое примитивное жилище у славян. Данная национально маркированная лексическая единица требует особых разъяснений и комментариев в иранской аудитории, поскольку обустройство жилищ в земле для Ирана нехарактерно. Реалия «откуп» – это система сбора налогов с населения. В сказке, далее, наличествует и концепт «победа добра над злом».

Самад Бехранги (1939-1967)- иранский детский писатель, получил известность благодаря своей книге «Черная рыбка» (ماهی سیاه کوچولو). Поскольку в своих детских сказках он затрагивал проблемы бедности и несправедливости с позиций, близких к социалистическим, многие из его произведений было запрещено издавать при Пехлеви (1925-1979) – иранской шахской династии (Бехранги 2022).

«Черная рыбка» – это самое известное творение иранского писателя С. Бехранги. Оно написано в жанре аллегории: автор выражает языком маленькой рыбки мечты о свободе современных ему людей. Это символическая сказка, которая заменяет одно явление другим с помощью культурных и языковых метафор и таким образом перемещает субъект из простого состояния в многомерное. Героиня сказки жаждет увидеть море и ради этого отправляется в долгий и опасный путь. Постор, куда в итоге прибывает Черная рыбка, является символом новой, свободной жизни, о которой мечтает молодежь. В данной сказке, как и в других произведениях С. Бехранги, отражены стремление к свободе и единению, призыв людей к борьбе с гнётом и насилием.

Важно отметить, что эту историю мы слышим от старой рыбки, рассказывающей её своим внукам в глубоком море в ночь «Челле». Шаб-е Челле (перс. شب چله "shabe chelle") – это древний иранский праздник,

первоначально его отмечали самой длинной ночью года, накануне зимнего солнцестояния, что связано с культом Митры, так как считалось, что персидский Бог солнца, света и правды родился именно в Шаб-е Челле.

В книге о черной рыбке автор стремится обратиться к важнейшим понятиям жизни и сообщить детям и подросткам правильные представления о них. Одним из таких понятий является смерть. Очень важно, как понятие смерти сначала запечатлевается в сознании детей. В этом рассказе, кратком, но глубоком, С. Бехранги рисуется картина смерти, но автор не только не думает о ней как о препятствии или бедствии, но даже считает стимулом продолжать жить, и, главное, жить хорошо. «Смерть может легко прийти ко мне сейчас, но я не должен смотреть в лицо смерти, пока я могу жить. Конечно, если мне когда-нибудь придется столкнуться со смертью – а я это сделаю – это не имеет значения, важно то, как моя жизнь или смерть повлияют на жизнь других...» (Мехрайин 2017).

Во время чтения истории о черной рыбке мысль иранца обычно обращается и к книге «Беседа птиц» – эпической философской поэме персидского суфийского мыслителя Аттара (Хагани, электронный ресурс).

В истории «Беседа птиц» منطق الطير «Manṭiq-ut-Ṭayr» тридцать цыплят (سى مرغ) «Simorq» или Симорг (سيمرغ) «Simorq» летят, чтобы изменить жизнь и достичь вершины и совершенства. Удод является предвестником этого движения, пытаясь донести до птиц текущую ситуацию и объяснить её. Однако птицы нередко боялись перемен, привыкнув к своей повседневной рутине, как, например, соловей, не желавший расставаться с цветком и опьяневший весной, или павлин, который живёт только в воздухе небес и хочет вновь вернуться туда. В книге описаны и другие птицы, такие, как ястребы, соловьи, куропатки, которые тоже не хотели переселяться на гору Каф, и лишь немногие смогли в итоге достичь этой вершины, являющейся символически той же вершиной, которую рыбы хотят достичь в сказке

Бехранги (море для рыб как гора для птиц).

Рыба в иранской культуре обозначает символически человека, движущегося к истине. А черный цвет является символом принципа совершенства и недостижимости, который соответствует цвету Каабы и представляет собой совокупность цветов, отражая широкий спектр понятий. Черная рыбка в иранской культуре – символ революционного и интеллектуального молодого поколения. С другой стороны, черный цвет символизирует власть, богатства, неизвестность и интеллект, а потому мы считаем, что Бехранги намеренно выбрал прилагательное «черный» вместо «умный».

Главные персонажи в этой сказке – рыбка, камбала, лягушка, краб, ящерица, улитка, пеликан. Так, в мифологическом сознании улитка – это символ рождения и смерти, знак вечного возрождения. Следует отметить, что улитка в сказке Бехранги, как и удод в «Беседе птиц» Атгара, – это мудрецы, которые знают истину и сообщают её тем, кто ищет знания.

Когда черная рыбка впервые увидела краба и испугалась, тот поздоровался издалека. Краб, поглядывая на неё, сказал: «Какая вежливая рыбка!» «Давай, малыш, давай, иди сюда!». Черная рыбка ответила: «Я собираюсь путешествовать по миру и не хочу быть жертвой вашего величества».

Краб сказал: «Почему ты такой пессимистичный и робкий, черная рыбка?» Краб в данном случае служит символом чужака, опасности. Мать и соседи черной рыбки – символы людей с поверхностным и ограниченным мировидением, людей, мешающих жить людям мудрым и знающим, противостоящих им. Черная рыбка – символ смелых и мудрых людей, рыбоед – символ сильных, но жестоких и глупых людей, ящерица – символ знающего, но неопытного человека, и т.д. Можно также отметить и ручей – символ ограды, которую каждый человек может обвести вокруг себя, как и тёплая и безопасная клетка, которая держит птицу, мысленно мечтающую о полёте.

Таким образом, нужно учитывать, какие лингвокультурные представления скрываются за теми или иными символами у иранцев и русских (например, русские вряд ли будут считать ручей символом ограды, добровольной или не очень клетки).

Мы можем видеть на этих примерах, что преподавание русского языка как иностранного невозможно без осознания языка как особого культурного явления, одного из главных носителей и хранителей национальной культуры. С помощью языка люди познают мир, язык помогает сохранять и передавать накопленные социокультурные знания от поколения к поколению. Культурное своеобразие отражается в национально-культурном компоненте значения языковых единиц, во фразеологии, пословицах, афоризмах.

Разработку лингвокультурологического подхода в обучении РКИ следует основывать на идее соизучения языка и культуры, которая является важной и актуальной, а художественный текст, транслирующий связь языка и культуры, должен служить ценным дидактическим материалом.

Пословицы и поговорки используются в качестве материала для осознания идеи произведения. В «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина встречаются такие пословицы, как: *не садися не в свои сани; жадность всякому горю печаль*. Это отображает осуждение русскими характера и действий старухи, а также тех, кого она аллегорически отражает. В сказке же «Черная рыбка» встречаются такие фразеологизмы, как:

- زیر پای کسی نشستن

(искушать, соблазнять, сбивать с пути истинного)

- سر کسی را زیر آب کردن

(убрать кого-л. со своего пути, покончить с кем-л.)

- زبان سرخ سر سبز دهد بر باد

(красный язык губит зелёную голову) = язык мой– враг мой. «Зелёный»

здесь как и по-русски «незрелый», «молодой» (Курогли 1992).

Заключение

Исходя из полученных нами данных, нам необходимо делать следующие выводы: при лингвокультурологическом анализе текста обучающиеся должны параллельно чтению получать необходимую информацию о мифологии, культурных смыслах и пр., а также при чтении текста следует выявлять разницу в образах с точки зрения лингвокультурологии. При этом обучающиеся должны понимать, как сравнивать, например, символические значения зоонимов и зоометафор в русском и персидском языках.

Сравнительно-сопоставительный анализ с родной для учащихся культурой формирует базирующуюся на понимании языковой (в русскоязычной) картины мира готовность инокультурного читателя к пониманию иноязычных текстов на концептуальном, эмоциональном и оценочном уровнях, таким образом знакомясь с культурными концептами в обеих культурах. Всё это поможет студентам-иранцам глубже понимать свою культуру и культуру осваиваемого языка.

Лингвокультурологическая работа с текстом сама по себе играет очень важную роль на уроках РКИ, а также русского языка и литературы, поскольку именно в ходе такого анализа студенты начинают осознавать реалии, которые очень важны не только для успешного развития коммуникативных навыков, но и для знакомства с чужой культурой, а также для более глубокого познания своей.

Литература

- 1- Азадовский М. К. (1938). *Литература и фольклор. Очерки и этюды.* – Ленинград: Государственное издательство «Художественная литература», С. 65-75 .
- 2- Бехранги Самад (2006). *Черная рыбка.* –Тегеран: Джамедаран.
- 3- Бехранги Самад (2022). *Сказки Бехранга.* –Тегеран: Негах, 8-ое издание.

- 4- Вежбицкая А. (2001). *Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики*. М.: Языки славянской культуры.
- 5- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (1980). *Лингвострановедческая теория слова*. М.: Русский язык.
- 6- Восканян Г.А. (2013). *Русско-персидский словарь*, Тегеран: . Фарханге моасер
- 7- Гудков Д.Б. (2003). *Теория и практика межкультурной коммуникации*. – М.. ИТДГК «Гнозис».
- 8- Деххода Алиакбар (2006). *Персидские пословицы и поговорки*. Т. 1,2,3 и 4, тринадцатое издание. Тегеран: Амир Кабир.
- 9- Курогли Халиг (1992). *Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова*. 1-ое издание. Тегеран: Гутенберг.
- 10- Маслова В.А. (2010), *Лингвокультурологии*. –М.: Академия.
- 11- Мехрайин Мортеза (2017). *Смерть и рождение, изнутри в глубину (психологическая критика маленькой черной рыбки, написанная Самадом Беранги) "Дастан Шираз"* //специализированный ежеквартальный журнал художественной литературы и современной поэзии. Второй год. пятый выпуск. осень 2017. С. 56-68
- 12- Моин М. (2007). *Толковый персидский словарь*. Тегеран. URL: <https://jadvalyab.ir/moein> فرهنگ معین در سایت جدولیاب (дата обращения 20.07.2023).
- 13- Ожегов С.И. *Словарь русского языка. Словопедия*/ С.И. Ожегов. URL: <http://www.slovopedia.com/4/202/654202.html>. (дата обращения: 20.07.2023)
- 14- Пушкин А.С. *Сказка о рыбаке и рыбке*. URL: <https://skazkiwsem.fun/skazka-o-rybake-i-rybke/> (дата обращения: 20.07.2023)
- 15- Степанов Ю.С. (1997). *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Школа языка русской культуры.
- 16- Хагани Негин (2020). *Критика сказки о маленькой черной рыбке*. Тегеран: ГАМА. URL: <https://gama.ir/test/detail/84028/> (дата обращения 20.07.2023)

Bibliography

- 1- Azadoskij M. K. (1938). *Literatura i fol'klor. Ocherki i jetjudy*. – Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», S. 65-75 .
- 2- Behrangi Samad (2006). *Chernaja rybka*. –Tegeran: Dzhamedaran.
- 3- Behrangi Samad (2022). *Skazki Behranga*. –Tegeran: Negah, 8-oe izdanie.

- 4- Vezhbickaja A. (2001). *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki*. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury.
- 5- Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. (1980). *Lingvostranovedcheskaja teorija slova*. M.: Russkij jazyk.
- 6- Voskanjan G.A. (2013). *Russko-persidskij slovar'*, Tegeran: Farhange moaser
- 7- Gudkov D.B. (2003). *Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii*. – M. ITDGG «Gnozis».
- 8- Dehoda Aliakbar (2006). *Persidvkie poslovcy i pogovorki*. T. 1,2,3 i 4, trinadcatoe izdanie. Tegeran: Amir Kabir.
- 9- Kurogli Halig (1992). *Persidvkie poslovcy, pogovorki i krylatye slova*. 1-oe izdanie. Tegeran: Gutenberg.
- 10- Maslova V.A. (2010), *Lingvokul'turologii*. –M.: Akademija.
- 11- Mehrajin Morteza (2017). *Smert' i rozhdenie, iznutri v glubinu (psihologicheskaja kritika malen'koj chernoj rybki, napisannaja Samadom Berangi) "Dastan Shiraz" //specializirovannyj ezhekvartal'nyj zhurnal hudozhestvennoj literatury i sovremennoj poezii. Vtoroj god. pjatyj vypusk. osen' 2017. S. 56-68*
- 12- Moin M. (2007). *Tolkovyj persidskij slovar'*. Tegeran. URL: <https://jadvalyab.ir/moein> فرهنگ معین در سایت جدولیاب (data obrashhenija 20.07.2023).
- 13- Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo jazyka. Slovedija/ S.I. Ozhegov*. URL: <http://www.slovedija.com/4/202/654202.html>. (data obrashhenija: 20.07.2023)
- 14- Pushkin A.S. *Skazka o rybake i rybke..* URL: <https://skazkiwsem.fun/skazka-o-rybake-i-rybke/> (data obrashhenija: 20.07.2023)
- 15- Stepanov Ju.S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury*. M.: Shkola jazyki russkoj kul'tury.
- 16- Hagani Negin (2020). *Kritika skazki o malen'koj chernoj rybke*. Tegeran: GAMA. URL: <https://gama.ir/test/detail/84028/> (data obrashhenija 20.07.2023)

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kalashi Nahideh (2024). LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF THE TEXT "THE TALE OF THE FISHERMAN AND FISH" AND "THE LITTLE BLACK FISH". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka I Literatury*, 12(1), 169-184.

DOI: 10.61186/iarll.23.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/302>

تحلیل زبانی-فرهنگی متن داستان‌های «ماهیگیر و ماهی» و «ماهی سیاه کوچولو»

ناهیده کلاشی^{*۱}

گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهراء،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۳)

چکیده

این مقاله با هدف شناسایی و تشریح مفاهیم کلیدی فرهنگ ایرانی و روسی از طریق تحلیل زبانی-فرهنگی در داستان‌های «ماهیگیر و ماهی» از الکساندر سرگئی یویچ پوشکین و «ماهی سیاه کوچولو» از صمد بهرنگی، نویسنده ایرانی جهان‌بینی زبانی دو ملت را با هم مقایسه کرده است. امروز شکل‌گیری توانش زبانی فرهنگی در فراگیران زبان یکی از مهم‌ترین وظایف آموزش یک زبان خارجی (زبان روسی به مثابه زبان خارجی) است. از همین رو اهمیت و ضرورت پژوهش حاضر عبارت است از: ضرورت رشد و پرورش توانش زبانی-فرهنگی در فراگیران زبان برای استفاده کاربردی از ابزار واژگانی زبان روسی در تمامی مهارت‌های ارتباط کلامی؛ ایجاد توانمندی در زبان‌آموزان برای فهم و درک اشتراکات و افتراقات در زبان و فرهنگ دیگری؛ احترام به فرهنگ خود و دیگری. بدین ترتیب معانی زبانی-فرهنگی به دست آمده در تجزیه و تحلیل داستان‌های مذکور، به زبان‌آموزان این امکان را می‌دهد که فرهنگ بومی خود و فرهنگ مردمی را که به آن زبان صحبت می‌کنند، به‌طور کامل و عمیق‌تر درک کنند.

واژگان کلیدی: تحلیل زبانی-فرهنگی، متن، مفاهیم کلیدی فرهنگ، ایران، روسیه، الکساندر پوشکین، صمد بهرنگی.

* نویسنده مسئول
نوع مقاله علمی-پژوهشی
1. E-mail: n.kalashi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-8691-3959>

THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF D. DANILOV (THE NOVELS “DESCRIPTION OF THE CITY” AND “SASHA, HELLO!”)

Kuryaev Ilgam Ryasimovich^{1*}

Senior Lecturer at National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia.

(date of receiving: November 2023; date of acceptance January 2024)

Abstract

The article analyzes the ways of creating the image of city in the prose of D. Danilov. It is noted that the narrator plays a major role in the unfolding of the text, who also acquires the role of an observer. The function of observation in its turn actualizes the visual aspect of the text. Thanks to this, the representation of the city as a space turns out to be connected with the act of observation itself, which not only reduces the city to a set of visual images, but also constructs a specific montage of them. At the same time, observation itself takes the form of “naïve” fixation of typical images and details, which emphasizes attention to ordinary, banal images. Thanks to this, the city in the analyzed works by D. Danilov is deprived of its definiteness associated with a specific name. The city is shown as a conventional space, at the same time filled with details characterized by concreteness. This allows the novelist to include the reader in the unfolding of the image of the city not only through an interactive game, consisting in attempts to guess the city itself, but also through the actualization of the reader's experience of living in the spaces of his own city.

Keywords: Dmitry Danilov; City; Space; Observation; Visuality.

---

1. E-mail: kuryev.ilgam@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>

* Corresponding author

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРОДА В ПРОЗЕ Д. ДАНИЛОВА (РОМАНЫ «ОПИСАНИЕ ГОРОДА», «САША, ПРИВЕТ!»)

Куряев Ильгам Рясимович^{1*}

Преподаватель Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Саранск, Россия.

(дата получения: ноябрь 2023 г., дата принятия: январь 2024 г.)

Аннотация

В статье анализируются способы создания образа города в прозе Д. Данилова. Большую роль в развёртывании текста играет рассказчик, который также приобретает роль наблюдателя. Функция наблюдения в свою очередь актуализирует визуальный аспект в тексте. Благодаря этому репрезентация города как пространства оказывается связанной с самим актом наблюдения, который не только сводит город к набору визуальных образов, но и конструирует из них специфическое монтажное единство. При этом само наблюдение обретает форму «наивной» фиксации типичных образов, деталей, отчего акцентируется внимание на обычных, банальных образах. Благодаря этому город в анализируемых произведениях Д. Данилова предстаёт лишаясь своей определённости, связанной с конкретным именем. Город показан как условное пространство, в то же время наполненное деталями, отличающимися конкретностью. Это позволяет прозаику включить читателя в развёртывание образа города не только через интерактивную игру, заключающуюся в попытках угадать город, но и через актуализацию читательского опыта проживания пространств собственного города.

Ключевые слова: Дмитрий Данилов; Город; Пространство; Наблюдение; Визуальность.

---

1. E-mail: kuryev.ilgam@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>

* Ответственный автор

Введение

В своих произведениях Дмитрий Данилов, лауреат множества литературных премий, автор поэтических, драматических, прозаических текстов, сознательно акцентирует внимание на – жанровый, сюжетный, повествовательный, языковой – текстовый эксперимент. В каждом своём произведении он «оголяет» его конструкцию, разворачивает подробное описание собственного метода в текстовом пространстве. Как отметил один из критиков по поводу романа «Саша, привет!», эта книга, «взращённая на приёме» (Ямщиков 2022). В рамках этого эксперимента большое внимание уделяется репрезентации города и пространства как такового, ярким примером чего являются заявленные нами в заглавии статьи произведения «Описание города» (2012) и «Саша, привет!» (2022). Мы будем опираться в первую очередь на роман Д. Данилова «Описание города» ввиду его подчёркнутой урбанистической тематики, заявленной уже в названии, и сознательного «оголения» приёма в работе с этой тематикой. Роман «Саша, привет!» также представляет специфические иллюстрации урбанистических пейзажей, однако находятся они на периферии магистральной темы, представляя собой больше дополнение к повествованию, поддерживающее и усиливающее идейную составляющую текста.

Основная часть

Так, уже в самом начале «Описания города» прозаик не только заявляет, что именно Город как явление и как пространство станет особым объектом пристального исследования, но и прописывает точный алгоритм взаимодействия с ним. «Описать город. Взять и описать город. Выбрать какой-нибудь город и описать его. Побывать в городе несколько раз, много раз. И описать его. Приехать раз десять или лучше двенадцать. Приезжать каждый месяц на протяжении года. Ходить по городу, ездить по городу, смотреть на

город. Останавливаться в гостиницах города, совершать покупки в магазинах города. Пройти и проехать его весь из конца в конец множество раз. Миллион раз пройти по центральной улице города и по другим улицам города пройти миллион раз. Чтобы город стал как родной. Чтобы пропитаться городом. Чтобы город вошел в печенки» (Данилов 2012). Город здесь подобен некоторому объекту, который для условной чистоты эксперимента не называется и подбирается из расчёта на его повсеместное распространение. «Чтобы был не очень большой, но и не очень маленький. Чтобы не был известным туристическим центром с “достопримечательностями”. Но чтобы там все-таки что-нибудь было» (Данилов 2012). Тем самым, уже здесь Д. Данилов, заявляя идею среднестатистического города, подчёркивает важный тезис об обыденном, банальном, о чём мы укажем ниже.

В контексте обоих произведений примечательна позиция рассказчика. Так, в романе «Описание города» он утверждает себя как некоторый механизм восприятия, машина наблюдения, чья задача – пристальная фиксация увиденного. Это в том числе проявляется и в самом языке романа. Рассказчик здесь становится активным исследователем пространства.

В романе «Саша, привет!» условный рассказчик, занимающий экстрадиегетическую позицию, конструирует фрагменты видимого и наблюдаемого, что в том числе касается и утверждения особой точки зрения, которая располагается рядом с главным героем романа, Серёжей. «Он приезжает на станцию метро «Площадь Революции» и приходит на Красную площадь, как дурак. Стоит, как идиот, на Красной площади, смотрит на всё вот это. Серёжа долго стоит на Красной площади и смотрит на неё, на сооружения, которые её окружают, – Кремлёвскую стену, Мавзолей, храм Василия Блаженного, ГУМ, Казанский собор, Исторический музей» (Данилов 2022. 55–56). Примечательно, что один из критиков по отношению к этому роману отмечал, что произведения Д. Данилова так или иначе строятся приёме

регистрации, «дотошном описании повторяющихся, однообразных, “неинтересных” действий» (Кириенко 2022).

При этом общим является то, что в обоих произведениях конструируется условная оппозиция «наблюдатель – наблюдаемое», создаваемая во многом от статуса наблюдающего (так, рассказчик в «Описании города» является пусть и не классическим, но туристом, не принадлежащим описываемому пространству, а главный герой романа «Саша, привет!», к которому привязана и условная позиция наблюдения экстрадигетического рассказчика, ввиду приговора суда перестаёт принадлежать привычному ему пространству). В обоих текстах утверждается идея дистанции и взгляда со стороны. Это, во-первых, позволяет выстроить ситуацию остранения, когда привычное, обыденное, незначимое, незначительное актуализируется и получает право на подробное описание. Во-вторых, это подчёркивает визуальность текста и описываемого пространства. К примеру: «начинается Такой-то район, неширокие неярко освещенные улицы, уставленные невысокими домами, направо, налево, еще раз налево, какое-то пустынное место, заборы какие-то, и вдруг – сияющий огнями Ледовый дворец в Таком-то районе» (Данилов 2012).

Пространства города здесь видимы и – что важнее – наблюдаемы. Наблюдение здесь как динамический процесс можно представить как особый вид монтажа, который позволяет фиксировать внимание на отдельных деталях, образах, соединяющихся – от взгляда смотрящего – друг с другом. «Пришел троллейбус 3, и прогулка по улице из четырех букв продолжилась уже внутри троллейбуса. Сначала была городская среда (серо-унылая), а потом начался частный сектор, маленькие и относительно большие одноэтажные домики, и этот частный сектор тянулся бесконечно, все время частный сектор, конца-краю нет частному сектору, но все же в какой-то момент частный сектор закончился, троллейбус 3 проехал по мосту через реку и приехал в какое-то оживленное место» (Данилов 2012). Тем самым, город в обоих произведениях

не даётся как целостность, некоторая визуально монолитная общность. Город представлен как набор смонтированных образов, разворачивающихся в рамках сюжета, пространства, времени.

Примечательно и то, что упоминавшаяся идея бытового, обычного, привычного, знаменует собой детали и образы описываемых пространств. К примеру: «Грязно, мокро, сыкотно. Все тает, кругом валяется грязный почерневший снег, кое-где сменяющийся коричневой земляной жижей. Серые дома, практически в каждом – один или несколько небольших магазинов. Множество людей движется по загаженным природой и климатом тротуарам. Множество маршруток проносится по широкому проспекту, названному в честь одного из городов» (Данилов 2012). При этом эти «обычные» образы формируют фактурность пространств и актуализируют общие места, имеющие – от своей распространённости – неопределённую, зыбкую структуру. Они настолько обыденны, что описание их ничего не даёт, не сообщает никакой информации, эти общие места могут быть везде. К примеру: «Главная улица (проспект) пересекает по высокой насыпи огромный глубокий овраг. Главная улица идет параллельно реке, а овраг вытянулся перпендикулярно главной улице, по направлению к реке, видно там, на дне оврага, протекает какой-то ручеек или маленькая речка, который (которая) за века и тысячелетия своим слабеньким хилым течением выкопала этот огромный овраг, но сейчас, зимой, ручейка (речки) не видно под снегом» (Данилов 2012). Так Город лишается набора конкретных, эмблематичных образов. Важную роль во всём этом играет и особый характер наблюдения. Взгляд рассказчика в «Описании города» можно охарактеризовать как аутичный, детский, подчеркнуто наивный (Кочергин 2023), что в том числе проявляется и в самой речи рассказчика. Обращаясь к деталям, явлениям, прозаик конструирует условно «близорукое», феноменологическое описание, характеризуемое не выстраиванием больших идейных концепций, а именно препарированием,

разложением элементов пространства, расширением и углублением поля видимого. Рассказчик здесь отказывается от всякой знаковой системы, связанной с тем или иным конкретным локусом, он старается взглянуть на пространства по-новому.

Оттого важным в романе «Описание города» становится отказ от имени этого самого Города. Данилов, не называя его, блокирует описанный Марселем Прустом момент, когда Имя конструирует горизонт ожидания, выстраивает представление о носителе имени из ассоциативного ряда образов, привязанных к тому или иному локусу, тому или иному имени. Схожий принцип мы можем найти и в романе «Саша, привет!». Автор точно называет город, в котором разворачивается действие (это Москва), однако отказывает пространствам в точной их локализации, отчего описываемые пространства вне центра Москвы лишаются какой-либо конкретики. «Мы видим, как Серёжа идёт по пешеходной дорожке к дому, идёт по тротуару вдоль дома, подходит к подъезду. Дом обычный, современный, многоэтажный, не элитный, не бизнес-класса, но и не старый, брежневский или хрущёвский, просто относительно современный московский многоэтажный дом, серии ПЗ или КОПЭ или П44Т, что-то примерно такое. Этажей в доме много – ну да, он же многоэтажный» (Данилов 2022. 26–27). Подобное позволяет Д. Данилову, отказавшись от привычной знаковой системы, подразумевающей автоматизм восприятия, выстроить новую знаковую систему или хотя бы попытаться это сделать.

В этом контексте важно, что рассказчика в романе «Описание города» можно назвать фланёром в понимании Ш. Бодлера и В. Беньямина (Беньямин 2000. 180). Как мы отмечали выше, у него одна задача – исследовать и описать город. При этом само описание и осваивание пространств происходит согласно определённому алгоритму. Здесь одна концепция постижения (город как карта) переплетается с другой концепцией (город как лабиринт). При этом

последняя ближе фланёру, она позволяет рассмотреть куда больше. Рассказчик подчёркивает, что в завершении своего исследования описываемый город должен оказаться «в печёнках», ощутимым как родной город, что во многом не соответствует постижению города как карты, применимой более для «туристического» взгляда. Да, рассказчик, оказавшись в городе, приобретает в ларьке карту, с помощью которой формирует набор необходимых для посещения пространств. Но, во-первых, всякое классическое «туристическое» место описывается через привычные бытовые детали, с помощью «близорукого» взгляда, отчего оно превращается в «общее место». Во-вторых, рассказчик снова и снова в своём движении по заданной с помощью карты траектории упирается в пустоты и провалы. Это могут быть тупики, не отмеченные места или пространства, значащиеся на карте как нечто незначимое, бессмысленное. К примеру: «Автостанция – совсем маленькая, рядом несколько автобусов. Магазины, ларьки, но не очень оживленно, народу мало. По мосту через железнодорожные пути к вокзалу. Вокзал небольшой, очень красивый, с башенкой. За вокзалом – какая-то тишайшая улица, безлюдная остановка автобусов и маршруток, тишайшие низенькие дома. Внутри вокзала – небольшой темноватый, но уютный зал ожидания, расписание» (Данилов 2012). Впоследствии рассказчик-фланёр сознательно подменяет карту лабиринтом. Выбирает не ряд пунктов назначения, а лишь траекторию движения. К примеру: «В 7.20 отправляется электричка, следующая по кольцевому маршруту, по малому кольцу, вернее, не кольцу, а петле на веревочке. Как в июне. Только в июне было светло и все видно, а сейчас темно и ничего не видно. Почти ничего. <...> Платформа <Прилагательное, образованное от названия одного из городов> пост. Платформа <Цифра> км. Вдали – описываемый город, нитью огней. Станция <Название описываемого города>-II. Многие вышли. Практически все. Но не все» (Данилов 2012). Рассказчик сознательно акцентирует внимание на

периферийных, пограничных пространствах, отличающихся бесформенностью, зыбкостью собственных границ. К примеру: «На другом берегу реки обнаружилось странное место. Просто такое место, пустое. Покрытое снегом. Слева, если смотреть от моста, тянется какое-то непонятное здание, вернее, просто глухая стена. Посреди заснеженной поверхности земли стоит ярко-синий пластмассовый туалет» (Данилов 2012) или «Была поездка на автобусе 2 в Такой-то район, до первой остановки после вокзала. Какое-то дикое, корявое, невозможно унылое место» (Данилов 2012).

Важным является и то, что по отношению к рассказчику все пространства можно охарактеризовать как не-места (Лоу 2016. 43; Трубина 2011. 405; Ямпольский 2019. 382), «транзитные» точки, не способные сгенерировать значительное нарративное событие. Рассказчик им не принадлежит, он их или преодолевает, или только созерцает. Тело фланёра не выстраивает с ними жёстких отношений зависимости и утилитарности, оно только «дрейфует» между ними. Единственным пространством как «местом» можем считаться номер в отеле, который является точкой отсчёта и завершения пространства как Города, местом, в котором рассказчик может работать и отдыхать, но и это пространство по своей сути для рассказчика нестабильное.

В итоге, для рассказчика-фланёра город предстаёт нагромождением пространств, связанных между собой условно – только желанием самого рассказчика, абстрактной траекторией знакомства с теми или иными местами. Рассказчик-фланёр становится залогом постепенного сложения этих пространств в некоторую визуальную последовательность без выстраивания больших и протяжённых абстрактных концепций и отношений. В итоге город предстаёт нечёткой, блуждающей, номадической структурой, он постоянно растягивается, расширяется, его границы всё больше раздвигаются. В восприятии рассказчика-фланёра, акцентирующего внимание на незначимом, город не создаёт протяжённую жёсткую иерархию «центр – окраина». К тому

же части города не равны сами себе. Двенадцать зарисовок – по одной на каждый месяц – представляют город всегда немного иным, он меняет свои формы, приобретает и теряет свои части в восприятии рассказчика.

Примечательно, что город как именно структурированное, но всё же лишённое яркой индивидуальности единство, предстаёт только тогда, когда рассказчик видит его из иллюминатора самолёта, то есть в качестве города-карты: «посмотрел в иллюминатор — внизу, в разрывах облаков, проплывал описываемый (описанный) город, сразу узнал его очертания — излучину реки, дорогу по дамбе к вокзалу, разбегающиеся от вокзала железнодорожные линии, круглое здание цирка на главной улице (проспекте), это был именно он, описываемый (описанный) город» (Данилов 2012).

Конечно, рассказчик пытается в этой блуждающей структуре обозначить условный центр. Таковым становится дом 47, где жил известный русский писатель: «Но сначала – посещение пустого места на улице, названной в честь одного из месяцев, на котором раньше стоял дом 47, в котором жил выдающийся русский писатель. С прошлого приезда ничего не изменилось – металлический и какой-либо другой забор отсутствует, из середины участка торчит кусок стены бывшего дома 47» (Данилов 2012). Однако примечательно, что этот дом актуализирует топоним пустого места. Дом снесён, на его месте не меняющийся из месяца в месяц пустырь. Тем самым, бывший дом 47 становится своеобразной рифмой ко всякому другому пустому и пустеющему месту этого города. К примеру: «Раньше на месте этого пустого места находилась железнодорожная станция <Название описываемого города> – Город. Это была конечная станция на коротенькой ветке, которая вела к главному вокзалу описываемого города» (Данилов 2012). Пустые места ничего не дают рассказчику-фланёру, оставаясь постоянно неизменными, и снова актуализируют в тексте идею ненужного, незначимого. В этом контексте примечательными становятся детали и фрагменты, словно не являющиеся его

структурной частью, но всегда присутствующие в нём – это нагромождение мусора, заброшенные дома, надписи на заборах, то есть маргинальные, периферийные явления. И это, учитывая общую визуальность романа Д. Данилова, формирует в тексте своеобразные пучки *pinctum*'ов, если использовать понятие Ролана Барта (Барт 2021. 53), в которые как раз и входят бродящие образы, не привязанные к конкретному месту, витающие везде и обращённые в том числе к визуальному опыту проживания городского пространства самого читателя. Граффити на заборе, заброшенный дворик, гаражи – это части периферийного пространства, знакомые всякому.

Здесь стоит вспомнить, что Д. Данилов не называет имени Города. Это актуализирует в тексте интерактивный момент, который работает сразу по нескольким направлениям. Во-первых, перед нами своеобразная шарада (Шеховцова 2012). К примеру: «в Таком-то районе (отдаленном) есть железнодорожная станция с невероятным, чудовищным названием. Оно образовано из двух частей. Первая – фамилия крупного деятеля большевизма. Вторая – град. Получается <Фамилия крупного деятеля большевизма>град» (Данилов 2012). Зритель может попытаться разгадать, что за город посещает рассказчик, какие улицы он называет, что за достопримечательности посещает. Однако сама разгадка (Брянск), ключом к которой становится тот самый дом 47, ничего не проясняет именно оттого, что внимание рассказчика обращено к обычному, незначительному. Город остаётся только собранием немаркированных пространств. Во-вторых, Д. Данилов через это подчёркнутое отстранение и отстранение от фактического пространства Брянска не даёт сработать автоматизму восприятия читателя, прозаик из описываемого города формирует именно что среднестатистический город как таковой, классический город N., характеризующийся нагромождением обычных пространств и деталей, пустых мест. Город в «Описании...» или окраина Москвы в романе «Саша, привет!» в отсутствии конкретики, в подчёркнутой обыденности

предстают всяким городом или всяким спальным районом. И здесь рассказчик может восприниматься как аватар самого читателя: через рассказчика-фланёра читатель, разгадывая пробелы в условных шарадах городского пространства в «Описании города», заполняя эти пространственные провалы знакомыми ему обычными, пустыми местами, отстранённо актуализирует пространственный опыт, полученный от освоения и проживания пространств собственного города.

Заключение

Итак, прозаик в романах «Описание города» и «Саша, привет!» конструирует своего рода «матрицу» восприятия города, необходимую для «заполнения». Читатель, взаимодействуя с произведением, разгадывая загадки, интерактивно взаимодействует с текстом, перечисляя имена и характеристики явлений, знакомых каждому жителю провинциального российского города. Тем самым, Дмитрий Данилов создаёт а-локальный текст, текст, применимый ко всякому обычному российскому городу. Он разворачивает такое городское пространство, которое становится знакомым для большинства читателей его прозы – независимо от места проживания.

Литература

- 1- Барт Р. (2021). *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. Москва: Ад Маргинем Пресс. 190 с.
- 2- Беньямин В. (2000). *Озарения*. Москва: Мартис. 376 с.
- 3- Данилов Д.А. (2012). *Описание города*. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/6/opisanie-goroda.html (дата обращения: 23.11.2023).
- 4- Данилов Д. А. (2022). *Саша, привет!*, Москва: АСТ. 248 с.
- 5- Кириенко И. (2022). *Важная книга: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова*. <https://polka.academy/materials/837> (дата обращения: 23.11.2023).

- 6- Кочергин И. (2023). «Ничего на свете проще и мучительнее нет...» *Природный пейзаж в современной прозе*. <https://magazines.gorky.media/ural/2023/6/nichego-na-svete-proshhe-i-muchitelnee-net.html> (дата обращения: 23.11.2023).
- 7- Лоу Сета М. (2016). *Пласа. Политика общественного пространства и культуры*. Москва: Strelka Press. 352 с.
- 8- Трубина Е.Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. Москва, Новое литературное обозрение. 520 с.
- 9- Шеховцова Т. (2012). *Вечное возвращение*. <https://magazines.gorky.media/sp/2012/14/vechnoe-vozvrashhenie.html> (дата обращения: 23.11.2023).
- 10- Ямпольский М. (2019). *Изображение. Курс лекций*. Москва: Новое литературное объединение. 424 с.
- 11- Ямщиков К. (2022). *Дмитрий Данилов. «Саша, привет!»*. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2022/4/dmitrij-danilov-sasha-privet.html> (дата обращения: 23.11.2023).

Bibliography

- 1- Bart R. (2021). *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. Москва: Ad Marginem Press. 190 с.
- 2- Ben'jamin V. (2000). *Ozarenija*. Москва: Martis. 376 с.
- 3- Danilov D.A. (2012). *Opisanie goroda*. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2012/6/opisanie-goroda.html (дата обращения: 23.11.2023).
- 4- Danilov D. A. (2022). *Sasha, привет!*, Москва: AST. 248 с.
- 5- Kirienko I. (2022). *Vazhnaja kniga: «Sasha, привет!» Dmitrija Danilova*. <https://polka.academy/materials/837> (дата обращения: 23.11.2023).
- 6- Kochergin I. (2023). «Ничего на свете проще и мучительнее нет...» *Природный пейзаж в современной прозе*. <https://magazines.gorky.media/ural/2023/6/nichego-na-svete-proshhe-i-muchitelnee-net.html> (дата обращения: 23.11.2023).
- 7- Lou Seta M. (2016). *Plasa. Politika obshhestvennogo prostranstva i kul'tury*. Москва: Strelka Press. 352 с.
- 8- Trubina E.G. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmyslenija prostranstva*. Москва, Новое литературное обозрение. 520 с.
- 9- Shehovcova T. (2012). *Vechnoe vozvrashhenie*. <https://magazines.gorky.media/sp/2012/14/vechnoe-vozvrashhenie.html> (дата обращения: 23.11.2023).
- 10- Jampol'skij M. (2019). *Izobrazhenie. Kurs lekcij*. Москва: Новое литературное объединение. 424 с.

- 11- Jamshhikov K. (2022). *Dmitrij Danilov. «Sasha, privet!»*. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2022/4/dmitrij-danilov-sasha-privet.html> (data obrashhenija: 23.11.2023).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kuryaev Ilgam Ryasimovich (2024). THE IMAGE OF THE CITY IN THE PROSE OF D. DANILOV (THE NOVELS “DESCRIPTION OF THE CITY” AND “SASHA, HELLO!”). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 12(1), 185-199.

DOI: 10.61186/iarll.23.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/312>

بازنمایی شهر در آثار منتور دانیلوف (رمان‌های «توصیف شهر»، «ساشا، سلام!»)

ایلگام ریاسیموویچ کوریایف^{*}

استادیار، دانشگاه دولتی آگاریوف موردوویا،

سارانسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۴)

چکیده

این مقاله به بررسی روش‌های ایجاد تصویر شهر در نثر د. دانیلوا می‌پردازد. در مقاله نقش عمده راوی که به عنوان ناظر نیز در اثر حضور دارد، بررسی شده است. کارکرد مشاهده‌گر راوی، به نوبه خود، به جنبه بصری در متن عینیت می‌بخشد. به لطف این، بازنمایی شهر به عنوان یک فضا با خود عمل مشاهده مرتبط است که نه تنها شهر را به مجموعه‌ای از تصاویر بصری تبدیل می‌کند، بلکه یک وحدت یکپارچه‌سازی خاص از آنها ایجاد می‌نماید. در عین حال، مشاهده خود به شکل تثبیت «ساده‌انگارانه» تصاویر و جزئیات معمولی در اثر وجود دارد، و به واسطه همین رویکرد، توجه اصلی بر تصاویر معمولی و پیش پا افتاده متمرکز می‌شود. به نظر می‌رسد شهر در آثار تحلیل شده دانیلوف فاقد ویژگی به تصویر کشیده شدن از دید یک فرد خاص است. شهر به عنوان یک فضای متعارف و در عین حال پر از جزئیات خاص نشان داده می‌شود. این به نثرنویس اجازه می‌دهد تا خواننده را در توسعه تصویر شهر مشارکت دهد و این کار هم از طریق یک بازی تعاملی تلاش برای حدس زدن شهر، و هم از طریق به‌روزرسانی تجربه خواننده از زندگی در فضاهای شهر خود صورت می‌گیرد.

واژگان کلیدی: دمیتری دانیلوف، شهر، محیط، مشاهده، قابلیت بصری.

* نویسنده مسئول 1. E-mail: kuryev.ilgam@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4294-5817>

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

COMPARISON OF CRITICAL VIEWS OF V.G. BELINSKY ON PUSHKIN, GOGOL AND LERMONTOV

Sadeghi Sahlabad Zeinab^{1*}

Assistant professor, Department of Russian Language, Faculty of Literature,
Alzahra University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: June 2023; date of acceptance: November 2023)

Abstract

The article is dedicated to exploring the literary and critical views of V.G. Belinsky, the creator of the historical-literary concept that depicted the development of Russian literature from Lomonosov to Pushkin and Gogol. Belinsky considered the reflection of social phenomena in life as the highest virtue of literature. He believed that Pushkin created Russian literature as an art, but his work lacked acute social significance. The article concludes that Belinsky's criticism was geared towards revolutionary transformations in society. This explains his assertion that Pushkin fulfilled his mission and should yield to representatives of "real" poetry, such as Gogol and Lermontov. In contemporary Iranian literary studies, there has been insufficient attention to the exploration of the creative legacy of one of the most influential literary critics of the first half of the 19th century. This article provides a comparative analysis of Belinsky's ideas, determining the significance of Pushkin, Gogol, and Lermontov for the development of Russian literature.

Keywords: Belinsky, Critical View, Pushkin, Gogol, Lermontov.

---

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763> * Corresponding author

СРАВНЕНИЕ КРИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В.Г. БЕЛИНСКОГО НА ПУШКИНА, ГОГОЛЯ И ЛЕРМОНТОВА

Садеги Сахлабад Зейнаб^{1*}

Старший преподаватель, Кафедра русского языка, Факультет литературы,
Университет Аль-Захра,
Тегеран, Иран.

(дата получения: июнь 2023 г.; дата принятия: ноябрь 2023 г.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию литературно-критических воззрений В. Г. Белинского – создателя историко-литературной концепции, давшей картину развития русской литературы от Ломоносова до Пушкина и Гоголя. Белинский считал наивысшим достоинством литературы отражение социальных явлений жизни. Он считал, что Пушкин создал русскую литературу как искусство, но его творчество лишено заостренно-социального значения. В статье сделан вывод о том, что критика Белинского была настроена на революционные преобразования в обществе. Этим объясняется его утверждение, что Пушкин выполнил свою миссию и должен уступить место таким представителям «реальной» поэзии, как Гоголь и Лермонтов. В современном иранском литературоведении до настоящего времени уделялось недостаточно внимания исследованию творческого наследия одного из самых влиятельных литературных критиков первой половины XIX века. В данной статье осуществлен сопоставительный анализ идей Белинского, определяющих значение Пушкина, Гоголя и Лермонтова для развития русской литературы.

Ключевые слова: Белинский, Критический Взгляд, Пушкин, Гоголь, Лермонтов.

---

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763>* Ответственный автор

Введение

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) – ключевая фигура в истории русской литературной критики. Свое литературное творчество Белинский начал драмой «Дмитрий Калинин» (1830), в которой выражался протест против крепостного права. Однако не художественные произведения, а критические статьи сделали Белинского авторитетнейшей фигурой русского литературного развития. Еще молодым человеком в 1833 году Белинский начал сотрудничество с московским журналом «Телескоп», который возглавлял профессор Московского университета Н.И. Надеждин. В газете «Молва», выходившей как приложение к «Телескопу», появилась первая статья Белинского «Литературные мечтания» (1834), которая дала начало русской классической критике.

Несмотря на новаторский характер критики Белинского и его непосредственное влияние на писателей и журналистов 1830–1840-х годов, сегодня наследие «неистового Виссариона» оказывается на периферии исследовательского внимания. Так Н.В. Сорокина, рассматривая основные направления «современного белинсковедения», выражает обеспокоенность падением интереса к творчеству и личности Белинского и утверждает: «Чем дальше от эпохи В.Г. Белинского, тем очевиднее становится неповторимость, неразгаданность и непостижимость его творческой индивидуальности, что и вызывает необходимость активного “возвращения” Белинского в круг современных научных исследований» (Сорокина 2011. 211).

В то же время, следует уточнить, что идеи В.Г. Белинского начинают подвергаться активной критике еще в начале XX века. Не принимая свойственной Белинскому социологической детерминанты в оценке художественного творчества, представитель имманентной критики Ю.И. Айхенвальд постулировал значимость собственного подхода именно в противостоянии «реальной критике» Белинского. Как отмечают

исследователи, «автор серебряного века ставит в укор классику и то, что тот “направил решительные шаги в сторону вульгарного и наивного утилитаризма”, и то, что “далеки от него органичность и дух живой системы”» (Кравченко, Садеги Сахлабад 2022. 245).

В Иране творчество В.Г. Белинского до настоящего времени глубоко не изучалось. Тем не менее, следует указать на статью Э. Хамида «Эстетика Белинского», вышедшую 1332 г. / 1953 г. Также существуют переводы статей зарубежных авторов, посвященных эстетическим взглядам выдающегося критика (статья «Эстетика Белинского и влияние на него идей Гегеля» Г. Планти Бонжур, перевод М. Пуянде, 1370 г. /1991 г., и статья Н. Громова «Белинский и литературная критика» в переводе М. Фарази Касмаи, 1376 г. / 1997 г.).

В России творчеству В.Г. Белинского посвящены монографические исследования, в частности, «Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского» Ю.Г. Оксмана (1958), «Виссарион Белинский как журналист и литературный критик» И.П. Щерблыкина (2008), «Белинский – журналист (Теория. История. Практика)» В.Г. Березиной (2005) и другие. Также следует отметить популяризирующий жизнь и творчество критика роман Ю.А. Домбровского «“Неистовый Виссарион” без ретуши», освещающий ключевые события и малоизвестные факты биографии В.Г. Белинского (Домбровский 2017).

Разделяя взгляды Н.В. Сорокиной о необходимости «возвращения» Белинского в контекст современных исследований и принимая во внимание тот факт, что в Иране специально не рассматривался вопрос о специфических оценках Белинского, данных творчеству Пушкина, Гоголя и Лермонтова, мы полагаем актуальной разработку данной проблематики.

Основная часть

Главная идея Белинского – это развитие в русской литературе интереса к «жизни действительной», то есть формирование реализма. Еще одна важная особенность критического стиля Белинского состоит в том, что он был выдающимся эстетиком и теоретиком искусства. В своих размышлениях русский критик ориентировался на эстетическое учение немецкого философа Г. Гегеля, в учении которого была развита концепция абсолютного (мирового) духа. В искусстве мировой дух постигает сам себя: здесь идеально-духовное находит материальное воплощение. Искусство, по мысли Гегеля, представляет идеал в конкретном, материальном художественном образе. На основе этой идеи Белинский выработал собственную теорию, в которой на первое место ставилась истина общественной жизни, отраженная в искусстве. Исследователь В.А. Недзвецкий характеризует критику Белинского как «конкретно-эстетическую» (Зыкова 2020. 118).

Статья «Литературные мечтания» (1834) отразила новые представления о литературе. Прежде всего, Белинский поясняет, что он подразумевает под самим словом «литература». Это – не письменность, не собрание произведений, а выражение духа народа, его внутренней жизни. Народной массе (имеется в виду «крестьянство») критик противопоставляет образованные сословия, или «общество». Между обществом и народом нет единства, общество и народ идут врозь. Русское общество не стало выразителем внутренней жизни народа, что и приводит Белинского к парадоксальному утверждению: «у нас нет литературы». Вся русская словесность – это только усилие к созданию настоящей литературы как выражения внутренней жизни народа. Критерием оценки писателей было для Белинского отражение духа «того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до

сокровеннейших глубин и биений» (Белинский 1953а. 24). К таким писателям Белинский относит Державина, Крылова, Грибоедова, Пушкина. Хотя эти писатели и выступали выразителями народного духа, они не могли составить целую литературу. Белинский выражает уверенность, что «истинная эпоха искусства» в России скоро настанет. Начало этой эпохи, то есть начало русской литературы, Белинский вскоре увидит в творчестве Н. Гоголя.

На всем протяжении своего творческого пути Белинский будет повторять мысль об отсутствии русской литературы. В статье «Русская литература в 1841 году» (1842) из списка «бессмертных», «гениальных» писателей он вычеркнул имя Державина, поэзию которого критик теперь расценивал как «исполиное, но бесплодное проявление поэтической силы». Зато в фонд «капитальных сокровищ» литературы неизменно входило творчество Гоголя в силу того, что оно, как отмечает современный исследователь, «управлялось социально-антропологическим критицизмом» (Котельников 2022. 30).

Вслед за статьей «Литературные мечтания» вышла статья «О русской повести и повестях Гоголя» (1835). Здесь Белинский развил эстетическую идею деления литературы на два типа: поэзию «идеальную» и поэзию «реальную». В поэзии идеальной поэт представляет жизнь в соответствии со своим идеалом; в поэзии реальной поэт воспроизводит жизнь в соответствии с ее собственной истиной, во всех подробностях и оттенках действительности. Сам Белинский отдавал предпочтение поэзии «реальной», так как считал, что она соответствует духу времени. Современную действительность Белинский считает принципиально отличной от предыдущих эпох: она не героическая, как в древности, и не возвышенная, как в романтизме, а обыкновенная, прозаическая. Главное качество новой эпохи критик видит в том, что литература поэтизирует прозу жизни, самые простые и бытовые ее особенности. «Реальная» поэзия, по мнению Белинского, наиболее ярко проявляет себя в творчестве Гоголя. Обращаясь к читателю, критик

спрашивал: «Скажите, какое впечатление прежде всего производит на вас каждая повесть г. Гоголя? Не заставляет ли она вас говорить: “Как все это просто, обыкновенно, естественно и верно и, вместе, как оригинально и ново!”» (Белинский 1953b. 41). Белинский указывает на простоту вымысла и действия, на «мелочность и обыкновенность описываемых автором происшествий» как на верные признаки нового типа творчества: «это поэзия реальная, поэзия жизни действительной, жизни, коротко знакомой нам» (Там же. 42). В своих оценках Белинский почти дословно повторяет положение Гоголя из статьи о Пушкине в «Арабесках» (1835): «Чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина» (Гоголь 1952. 52). Гоголь здесь указывает на то, что мастерство поэта проявляется в раскрытии такого явления, которое обычно не привлекает внимания, не является героическим или возвышенным. Талант Пушкина в том, что он показал красоту «тихого», «неблестящего», обыкновенного. Эта переключка между критиком и писателем указывает на плодотворность теоретических идей Гоголя, развитых Белинским.

Поэзия «реальная» представлялась Белинскому итогом всего предшествующего литературного развития России, прежние литературные направления выступали как стадии на пути к ней. Если Гоголя Белинский выдвигал на роль главы реалистической литературы, то творчество Пушкина представлялось ему лишь одним из этапов развития: вслед за ломоносовским и карамзинским периодами последовал пушкинский. Так еще при жизни Пушкина Белинский высказал мысль об исчерпанности его творчества, о закате выдающегося таланта. Белинский считал Пушкина выразителем жизни 1820-х годов (время подготовки восстания декабристов). Говоря об этом времени, Белинский утверждал: «Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества...» (Белинский 1953.

72). Однако далее критик приходит к такому утверждению: «Теперь мы не узнаем Пушкина: он умер или, может быть, только обмер на время» (Там же. 73). За противопоставлением прошлого настоящему скрывался призыв к возрождению традиций литературы периода общественного подъема. Новый подъем Белинский связывал с утверждением «поэзии реальной, поэзии жизни действительной». По мнению критика, Гоголь воплощал принципы этой поэзии гораздо лучше, чем Пушкин.

Можно сказать, что критические статьи Белинского утвердили Гоголя на место первого писателя России в самом начале его творческого пути. Однако отношения критика и писателя были разорваны после выхода в свет книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В ответ на эту книгу Белинский написал Гоголю гневное письмо, в котором обвинял писателя в защите крепостного права и проповеди христианского смирения. Великий критик не смог понять и оценить православной ориентации великого писателя.

Важнейшим свойством поэзии «реальной» является типизация как способ обобщения жизни и воплощения творческого идеала художника. Явление типизации Белинский связывает с такими проблемами, как самобытность, или оригинальность, и народность писателя. Белинский утверждает, что повести Гоголя «народны в высшей степени». И это объясняется не тем, что Гоголю близки образы его родной, сельской по преимуществу, Украины: «Как малороссу¹, г. Гоголю с детства знакома жизнь малороссийская, но народность его поэзии не ограничивается одною Малороссиею» (Белинский 1953b. 49). Гоголь оказывается народен также и в «Петербургских повестях», описывая характеры других национальностей: «В его “Записках сумасшедшего”, в его “Невском проспекте” нет ни одного хохла, все русские и вдобавок еще немцы;

---

1. В XIX веке Украина называлась Малороссия, украинцы – малороссы. Также применительно к украинцам использовалось слово «хохлы», что до настоящего времени сохранилось в русском просторечье.

а каково изображены им эти русские и эти немцы!» (Там же. 50). По мнению Белинского, народность – это не отличительное свойство определенного писателя, а обязательное условие творчества, сравнимое с оригинальностью. Мир творчества «неистошим и безграничен», поэтому каждый писатель оригинален, и признаком писательской оригинальности, «гербовой печатью автора» является «типизм»: «У истинного таланта каждое лицо — тип, и каждый тип для читателя есть знакомый незнакомец». Типическое лицо – это характер, в котором общие черты, характерные для определенной группы людей, соединены с неповторимыми чертами его индивидуальности. Например, говорит Белинский, «вот человек, который глубоко понимает назначение человека и цель жизни, который стремится делать добро, но, лишенный энергии души, не может сделать ни одного доброго дела и страдает от сознания своего бессилия, — скажите: вот Гамлет!» (Там же. 50). Точно также, стоит нам назвать только имя типического героя, и всем будет понятно, что этот человек из себя представляет. Имена типических героев становятся нарицательными, и каждое из них включает в себе целый набор смыслов. Создание типических героев удастся не всякому писателю, и потому «типизм» есть признак талантливого писателя, одновременно народного и оригинального.

Критик в одиннадцати статьях цикла «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846) дал оценку художественного значения поэта и заложил основы научного пушкиноведения.

Белинский подчеркивал завершающий, синтетический характер пушкинской поэзии и, образно сравнивая ее с морем, вобравшим в себя многие реки и ручейки, писал: «Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя как свое законное достояние и возвратила их миру в новом, преображенном виде» (Белинский 1955а. 266).

Определяя основное содержание творчества Пушкина, или его пафос, Белинский высказал мысль о том, что Пушкин был первым русским поэтом-художником. Если предшественники Пушкина относились к поэзии как средству для выражения просветительских, воспитательных идей, то Пушкин выступал против того, чтобы «видеть в литературе одно педагогическое занятие» (Пушкин 1978. 131). Пушкин стал понимать литературу как самоценное художественное явление, поэтому Белинский и называет его первым русским «поэтом-художником». В этой характеристике Белинский развивал свою идею о том, что в сознании Пушкина социальные и нравственные вопросы были неотделимы от художественных. Любые вопросы исторической жизни поэтом воспринимались под эстетическим знаком и облекались в строгую, пластическую форму поэзии. В творчестве Пушкина Белинский видел объединение рационального и поэтического: «Разум — это дух жизни, душа ее; поэзия — это улыбка жизни, ее светлый взгляд, играющий всеми переливами быстро сменяющихся ощущений» (Белинский 1955а. 319). Эту-то поэзию действительности, то есть красоту, «которая не в книгах, а в природе, в жизни» (Там же. 321), впервые в истории русской литературы сумел гениально понять и выразить Пушкин. «До него поэзия была только красноречивым изложением прекрасных чувств и высоких мыслей» (Там же), Пушкин же направил ее внимание на богатство и красоту явлений жизни, в каждом из которых — высоком и низком — он равно умел схватить и выразить его поэтическую сторону. Ибо «он созерцал природу и действительность под особым углом зрения, и этот угол был исключительно поэтический» (Там же. 323). «Как истинный художник, Пушкин не нуждался в выборе поэтических предметов для своих произведений, но для него все предметы были равно исполнены поэзии» (Там же. 330).

В творчестве Пушкина отразилась жизнь во всей своей полноте: в радости и в грусти, в трагическом и комическом наполнении. Белинский признавал,

что Пушкин смог поэтически отразить жизнь в ее целостности, ее светлые и темные стороны. Критик считал, что Пушкин стал первым представителем «поэзии жизни действительной», он не смог воплотить современную социальную проблематику. Поэзия Пушкина воплощала идеал литературы как искусства, но Белинский хотел, чтобы литература звала на борьбу за справедливое общество, давала «ответы на вопросы времени». Заканчивая цикл своих пушкинских статей, Белинский как бы прощается с Пушкиным. Его интересует больше не «поэт-художник», а поэт-обличитель общественного зла, который «любит людей на чердаках и в подвалах», как сказал Белинский о Достоевском.

Белинский первым из критиков «открыл» для читателей Лермонтова, показал, как велик талант нового поэта. Критик постоянно сравнивал Лермонтова с Пушкиным, считал, что у них было сходство в тематике. Но чаще Белинский контрастно сопоставлял обоих поэтов: «В первых своих лирических произведениях Пушкин явился провозвестником человечности, пророком высоких идей общественных; но эти лирические стихотворения были столько же полны светлых надежд, предчувствия торжества, сколько силы и энергии. В первых лирических произведениях Лермонтова <...> также виден избыток несокрушимой силы духа и богатырской силы в выражении; но в них уже нет надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие...» (Белинский 1955b. 150). Это различие Белинский объясняет тем, что Лермонтов — «поэт совсем другой эпохи», которая отражает новое звено в истории русского общества. Данный тезис Белинский поясняет на примере стихотворения Лермонтова «Бородино» (1837). В строках «Да, были люди в наше время, / Не то что нынешнее племя; / Богатыри — не вы!» критик видит недовольство поэта современным поколением, которое бездействует и не находит применения своим силам.

Представителем этого поколения является Печорин — герой романа

Лермонтова. Статья Белинского «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова» (1840) раскрывает характер Печорина в его двойственности и рефлексии. Роман Лермонтова критик называет «грустной думой о нашем времени» (Белинский 1955с. 112). В статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) Белинский рассмотрел главные мотивы поэзии Лермонтова, особенно выделив патриотическое стихотворение «Бородино». Также критик указал на значение образов Кавказа и восточные темы в стихотворениях поэта, дал развернутый анализ поэмы «Мцыри». Белинский считал, что в поэме «Мцыри» авторская мысль отзывается «юношескою незрелостью» и «натянутостью в содержании», но мастерство Лермонтова «рассыпает перед вашими глазами <...> богатство самоцветных камней поэзии» (Белинский 1955b. 191).

Заключение

Критическое творчество Белинского наиболее ярко выражается в статьях о Пушкине, Гоголе и Лермонтове. Белинский считал, что русская литература прошла путь от Ломоносова, Карамзина, Пушкина к Гоголю. Современные писатели должны развивать гоголевское наследие, создавать поэзию «жизни действительной». Именно с «реальной», а не с «идеальной» поэзией связывал Белинский литературу, которая приведет к изменениям общества. Поэзию Пушкина критик оценивал высоко, но считал, что Пушкин выполнил свою миссию — он создал русскую литературу как искусство (а не нравоучение). На смену Пушкину должны прийти новые писатели: такие, как Гоголь, Лермонтов и писатели «натуральной школы». Лермонтов, по мнению Белинского, отразил в своем творчестве портрет нового поколения людей бездействующих и рефлексирующих. Современные писатели должны проявлять активное отношение к окружающей жизни, воплощать прогрессивные общественные тенденции — в этом видел Белинский задачу литературы.

Литература

- 1- Белинский В.Г. (1953а). *Полное собрание сочинений: В 13 т.* / ред. коллегия: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829-1835 / [подгот. текста и коммент. В.С. Спиридонова; ред. В.А. Десницкий]; АН СССР; ИРЛИ. —М.: АН СССР, С. 20 – 104.
- 2- Белинский В.Г. (1953б.). *О русской повести и повестях г. Гоголя* // Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. —М.: Гос. издат. худож. лит. С. 5 – 63.
- 3- Белинский В.Г. (1953с.). *Литературные мечтания* // В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений: В 13 т. / ред. коллегия: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 1. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829-1835 / [подгот. текста и коммент. В.С. Спиридонова; ред. В.А. Десницкий]; АН СССР; ИРЛИ. —М.: АН СССР, С. 20 – 104.
- 4- Белинский В.Г. (1955а.). *Полное собрание сочинений: В 13 т.* / редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. Т. 7. Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843-1846 / [текст подгот. и коммент.сост. В.С. Спиридонов; ред. Д.Д. Благой]; АН СССР; ИРЛИ. —М.: АН СССР, С. 266 – 301.
- 5- Белинский В.Г. (1955б.). *Стихотворения М. Лермонтова <2>* // М. Ю. Лермонтов в русской критике: Сб. статей. / Вступ. статья и примеч. Д. Зонова. —М.: Гос. изд-во худож. лит. С. 124 – 196.
- 6- Белинский В.Г. (1955с.). *Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова <3>* // М. Ю. Лермонтов в русской критике: Сб. статей. / Вступ. статья и примеч. Д. Зонова. — М.: Гос. худож. лит. С. 27 – 116.
- 7- Березина В.Г. (2005). *Белинский-журналист (Теория. История. Практика).* / В. Г. Березина; под ред. Л. П. Громовой. - СПб.: Роза мира.
- 8- Бонжур Г.П. (1991). *Эстетика Белинского и его влияние на него идей Гегеля*, перевод М. Пуянде, Кетабе Собх / Книга утра, № 11, с. 59-66. (In Pers.).
- 9- Гоголь Н.В. (1952). *Несколько слов о Пушкине* // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М.; Л.]: АН СССР, 1937 – 1952. Т. 8. Статьи. С. 50 – 55.
- 10- Громов Н.И. (1997). *Белинский и литературная критика*, перевод —М. Фарази Касмаи, Художественная литература, № 43, с. 119-121. (In Pers.)
- 11- Домбровский Ю.А. (2017). *“Неистовый Виссарион” без ретуши.* — М.: ИТРК.
- 12- Зыкова Г.В. (2020). *История русской литературной критики XVIII-XIX веков: учебное пособие для вузов* / Г. В. Зыкова, В. А. Недзвецкий. — 2-е изд., испр. и доп. —М.: Юрайт, 270 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-08055-1. Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/450618>
- 13- Котельников В. (2022). *Множественность основ русской классической литературы.* Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы, 10 (1), 29–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.61186/iarll.19.29>

- 14- Кравченко О.А., Садеги Сахлабад З. Имманентная критика Юлия Айхенвальда: силуэты Гоголя и Достоевского // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 242–257. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-242-257>
- 15- Оксман Ю.Г. (1958). *Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского*. —М.: Художественная литература.
- 16- Пушкин А.С. (1978). *Опровержение на критики* // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. —Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. Т. 7. Критика и публицистика. С. 116 – 137.
- 17- Сорокина Н.В. (2011). В.Г. Белинский: специфика творческой индивидуальности критика (по материалам новейших исследований) / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, № 10 (102). С. 206-211.
- 18- Хамид Э. (1953). *Эстетика Белинского, Шиве / Метод*, № 1, с. 55-65. (In Pers.).
- 19- Щерблякин И.П. (2008). *Виссарион Белинский как журналист и литературный критик*. Литературно-публицистический очерк. Пенза: ПГПУ.

Bibliography

- 1- Belinskij V.G. (1953a.). *Polnoe sobranie sočinenij: V 13 t.* / red. kolegija: N. F. Bel'čikov (gl. red.) i dr. T. 1. Stat'i i recenzii. Hudožestvennye proizvedenija. 1829-1835 / [podgot. teksta i komment. V.S. Spiridonova; red. V.A. Desnickij]; AN SSSR; IRLI. —M.: AN SSSR, S. 20 – 104.
- 2- Belinskij V. G. (1953b.). *O russkoj povesti i povestjah g. Gogolja* // N. V. Gogol' v russkoj kritike: Sb. st. —M.: Gos. izdat. hudož. lit. S. 5 – 63.
- 3- Belinskij V.G. (1953c.). *Literaturnye mečtanija* // V.G. Belinskij. Polnoe sobranie sočinenij: V 13 t. / red. kolegija: N. F. Bel'čikov (gl. red.) i dr. T. 1. Stat'i i recenzii. Hudožestvennye proizvedenija. 1829-1835 / [podgot. teksta i komment. V.S. Spiridonova; red. V.A. Desnickij]; AN SSSR; IRLI. —M.: AN SSSR, S. 20 – 104.
- 4- Belinskij V.G. (1955a.). *Polnoe sobranie sočinenij: V 13 t.* / redkol.: N.F. Bel'čikov (gl. red.) i dr. T. 7. Stat'i i recenzii. 1843. Stat'i o Puškine. 1843-1846 / [tekst podgot. i komment.sost. V.S. Spiridonov; red. D.D. Blagoj]; AN SSSR; IRLI. —M.: AN SSSR, S. 266 – 301.
- 5- Belinskij V.G. (1955b.). *Stihotvorenija M. Lermontova <2>* // M. Ju. Lermontov v russkoj kritike: Sb. statej. / Vstup. stat'ja i primeč. D. Zonova. —M.: Gos. izd-vo hudož. lit. S. 124 – 196.
- 6- Belinskij V.G. (1955s.). *Geroj našego vremeni. Sočinenie M. Lermontova <3>* // M. Ju. Lermontov v russkoj kritike: Sb. statej. / Vstup. stat'ja i primeč. D. Zonova. —M.: Gos. hudož. lit. S. 27 – 116.

- 7- Berezina V.G. (2005). *Belinskij-žurnalist (Teorija. Istorija. Praktika)*. / V. G. Berezina; pod red. L. P. Gromovoj. —SPb.: Roza mira.
- 8- Bonžur G.P. (1991). *Èstetika Belinskogo i ego vlijanie na nego idej Gegelja*, prevod M. Pujande, Ketabe Sobh / Kniga utra, № 11, s. 59-66.
- 9- Gogol' N.V. (1952). *Neskol'ko slov o Puškine* // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sočinenij: [V 14 t.] / AN SSSR. In-t rus. lit. (Puškin. Dom). —M.; L.: AN SSSR, 1937 – 1952. T. 8. Stat'i. S. 50 – 55.
- 10- Gromov N.I. (1997). *Belinskij i literaturnaja kritika, prevod M. Farazi Kasmai*, Hudožestvennaja literatura, № 43, s. 119-121.
- 11- Dombrovskij, Ju.A. (2017). “*Neistovyy Vissarion*” bez retuši. —M.: ITRK.
- 12- Zykova G.V. (2020). *Istorija ruskoj literaturnoj kritiki XVIII-XIX vekov: učebnoe posobie dlja vuzov* / G. V. Zykova, V. A. Nedzveckij. — 2-e izd., ispr. i dop. —M.: Jurajt, 270 s. — (Vysšee obrazovanie). — ISBN 978-5-534-08055-1. Tekst: elektronnyj // ÈBS Jurajt [sajt]. — URL: <https://urait.ru/bcode/450618>
- 13- Kotelnikov V. (2022). *The Multiplicity of the Foundations of Russian Classical Literature*. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 10(1)*, 29–47. <https://doi.org/10.61186/iarll.19.29>
- 14- Kravchenko O.A., Sadeghi Sahlabad Z. *The Immanent Critique of Yuly Eichenvald: Silhouettes of Gogol and Dostoyevsky*. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 242–257. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-242-257>.
- 15- Oksman Ju.G. (1958). *Letopis' žizni i tvorčestva V.G. Belinskogo*. —M.: Hudožestvennaja literatura.
- 16- Puškin A. S. (1978). *Oproverženie na kritiki* // Puškin A. S. Polnoe sobranie sočinenij: V 10 t. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977—1979. T. 7. Kritika i publicistika. S. 116 – 137.
- 17- Sorokina N.V. (2011). *V.G. Belinskij: specifična tvorčeskoj individual'nosti kritika (po materialam novejših issledovanij)* / Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki, № 10 (102). S. 206-211.
- 18- Hamid È. (1953). *Èstetika Belinskogo, Šive / Metod*, № 1, s. 55-65.
- 19- Šeblykin I.P. (2008). *Vissarion Belinskij kak žurnalist i literaturnyj kritik*. Literaturno-publicističeskij očerk. —Penza: PGPU.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Sadeghi Sahlabad Zeinab (2024). COMPARISON OF CRITICAL VIEWS OF V.G. BELINSKY ON PUSHKIN, GOGOL AND LERMONTOV. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny, 12(1)*, 201-216.

DOI: 10.61186/iarll.23.12

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/290>

مقایسه دیدگاه‌های انتقادی بلینسکی درباره پوشکین، گوگول و لرمانتف

زینب صادقی سهل آباد*

استادیار گروه زبان روسی، دانشکده ادبیات، دانشگاه الزهراء،
تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: ژوئن ۲۰۲۳، تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۳)

چکیده

مقاله حاضر به بررسی دیدگاه‌های ادبی - انتقادی و.گ. بلینسکی اختصاص دارد. بلینسکی خالق نظریه‌ای تاریخی - ادبی بود که تصویری از توسعه ادبیات روسی از لامانوسف تا پوشکین و گوگول ارائه می‌داد. بلینسکی انعکاس پدیده‌های اجتماعی زندگی را بالاترین منزلت ادبیات می‌دانست. وی معتقد بود که پوشکین ادبیات روسی را به مثابه هنر خلق کرده است؛ اما آثار پوشکین را فاقد اهمیت اجتماعی بالا می‌دانست. در مقاله این نتیجه حاصل می‌شود که نقد بلینسکی با هدف تحولات انقلابی در جامعه بود، به همین دلیل او ادعا می‌کرد که پوشکین رسالت خود را به پایان رسانده است و باید جای خود را به نمایندگان واقعی شعر «واقعی»، مانند گوگول و لرمانتف بدهد. در نقد ادبی نوین ایران، توجه کافی به بررسی میراث خلاقانه بلینسکی یکی از تأثیرگذارترین منتقدان ادبی نیمه اول سده نوزدهم نشده است. این مقاله تحلیلی مقایسه‌ای از ایده‌های بلینسکی را ارائه می‌دهد که اهمیت پوشکین، گوگول و لرمانتف را در گسترش ادبیات روسی تعیین می‌کند.

واژگان کلیدی: بلینسکی، دیدگاه انتقادی، پوشکین، گوگول، لرمانتف.

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: <https://orcid.org/0000-0002-7031-0763>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

 <p>انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی The Iranian Association of Russian Language and Literature</p>	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3> <p>نام و نام خانوادگی / مؤسسه: .....</p> <p>شغل / نوع فعالیت: ..... میزان تحصیلات: .....</p> <p>نشانی: .....</p> <p>تلفن: .....</p> <p>کد پستی: ..... صندوق پستی: .....</p> <p>شماره‌های درخواستی از شماره ..... تا شماره ..... تعداد</p> <p>درخواستی از هر شماره: ..... تاریخ: .....</p> <p>امضاء</p>
---	--

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

*****

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نقریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی (دو فصلنامه علمی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- ویژگی‌های منحصر به فرد ژانر کتاب شعر نهایی یفتوشنکا «نمی‌دانم چگونه خدا حافظی کنم. اشعار. منظومه‌ها» (۲۰۱۳) سوتلانا پترونا گودکوا / آناستاسیا ولادیمیرونا خازیاکینا ۱۱
- گوش عامیانه امروزی و آموزش زبان روسی به دانشجویان ایرانی سانیا ابراهیمونا کاملوا ۲۵
- تصویر شرق در «نامه‌های یک روس از ایران» اثر ن.ف. ماسالسکی تاتیانا ولادیمیرونا مالتسوا ۴۳
- بازنمایی پدیدهٔ کودکی در «منظومهٔ تربیتی» اثر آ. ماکارنکا اولگا یوری‌بونا آسموخینا / نادژدا ولادیمیرونا چکاشوا ۵۹
- باز یافتن سرزمین مادری در شرایط انزوا از آن (بر اساس سرنوشت و آثار ای.آ. بونین) ناتالیا ویکتورونایا پراشروک ۷۵
- راهکنش‌های شخصیت‌پردازی لف تالستوی در دفتر یادداشت‌های روزانهٔ سوفیا تالستایا گریگوری والرئویویچ توکارف / مرضیه یحیی‌پور ۹۳
- خطاب در قصیده‌های غنایی لامانوسف به عنوان اشکال سخنوری گفتار ولادیمیر آناتولیویچ بورتسف ۱۰۷
- بازنمایی زبانی مفهوم «وطن» در متن لالایی به مثابهٔ ژانری از گفتمان تربیتی یلنا والرئویونا کوملوا ۱۲۹
- رنگ گل بنفشه در دامنه مفهومی رنگ در زبان روسی تاتیانا ویکتورونایا سیووا ۱۴۷
- تحلیل زبانی-فرهنگی متن داستان‌های «ماهیگیر و ماهی» و «ماهی سیاه کوچولو» ناهیده کلاشی ۱۶۹
- بازنمایی شهر در آثار منثور دانیلوف (رمان‌های «توصیف شهر»، «ساشا، سلام!») ایلگام ریاسیموویچ کوریایف ۱۸۵
- مقایسهٔ دیدگاه‌های انتقادی بلینسکی دربارهٔ پوشکین، گوگول و لرمانتف زینب صادقی سهل‌آباد ۲۰۱